

**Редакционный совет научного журнала
«Вестник НГУ. Серия: История, филология»**

Председатель совета серии

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зувев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

- Х. А. Амирханов акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)
- Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)
- Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)
- А. В. Головнёв чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)
- А. Е. Демидчик д-р ист. наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)
- А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)
- О. Д. Журавель д-р филол. наук, профессор (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Г. Е. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)
- С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)
- В. А. Ламин чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Россия)
- Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Япония)
- Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Германия)
- Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)
- Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)
- П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)
- И. В. Силантьев чл.-корр. РАН, д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Тан Чун д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)
- Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)
- Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия выпуска «Филология»

Ответственные редакторы

- О. Г. Щеглова канд. филол. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Л. Н. Синякова д-р филол. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь

- М. С. Берендеева канд. филол. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционной коллегии

- Т. С. Борисова д-р филол. наук, PhD (Афинский национальный университет им. И. Каподистрии, Греция)
- Н. Н. Казанский академик РАН, д-р филол. наук, проф. (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия)
- Н. Б. Кошкарева д-р филол. наук, проф. (Институт филологии СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)
- Н. А. Лукьянова д-р филол. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- И. А. Мельчук д-р филологии, проф. (Монреальский университет, Канада)
- Л. Г. Панин д-р филол. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Э. Стергиопулу д-р филологии, проф. (Афинский национальный университет им. И. Каподистрии, Греция)
- П. Энгель д-р наук (Европейский центр по консервации книг и бумаги, Хорн, Австрия)

Advisory Board of Academic Journal “Vestnik NSU. Series: History and Philology”

Chief of the Advisory Board

V. I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

A. S. Zuev Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

S. G. Skobelev Candidate of Sciences (History), Docent (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

- Kh. A. Amir Khanov Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
- B. Viola Doctor of Sciences (History), Professor (University of Toronto, Canada)
- E. E. Voytishchik Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- T. Glantz Doctor of Sciences (Philology), Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)
- A. V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)
- A. E. Demidchik Doctor of Sciences (History), Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)
- A. P. Derevianko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- J. Joubert Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)
- O. D. Zhuravel Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
- G. E. Imposti Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Bologna, Italy)
- S. M. Kotkin Doctor of Sciences (History), Professor (Princeton University, United States)
- V. A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- Oka Hiroki Doctor of Sciences (History), Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)
- H. Parzinger Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)
- H. Plisson Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)
- Bae Kidong Doctor of Sciences (Archaeology and Anthropology), Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)
- P. Rutland Doctor of Sciences (History), Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)
- I. V. Silantev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
- Tang Chung Doctor of Sciences (History), Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)
- T. Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)
- Yu. V. Shatin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board of the Issue “Philology”

Executive Editors

- O. G. Shcheglova Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- L. N. Sinyakova Doctor of Sciences (Philology), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary

- M. S. Berendeeva Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Board Members

- T. S. Borisova Dr Habil., PhD (National and Kapodistrian University of Athens, Greece)
- P. Engel Doctor of Sciences (European Research Centre for Book and Paper Conservation-Restoration, Horn, Austria)
- N. N. Kazanskiy Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Linguistic Studied of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation)
- N. B. Koshkareva Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
- N. A. Lukyanova Doctor of Sciences (Philology), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- I. A. Melchuk Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Montreal, Canada)
- L. G. Panin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- E. Stergiopoulou Doctor of Sciences (Philology), Professor (National and Kapodistrian University of Athens, Greece)

В Е С Т Н И К Н Г У

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2024. Том 23, № 9: Филология

СОДЕРЖАНИЕ

Языкознание

- Соловьёва Н. В.* Титулатурная война Московского государства с Великим княжеством Литовским на рубеже XVI–XVII веков: коммуникативно-прагматический аспект 9
- Руднев Д. В., Шарихина М. Г.* Типы глосс в «Уставе ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» 19
- Питина С. А., Харченко Е. В.* Антропонимы и этнонимы как маркеры идентичности урболекта 33
- Ма Цзя.* Представления о ювелирном деле как источник метафоризации в современной русской языковой картине мира 44
- Ким И. Е., Елисеева М.* Русская и сербская пунктуация XXI века: опыт сравнительного описания 53
- Ойноткинова Н. Р.* Животные семейства куньих в языковой картине мира алтайцев 69
- Чугунекова А. Н., Покоякова К. А.* Социально-экономический аспект репрезентации образа человека в хакасской пословичной картине мира 80

Литературоведение

- Юдин А. А., Подопригора В. В., Шилова И. А., Коваленко А. Н.* Псалтирь с Часословцем Ивана Федорова как сборник: структура и источники 92
- Зейферт Е. И.* Роль святочного рассказа в жанровой диффузии: «Бедность не порок» А. Н. Островского 102

<i>Анисимов К. В.</i> Как рождалась поэтическая историософия зрелого Бунина. Работы Гастона Масперо на страницах «Зодиакального света» и не только	112
<i>Шатин Ю. В.</i> Железная дорога как культурный феномен и как поэтический текст	124
<i>Проскурина Е. Н.</i> «Возвышенный взгляд на ужас»: функция орнаментальной поэтики в повести В. Зазубрина «Щепка»	132
<i>Сухих Н. М.</i> Пространственные характеристики повседневности в «Повести о сестре» М. А. Осоргина	144
In memoriam	
К столетию Виктора Георгиевича Одинокова (1924–2016)	150
Информация для авторов	152

V E S T N I K N S U

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2024, vol. 23, no. 9: Philology

CONTENTS

Linguistics

- Solovyova N. V.* The Titular War of the Moscow State with the Grand Duchy of Lithuania at the Turn of the 16th – 17th Centuries: Communication and Pragmatic Aspect 9
- Rudnev D. V., Sharikhina M. G.* Types of Intratextual Glosses in the *Charter of Military, Cannon and Other Matters Relating to Military Science* 19
- Pitina S. A., Kharchenko E. V.* Anthroponyms and Ethnonyms as Markers of the City Identity 33
- Ma Jia.* Representations of Jewelry as a Source of Metaphorization in the Modern Russian Linguistic Picture of the World 44
- Kim I. E., Eliseeva M. A.* Russian and Serbian Punctuation of the 21st Century: An Attempt at Comparative Description 53
- Oinotkinova N. R.* Animals of the Mustelid Family in the Linguistic Picture of the World of the Altaians 69
- Chugunekova A. N., Pokoiakova K. A.* Socio-Economic Aspect of a Person's Image Representation in the Khakass Proverbial Picture of the World 80

Literature

- Yudin A. A., Podoprigora V. V., Shilova I. A., Kovalenko A. N.* Ivan Fyodorov's Psalter with Book of Hours as a Miscellany: Composition and Sources 92
- Seifert E. I.* The role of the "Yuletide story" in genre diffusion: *Poverty is Not a Vice* by A. N. Ostrovsky 102

<i>Anisimov K. V.</i> How the Historiosophy of Bunin’s Mature Works Was Shaped. Researches by Gaston Maspero in <i>Zodiacal Light</i> and Some Other Oeuvres	112
<i>Shatin Yu. V.</i> The Railway as a Cultural Phenomenon and Poetic Text	124
<i>Proskurina E. N.</i> “A Sublime Look at Horror”: The Function of Ornamental Poetics in V. Zazubrin’s Story <i>Sliver</i>	132
<i>Sukhikh N. M.</i> Spatial Characteristics of Everyday Life in <i>The Tale of a Sister</i> by M. A. Osorgin	144
In memoriam	
On the centenary of Viktor Georgievich Odinokov (1924–2016)	150
Instructions to Contributors	152

Научная статья

УДК 811.161.1:811.161.3

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-9-18

Титулатурная война Московского государства с Великим княжеством Литовским на рубеже XVI–XVII веков: коммуникативно-прагматический аспект

Наталья Валентиновна Соловьёва

Белорусский государственный педагогический университет

имени Максима Танка

Минск, Республика Беларусь

n.solovyova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-7256-6650>

Аннотация

Рассмотрены коммуникативные стратегии и тактики в рамках полемики о традиционности и преемственности царского титула, которая развернулась между московским государем Борисом Годуновым и литовскими послами во главе с канцлером Великого княжества Литовского (ВКЛ) Львом Сапегой в 1600–1601 гг., проанализированы типы аргументов *pro et contra*, условия использования речевых уловок.

В силу отсутствия значительного опыта международного дипломатического общения линия коммуникативного поведения московской стороны оказывается слишком прямолинейной и открытой и базируется либо на рациональных доводах, зачастую не имеющих достаточного фактического подтверждения, либо на прямых угрозах, демонстрирующих уверенность Бориса Годунова в своем превосходстве и готовность к радикальному решению титулатурного вопроса.

Ключевые слова

дипломатическая полемика, царский титул, коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики, аргументация, речевая манипуляция, Борис Годунов, Лев Сапега

Для цитирования

Соловьёва Н. В. Титулатурная война Московского государства с Великим княжеством Литовским на рубеже XVI–XVII веков: коммуникативно-прагматический аспект // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 9: Филология. С. 9–18. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-9-18

The Titular War of the Moscow State with the Grand Duchy of Lithuania at the Turn of the 16th – 17th Centuries: Communication and Pragmatic Aspect

Natalia V. Solovyova

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank

Minsk, Belarus

n.solovyova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-7256-6650>

Abstract

Purpose. The struggle for the royal title recognition was one of priorities in the foreign policy of the Moscow State in diplomatic relations with the Grand Duchy of Lithuania (GDL) at the turn of the 16th – 17th centuries. The purpose of the article is to identify the communication and pragmatic features of the controversy about the title “tsar” between

the Russian monarch Boris Godunov and the Lithuanian ambassadors, which was preserved in the documents of the embassy of the GDL's Chancellor Lew Sapieha to Moscow (1600–1601).

Results. The main communication strategy of Boris Godunov in obtaining the recognition of the royal title was rational argumentation: succession by the right of inheritance and conquest, recognition by Christian and Muslim rulers, observance of the necessary rituals and diplomatic protocol. However, the key arguments of the Russian monarch were regarded by the Lithuanian side as a manipulative influence attempt, since they did not have sufficient documentary and factual confirmation. In turn, Lithuanian ambassadors also used verbal manipulation: deliberate substitution of the meaning of words, appeal to “God’s justice” and opponent’s emotions.

Conclusion. Despite the failure to achieve recognition of the royal title, the analyzed polemics played an important role in the development of Russian diplomatic communication, since: 1) it let clearly formulate the official position of the Russian government and systematize relevant arguments in favor of the royal title, 2) stimulated the search for new communication strategies and tactics to legitimize the royal title in foreign policy relations with the GDL.

Keywords

diplomatic polemics, royal title, communication strategies, communication tactics, argumentation, speech manipulation, Boris Godunov, Lew Sapieha

For citation

Solovyova N. V. The Titular War of the Moscow State with the Grand Duchy of Lithuania at the Turn of the 16th – 17th Centuries: Communication and Pragmatic Aspect. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 9: Philology, pp. 9–18. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-9-18

Введение

Одним из ключевых направлений внешней политики Московского государства по отношению к Великому княжеству Литовскому (ВКЛ) во 2-й половине XVI в. стала борьба московской дипломатии за признание литовской стороной царского титула. Так называемая «титулаторная война» [Хорошкевич, 1994; Филюшкин, 2006] между соседними государствами началась в конце 1540-х гг., когда Ивану IV – первому московскому государю, официально принявшему царский титул, неожиданно для себя пришлось отстаивать право называться царем в дипломатической коммуникации с королем Сигизмундом II.

Этот раунд борьбы за титул был проигран московской стороной: ни Сигизмунд II, ни его преемник Стефан Баторий так и не признали Ивана IV «царем» и «самодержцем». Причину этого исследователи усматривают прежде всего в отсутствии четкого и последовательного обоснования легитимности царского титула, а также в неготовности русской дипломатии отстаивать его на международном уровне [Филюшкин, 2006, с. 127–129].

После некоторого затишья в эпоху правления последнего из Рюриковичей – царя Федора Ивановича, титулаторная война Москвы с ВКЛ разгорелась вновь с приходом к власти в 1598 г. Бориса Годунова. Первый русский избранный, а не «прирожденный» государь отчаянно нуждался в укреплении своего авторитета как на внутренне-, так и на внешнеполитическом уровне, и вопрос о легитимизации царского титула для московской стороны в это время снова становится одним из приоритетных в дипломатических отношениях с Литвой.

Упоминания о титулаторных спорах Бориса Годунова и польско-литовского государя Сигизмунда III в научной литературе фрагментарны и встречаются преимущественно в исследованиях исторической и литературоведческой направленности (см. [Прохоренков, 2018; Кавалёв, Казбярук, 1999; Tyszkowski, 1927; Gajda, 2011] и др.). Вместе с тем лингвистический аспект титулаторной войны Московского государства и ВКЛ на рубеже XVI–XVII вв., который до сих пор не был предметом научного изучения, чрезвычайно интересен с точки зрения становления языка русской дипломатии и подразумевает не только анализ лексики терминологического характера и устойчивых языковых формул, но и исследование особенностей выстраивания коммуникативных стратегий, использование приемов аргументации и речевых манипуляций, что логично следует из самой сущности дипломатической коммуникации – с помощью языкового инструментария добиться определенных политических целей на выгодных для себя условиях. В этом отношении XVI в. оказался переломным и особенно значимым для Московского государства, ведь после двух с половиной веков вассальной зависимости и невозможности осуществлять самостоятельную внешнюю политику

ку русским правителям и дипломатам предстояло утвердиться на международной арене и восполнить недостающий опыт внешнеполитической коммуникации.

Материал и методы исследования

Уже в 1600 г., вскоре после избрания Годунова на царство, в Москву отправилось литовское посольство в составе канцлера ВКЛ Льва Сапеги, каштеляна Варшавского Станислава Варшицкого и писаря ВКЛ Гелиаша Пельгримовского. Целью посольской миссии являлось подписание мирного соглашения с Московским государством, крайне необходимого ВКЛ в условиях непростой международной обстановки на границах государства [Флоря, 1973, с. 142–143]. Г. Пельгримовский, выполнявший обязанности секретаря дипломатической миссии, вел дневниковые записи, где не только описывал подробности пребывания литовских послов в Москве, но и размещал стенограммы переговоров и копии посольских документов.

Оригинальные заметки (или прозаический дневник¹) Г. Пельгримовского, не сохранились, однако известны несколько копий, воспроизводящих отдельные фрагменты первоисточника [Tyszkowski, 1927, s. 2]. Материалом для настоящего исследования послужила наиболее полная сохранившаяся копия прозаического дневника Г. Пельгримовского, текст которой был опубликован в 2002 г. Институтом истории Литвы (Lietuvos istorijos institutas) с сохранением языковых особенностей рукописного оригинала² – «Pilgrimovijus E. Didžioji Leono Sapiegos pasiuntinybė į Maskvą, 1600–1601 m» (Pilgrimovijus, 2002). Несмотря на отсутствие датировки и подписи, установлено, что время создания копии практически совпадает со временем появления оригинального дневника: не позднее 1-й половины XVII в. (Pilgrimovijus, 2002, s. 11–12), что минимизирует вероятность существенных орфографических и лексических расхождений и, соответственно, обуславливает ценность данного текста не только как исторического, но и как лингвистического источника.

Как следует из записей Г. Пельгримовского, московская сторона наотрез отказалась от переговоров до тех пор, пока не будет решен вопрос о царском титуле. В результате первая переговорная сессия была посвящена исключительно обсуждению титулования русского государя. Кроме того, от имени царя Бориса литовской стороне был вручен письменный документ – своего рода нота с претензией польско-литовскому королю Сигизмунду III и прибывшим послам о неполном именовании русского монарха «не по царскому достоянию» и перечнем аргументов, которые, по убеждению московских дипломатов, являлись достаточным обоснованием традиционного и легитимного характера царского титула. Список этого документа сохранился в составе дневниковых записей Г. Пельгримовского под заглавием «Cedula od Moskwy podana o Carski Tytul» (Pilgrimovijus, 2002, s. 35–38). На полученную от московских бояр ноту участники посольской миссии ВКЛ подготовили письменный ответ (в состав прозаического дневника этот текст включен под заглавием «Respons Ich Mci na te cedule Moskiewska, o Carski Tytul» (Pilgrimovijus, 2002, s. 38–41), предприняв попытку разбить доводы политических оппонентов контраргументацией.

Поскольку оба текста – и претензия московской стороны, и ответ литовских послов – сохранились в записях Г. Пельгримовского, на страницах дневника возник своего рода заочный полемический диалог о титулатуре московского государя, где каждая сторона пыталась любой ценой отстоять свой взгляд на исконность и легитимность царского титула, используя арсенал разнообразных коммуникативных средств. Таким образом, выбор методов исследо-

¹ В начале XVII в. на основе прозаических заметок Г. Пельгримовским была написана эпическая поэма «Poselstwo i krotkie spisanie rozprawy z Moskwa», известная также как «рифмованный дневник»; см.: Pielgrzymowski E. Poselstwo i kratkie spisanie rozprawy z Moskwa. Poselstwo do Zygmunta Trzeciego. Warszawa, 2010. 453 s.

² Рукопись находится в Научной библиотеке Польской академии знаний и Польской академии наук (Biblioteka naukowa PAU i PAN) в Кракове.

вания – риторический и дискурс-анализ в сочетании с культурно-исторической интерпретацией – полностью предопределен целью работы и спецификой языкового материала.

Оба текста написаны «латинкой» с соблюдением принципов, сформированных под влиянием польского письма (*sz* [ш], *cz* [ч], *ch* [х] и т. д.), и в целом отражают фонетические особенности языка официального делопроизводства ВКЛ XV–XVII вв.³ При этом важно заметить, что формуляр списка текста, переданного московской стороной литовским послам, в том числе invocatio и intitulyacja, соответствует старорусским дипломатическим текстам эпохи, что свидетельствует о стремлении переписчика сохранить содержательные особенности оригинального документа.

Обсуждение и результаты

Центральное место в системе доводов московской стороны занимает **аргумент преемственности по праву наследования**, основанный на легенде о «дарах Мономаха», повествующей о передаче символов верховной власти византийских императоров князю Владимиру Мономаху: «*Nam Wielikim Hospodarom Boh dal od preznich Wielikich Hospodarey Carey Rosijskich po czen od Wielikoho Hospdra Wladymierza Monomacha ot hrek vvysoko dostoinieyszoho czesc wosprieniszoho u wienczan Czarskim Wiencom u diademoiu ot wielikich Hospdrey od Constantinopolskich Carey*» (Pilgrimovijus, 2002, s. 37).

Легенда о «дарах Мономаха», однако, не более чем политический миф, возникший на рубеже XV–XVI вв. и впервые упомянутый в «Сказании о князьях Владимирских» и чине венчания Дмитрия Ивановича «Внука» [Бычкова, 1993, с. 251] – текстах, имеющих на внутригосударственном уровне программный характер с точки зрения обоснования и укрепления формирующегося в то время института царской власти. Во внешнеполитической коммуникации эта легенда впервые прозвучала в 1549 г., когда московские послы, отправленные Иваном IV для ратификации перемирия, получили наказ объявить Сигизмунду II, «абы его Королевская милость въ листе докончалномъ и во всихъ инъшихъ справахъ своихъ Господарихъ Царемъ писалъ по венчанью его, которое онъ маеть отъ предковъ своихъ Великихъ Князей меновите отъ Великого Князя Киевского Манамаха» (КПИМ-I, с. 51).

Тогда, в середине XVI в., попытка использования мифа о «дарах Мономаха» в качестве инструмента легитимизации царского титула на международном уровне потерпела неудачу лишь по причине изменившихся геополитических условий (Киев в это время входил в состав ВКЛ и, соответственно, претендовать на наследование титула киевского князя в 1649 г. мог в равной степени и Сигизмунд II), не встретив в остальном сколь-нибудь серьезных возражений со стороны литовской знати. Однако через полвека ответ Л. Сапеги, данный Борису Годунову, продемонстрировал глубокое и скрупулезное изучение этого вопроса литовской стороной: «*Nieslychali iesmo toho niodkoho tolko od was u nieczytali toho wzadnych Kroynikach wktorych opisany suc wsi dziei*» (Pilgrimovijus, 2002, s. 39). Констатируя таким образом фактическое искажение действительности в послании, полученном от московских дипломатов, литовские послы не преминули намекнуть на нарушение принципа династической преемственности и нанесли тем самым удар по болезненному самолюбию Бориса Годунова.

Тем не менее использование русской стороной легенды о «дарах Мономаха» в качестве фактологического довода вряд ли можно рассматривать как попытку преднамеренной манипуляции, поскольку в XVI в. на фоне активных процессов становления этнического самосознания миф о царе Мономахе очень органично встроился в концепцию национальной идентичности, став неотъемлемой частью представления русского общества о себе – тем самым «изобретением прошлого» (термин Л. А. Репиной [2012, с. 7]), которое снимало противоречия в настоящем и объясняло причины происходящих событий. Именно поэтому для москов-

³ В качестве обозначения письменного языка ВКЛ в лингвистических исследованиях используются термины «рус(ь)ка мова», «проста мова», «старобелорусский язык», «западнорусский язык» и др. Подробнее о существующих подходах и терминологии см. [Мякишев, 2008].

ской стороны исконность и преемственность являлась ключевым и вполне логичным доводом в обосновании легитимности царского титула, несмотря на объективные, казалось бы, контраргументы литовских дипломатов.

Преемственностью по праву завоевателя объясняется появление титула *царь* с «географическими» титулами в составе официального именованя русского государя – *царь Астраханский, царь Казанский, царь Сибирский*.

Титулы «царь Казанский» и «царь Астраханский» впервые появились в официальном именовании русского государя после завоевания московскими войсками Казанского (1552 г.) и Астраханского (1554 г.) ханств, правители которых в старорусских деловых документах именовались царями. В середине XVI в. боевые успехи Москвы пришлись как нельзя кстати и в титулатурной войне: в попытке склонить литовскую знать к признанию русского государя царем этот факт стал одним из ключевых аргументов: «а нынѣ государю нашему Богъ даль къ его государству великіе два мѣста царскіе, на которыхъ госдарствахъ и вѣчно цари же были» (Сб. РИО, т. 59, с. 452).

Практика наследования титула правителя завоеванных земель вслед за Иваном IV была использована для легитимизации царского титула и Борисом Годуновым, который к титулам «царь Казанский» и «царь Астраханский» добавил титул «царь Сибирский» после окончательного подчинения Сибири в 1598 г.: «Nietokmo szto rosyskoho Hspdrstwa Carskoie, umienowanie boh Nam podarowal y musulmanskich Hspdrstw Carstwa Kazanskoho y Astrachanskoho y Sibirskoho» (Pilgrimovijus, 2002, s. 37). Впрочем, в отличие от первого раунда титулатурной войны, на рубеже XVI–XVII вв. этот довод в системе аргументации московской стороны вряд ли можно назвать ключевым: о титулах «мусульманских господарств» в рассматриваемом документе упоминается лишь вскользь, как бы между прочим, что вполне объяснимо. Московская сторона сделала вывод из неудачи полувековой давности, когда, мотивируя свой отказ называть Ивана IV царем, Сигизмунд II заметил, что так называют только «бусурманских» правителей, «а онъ, братъ нашъ, есть Господаремъ Христианьским» (КПМ-I, с. 96). Однако в то же время Сигизмунд II указывал и на то, что среди христианских монархов лишь цесарь – император Священной Римской империи имеет право на царский титул (КПМ-I, с. 51), эксплицируя тем самым очевидное противоречие – царем может называться только наиболее авторитетный из христианских монархов и в то же время все «бусурманские» правители, которое усугублялось традицией написания титула *црь* «под титлом».

Вероятно, правящей элите ВКЛ так и не удалось разрешить сложившееся в середине XVI в. противоречие, связанное с непониманием семантики русского титула *царь* и его места в иерархии европейских монархов, в результате чего довод преемственности по праву завоевателя, использованный Борисом Годуновым в полемическом споре с литовскими послами, был проигнорирован в ответном послании канцлера Л. Сапеги.

Еще одним веским аргументом в пользу легитимности царского титула являлось, по мнению московской стороны, его **«всеобщее признание»**: «proslawlena nasza prewysoczayszaia Carskaia Stepien Wieliczestwa slawoiu y czestiu *wowsiey* wseleniem ot *wsich* wielikich Hspdrej, y *wsie* Wielikiie Hspdry Cesar Rymski y Korol Hiszpanski y *wsie* Chrescianskie Hspdry y Koroli, y Naywyzszy Papa Rymski y Musulmanskie Hspdry Szach Perski y Soltan Turski y o te Musulmanskiie Hspdry *wsie* opisuiuc Nasze Carskoie imia s polnym Carskim imienowaniem» (Pilgrimovijus, 2002, s. 37). Помимо апелляции к авторитету группы в данном случае усматривается и попытка суггестивного воздействия на оппонентов за счет гиперболизации и лексического повтора: неоднократное употребление форм местоимения *весь* (= ‘без исключений’), расширяет авторитет перечисленных (немногочисленных!) правителей до масштабов большинства.

Особое внимание в системе обоснования легитимности царского титула московская сторона уделила фактам венчания Годунова на царство и своевременного оповещения об этом польско-литовского монарха, которые можно было бы обозначить как **«аргументы к традиции»**. При этом венчание как внутрироссийская практика легитимизации власти не имело

особой значимости на международном уровне в отличие от обычая «сослаться» и «государство обвести», по которому новый монарх грамотой через посольных должен был уведомить соседних и дружественных государей о своем монаршем статусе. Для московской стороны этот момент был крайне важен, поскольку в середине XVI в. именно отсутствие такого рода уведомления стало для Сигизмунда II одним из поводов не признавать царский титул Ивана IV. И вот спустя почти полвека русский государь намеренно заострил внимание на том, что на этот раз всё сделано в соответствии с традицией: «posylali y Zygimontu Korolu Hspdrstwo Nasze obwiescici poslannika naszoho y Dworanina Dumnoho y Iasielniczoho y Namiesnika Mozayskoho Michayla Ihnaciewicza Tatiszczewa Diaka Iwana Maximowa y znimi y Zygmontu Korolu *prykazowal*, cztob Zygmont Korol pisal knam y Wielikomu Hspdru s polnym Carskim imienowaniem» (Pilgrimovijus, 2002, s. 38).

Последнее замечание, впрочем, глубоко возмутило Льва Сапегу с товарищами: «nikomu sie nie zoydet tak wielikomu Hspdru *prykazowac*, nikomu Wielikiie Hspdry nieposluszni tolko samomu bohu, y Wasz Hspdr Korola JE Mci Hspdru Naszomu niczoho *prykazowaci niemozec*» (Pilgrimovijus, 2002, s. 41). «Возмущение» литовских послов здесь, однако, не что иное, как коммуникативная уловка, основанная на эквивокации многозначного глагола *приказывати*, который в языке эпохи, помимо прочих, имел значения ‘рассказать’ или ‘уведомить’ (СРЯ XI–XVII, вып. 19, с. 173). Во 2-й половине XVI в. практика «приказов» являлась стандартной формой дипломатической коммуникации московского и польско-литовского монархов и не имела модальности жесткого императива, скорее подразумевая настойчивую просьбу или пожелание⁴. Обыгрывая в своем ответе значения ‘приказать’ и ‘уведомить’, Лев Сапега хотел вызвать чувство неловкости и расшатать тем самым позиции уверенных в своей правоте оппонентов.

В попытке отстоять царский титул Борис Годунов также не ограничивается только рациональной аргументацией и в свою очередь пытается воздействовать на эмоции оппонентов, упрекая польско-литовского монарха во враждебности: «Zygmont Korol <...> *nielubie okazuiet Nasze Carskie Wieliczestwo opisuiet, niespolnym Carskim ymienowaniem*» (Pilgrimovijus, 2002, s. 38).

В целом во второй части царского послания риторика Бориса Годунова кардинально меняется: логические доводы уступают место аргументации «ad baculum» («к палке») – шантажу и угрозам, традиционно рассматриваемым как тактики конфронтационной коммуникативной стратегии [Иссерс, 2008, с. 70]: «budet Zygmont Korol naszoho Carskoho ymienowania nieopisze spolna po Naszomu Carskomu dostoianiu, y miez naszoho Carskoho wieliczestwa y Hspdra Waszoho Zygmonta Korola <...> *pokoy Chrzescianski statysiq niemozet ykrowo rozlicie wo chrzescianstwie nieperestanet* A Hspdra Waszoho Zygmonta Korola *Zygmontom Polskim y Wielikim Kniazem Litowskim a nie Korolem*» (Pilgrimovijus, 2002, s. 38). Цель столь агрессивного речевого поведения вполне понятна – оказать психологическое давление на литовских послов, обрисовав возможные последствия в случае дальнейшего обращения к русскому государю «не с полным царским именованьем», и тем самым с позиции силы принудить их к принятию выгодного Годунову решения.

Ответом на декларативные угрозы московской стороны в этой заочной полемике стала известная фраза Льва Сапегу: «Woynu poczac Wy mozecie ale koniec Woynu w rukach Bozych» (Pilgrimovijus, 2002, s. 41), которая не только вскрывала несостоятельность «палочных» доводов, но и недвусмысленно напоминала о неблагоприятном для московской стороны исходе силового решения титулатурного спора Ивана IV с польско-литовскими правителями в середине XVI в. В то же время литовские послы со всей очевидностью понимали решитель-

⁴ Для интерпретации семантики глагола *приказывати* в дипломатических документах эпохи показателен, например, фрагмент переговоров литовских послов с боярами (1553 г.): «и коли межь государей вѣчное доброе пожитье станетца <...> государь вашь тогды о том своем имени къ государю нашему *прикажетъ*, и государь нашъ то учинить знаменито, обошлетца о томъ съ папою и съ цесаремъ и зъ братомъ его съ Фердинандомъ» (Сб. РИО, т. 59, с. 395)

ность царя в решении титулатурного вопроса и всячески пытались сгладить конфронтацию, прибегнув к тактике солидаризации с акцентом на территориальное, конфессиональное и языковое единство ВКЛ и Московского государства, что проявляется в использовании лексических средств со значением общности: «Wy sami wiedaiecie szto iesmy sobie susiedy», «kotoryiestecie znamy odnoho Narodu y iezyka Slowienskoho y odnoie wiery» (Pilgrimovijus, 2002, s. 41).

Заключение

В титулатурной полемике Бориса Годунова с литовскими послами, развернувшейся в 1600–1601 гг. во время дипломатической миссии канцлера ВКЛ Льва Сапеги в Москву, основной коммуникативной стратегией московской стороны по вполне объяснимым причинам стала стратегия аргументации⁵. При отсутствии значительного опыта международного общения использование рациональных доводов для того, чтобы убедить литовских оппонентов в традиционном и легитимном характере титула *царь* в составе титулатуры русских монархов, представлялось для московского государя и переговорщиков наиболее понятным и логичным.

При этом к новому витку титулатурной войны, развернувшейся между государствами еще в середине XVI в., московская сторона подошла гораздо более подготовленной. Наивная и фрагментарная аргументация эпохи Ивана IV в послании Бориса Годунова литовским дипломатам сменилась последовательной системой логических доводов, среди которых: 1) апелляция к социально-общественным нормам эпохи, предполагающим преемственность титула как по праву наследования, так и по праву завоевания; 2) апелляция к авторитету – в данном случае к авторитету группы, сообщества христианских и мусульманских правителей; 3) апелляция к традиции, что подразумевает выполнение устоявшихся ритуализованных действий и дипломатического протокола. С учетом сложившейся на рубеже XVI–XVII вв. геополитической ситуации Борис Годунов решает прибегнуть и к использованию агрессивных коммуникативных тактик, рассчитывая запугать литовских оппонентов и продемонстрировать готовность заполучить титул любой ценой, что тоже вполне оправданно в рамках полемического дискурса.

Вместе с тем избранная московской стороной линия коммуникативного поведения слишком открыта и прямолинейна: от перечисления доводов фактологического (и псевдофактологического) характера к декларативным угрозам. Все попытки речевых манипуляций при этом остаются на поверхности, легко «считываются» и игнорируются литовскими оппонентами, которые, в свою очередь, пытаются уйти от открытой конфронтации.

Во время посольства Льва Сапеги в Москву спор о царском титуле так и не был завершён. Решение титулатурного вопроса было отложено до ответного визита русских послов к Сигизмунду III для ратификации перемирного соглашения, что лишь подстегнуло московскую власть и дипломатов к поиску новых средств коммуникативного воздействия и совершенствованию коммуникативных стратегий и тактик дипломатической полемики в отстаивании государственных интересов.

⁵ В современных исследованиях наряду с термином «стратегия аргументации» / «аргументативная стратегия» в качестве обозначения коммуникативной стратегии, направленной на убеждение адресата, используются термины «стратегия убеждения» и «персуазивная стратегия» (например, [Паршина, 2007; Полуйкова, 2010] и др.). Исчерпывающий анализ существующих подходов к соотношению и определению объема понятий «убеждение», «персуазивность» и «аргументация» представлен в [Туманова, 2015]. Использование термина «стратегия аргументации» в настоящем исследовании акцентирует рациональный, логический характер доводов московской стороны в полемике с литовскими послами.

Список литературы

- Бычкова М. Е.** Обряды венчания на престол 1498 и 1547 гг.: воплощение идеи власти государя // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1993. Vol. 34. P. 245–255. DOI 10.3406/cmr.1993.2351
- Иссерс О. С.** Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ, 2008. 288 с.
- Мякишев В. П.** Язык Литовского статута 1588 г. Krakow: Lexis, 2008. 717 S.
- Паршина О. Н.** Российская политическая речь: теория и практика. М.: ЛКИ, 2007. 232 с.
- Полуйкова С. Ю.** Персуазивные стратегии в современном просветительском дискурсе // Вестник Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2010. Т. 4, вып. 10. С. 63–67.
- Прохоренков И. А.** Проект польско-российской унии на страницах дневников Гелиаша Пельгримовского // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. История. 2018. Т. 63, вып. 3. С. 702–717. DOI 10.21638/11701/spbu02.2018.302
- Репина Л. П.** Опыт социальных кризисов в исторической памяти // Кризисы переломных эпох в исторической памяти / Под ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 3–37.
- Туманова Г. А.** Коммуникативная стратегия убеждения и особенности ее реализации в политическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 283 с.
- Филюшкин А. И.** Титулы русских государей. СПб.: Альянс-Архео, 2006. 256 с.
- Флоря Б. Н.** Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI – начале XVII в. М.: Наука, 1973. 224 с.
- Хорошкевич А. Л.** Царский титул Ивана IV и боярский «мятеж» 1553 года // Отечественная история. 1994. № 3. С. 23–42.
- Кавалёў С., Казбярук У.** Письменнік, палітык эпохі рэнесансу // Спадчына. 1992. № 4. С. 28–53.
- Gajda M.** Poselstwo Lwa Sapiehy w Moskwie w latach 1600–1601 w świetle polskich relacji dyplomatycznych oraz relacji Izaaka Massy i Jacques'a Margereta // *Piotrkowskie Zeszyty Historyczne*. 2011. № 12/1. S. 124–144. (на пол. яз.)
- Tyszkowski K.** Poselstwo Lwa Sapiehi w Moskwie 1600 r. Lwow, 1927. 88 s. (на пол. яз.)

Список источников и словарей

- КПМ-I – Книга посольская метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государственование короля Сигизмунда Августа (с 1545 по 1572 г.). М.: Университетская типография, 1843. 516 с.
- Сб. РИО – Сборник Императорского русского исторического общества: В 148 т. СПб., 1867–1916.
- СРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука; СПб.: Нестор-История, 1975–2019. Вып. 1–31.
- Pilgrimovijus E.** Didžioji Leono Sapiegos pasiuntinybė į Maskvą, 1600–1601 m.; Lietuvos istorijos institutas; parengė Jūratė Kiaupienė. Vilnius: Žara, 2002. 112 p. (на лит. яз.)

References

- Bychkova M. E.** Obryady venchaniya na prestol 1498 i 1547 gg.: voploshchenie idei vlasti gosudarya [The crowning rituals of 1498 and 1547: the incarnation of monarchic power ideas]. *Cahiers du monde russe et soviétique* [Notes of the Russian and Soviet World]. 1993, vol. 34, no. 1–2, pp. 245–255. (in Russ.) DOI 10.3406/cmr.1993.2351
- Filyushkin A. I.** Tituly russkikh gosudarei [Titles of Russian sovereigns]. St. Petersburg, Al'yans-Arkheo Publ., 2006, 256 p. (in Russ.)

- Florya B. N.** Russko-pol'skie otnosheniya i baltiiskii vopros v kontse XVI – nachale XVII v. [Russian-Polish relations and the Baltic question at the end of the 16th – beginning of the 17th centuries]. Moscow, Nauka, 1973, 224 p. (in Russ.)
- Gajda M.** Poselstwo Lwa Sapiehy w Moskwie w latach 1600–1601 w świetle polskich relacji dyplomatycznych oraz relacji Izaaka Massy i Jacques'a Margereta [Lew Sapieha's mission to Moscow in the years 1600–1601 in the light of Polish diplomatic relations and the relations between Isaac Massa and Jacques Margeret]. *Piotrkowskie Zeszyty Historyczne [Piotrkow Historical Notes]*, 2011, no. 12/1, pp. 124–144. (in Pol.)
- Issers O. S.** Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi [Communicative strategies and tactics of the Russian speech]. Moscow, LKI, 2008, 288 p. (in Russ.)
- Kavaleu S., Kazbyaruk U.** Pis'mennik, palityk epokhi renesansu [Writer, politician of the Renaissance]. *Spadchyna [Heritage]*, 1992, no. 4, pp. 28–53. (in Belarus.)
- Khoroshkevich A. L.** Tsarskii titul Ivana IV i boyarskii “myatezh” 1553 goda [The Tsar's title of Ivan IV and the boyar “rebellion” of 1553]. *Otechestvennaya istoriya [Domestic History]*, 1994, no. 3, pp. 23–42. (in Russ.)
- Myakishev V. P.** Yazyk Litovskogo statuta 1588 g. [The language of the Lithuanian Statute of 1588]. Krakow, Lexis Publ., 2008, 717 p. (in Russ.)
- Parshina O. N.** Rossiiskaya politicheskaya rech': teoriya i praktika [The Russian political speech: theory and practice]. Moscow, LKI, 2007, 232 p. (in Russ.)
- Poluikova S. Yu.** Persuazivnye strategii v sovremennom prosvetitel'skom diskurse [Persuasive strategies of the modern enlightening discourse]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]*, 2010, vol. 4, iss. 10, pp. 63–67. (in Russ.)
- Prokhorenkov I. A.** Proekt pol'sko-rossiiskoi unii na stranitsakh dnevnikov Geliasha Pel'grimovskogo [The Project of Polish-Russian Union in Geliash Pelgrimovsky's Diaries]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya [Herald of Saint Petersburg University. History]*, 2018, vol. 63, iss. 3, p. 702–717. (in Russ.) DOI 10.21638/11701/spbu02.2018.302
- Repina L. P.** Opyt sotsial'nykh krizisov v istoricheskoi pamyati [Experience of social crises in historical memory]. In: Repina L. P. (ed.) *Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoi pamyati [Crises of turning points in historical memory]*. Moscow, Institute of General History RAS Publ., 2012, pp. 3–37. (in Russ.)
- Tumanova G. A.** Kommunikativnaya strategiya ubezhdeniya i osobennosti ee realizatsii v politicheskom diskurse (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov) [Communication strategy of persuasion and features of its implementation in political discourse (based on the material of the Russian and German languages)]. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2015, 283 p. (in Russ.)
- Tyszkowski K.** Poselstwo Lwa Sapiehi w Moskwie 1600 r. [Lew Sapieha's mission to Moscow in 1600]. Lwow, 1927, 88 p. (in Pol.)

List of Sources and Dictionaries

- Kniga posol'skaya metriki Velikogo knyazhestva Litovskogo, sodержashchaya v sebe diplomatische snosheniya Litvy v gosudarstvovanie korolya Sigizmunda Avgusta (s 1545 po 1572 g.) [The book of ambassadorial metrics of the Grand Duchy of Lithuania, containing the diplomatic relations of Lithuania during the reign of King Sigismund Augustus (from 1545 to 1572)]. Moscow, University Printing House, 1843, 516 p.
- Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. In 148 vols. St. Petersburg, 1867–1916.
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th Centuries]. Moscow, Nauka, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 1975–2019, iss. 1–31. (in Russ.)

Pilgrimovijus E. Didžioji Leono Sapiegos pasiuntinybė į Maskvą, 1600–1601 m. [The Great Embassy of Leon Sapiega to Moscow, 1600–1601]; Lietuvos istorijos institutas [Lithuanian Institute of History]. Vilnius, Žara, 2002, 112 p. (in Lith.)

Информация об авторе

Наталья Валентиновна Соловьёва, кандидат филологических наук, доцент
Scopus Author ID 57212601504

Information about the Author

Natalia V. Solovyova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
Scopus Author ID 57212601504

*Статья поступила в редколлегию 29.01.2024;
одобрена после рецензирования 25.02.2024; принята к публикации 28.02.2024
The article was submitted on 29.01.2024;
approved after reviewing on 25.02.2024; accepted for publication on 28.02.2024*

Научная статья

УДК 811.161.1'373.6

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-19-32

Типы внутритекстовых глосс в «Уставе ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки»

Дмитрий Владимирович Руднев¹
Миляуша Габдрауфовна Шарихина²

^{1,2} Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

² Институт лингвистических исследований Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия

¹ rudnevd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3264-9483>

² justmilya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7596-9014>

Аннотация

В начале XVII в. русские переводчики европейских научных текстов вынуждены были решать непростую задачу поиска речевых средств, способных донести до читателя содержание текстов и передать отсутствующие в русском языке европейские речевые и понятийные модели. Одним из способов адаптации содержания новых для русской культуры текстов было их глоссирование. В статье описаны типы внутритекстовых глосс в «Уставе ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки», причины и способы их введения в текст. Установлено, что, кроме глосс переводчиков на русский язык второго тома трактата Л. Фронспергера «Kriegsbuch» (1573), в тексте присутствуют также глоссы автора трактата и издателей текста, различающиеся своим оформлением.

Ключевые слова

история русского языка, XVII век, перевод, научный текст, глосса, Л. Фронспергер, А. Радишевский

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ № 23-28-00776 «Язык русских военных уставов XVII века». Руководитель проекта – д-р филол. наук Д. В. Руднев

Для цитирования

Руднев Д. В., Шарихина М. Г. Типы внутритекстовых глосс в «Уставе ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 9: Филология. С. 19–32. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-19-32

Types of Intratextual Glosses in the *Charter of Military, Cannon and Other Matters Relating to Military Science*

Dmitry V. Rudnev¹, Milyausha G. Sharikhina²

^{1,2} The Herzen State Pedagogical University of Russia
St. Petersburg, Russian Federation

¹ St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation

² Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation

¹ rudnevd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3264-9483>

² justmilya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7596-9014>

Abstract

Purpose. The aim of the article is to describe intratextual glosses in the *Charter of Military, Cannon and Other Matters Relating to Military Science*, the reasons for and ways of introducing them into the text.

Results. Three sources of gloss were identified: the author of *Kriegsbuch* L. Fronsperger, the translators (A. Radishevsky, M. Yuryev and I. Fomin) and the publishers of the text. The glosses in the German text were formed using the conjunctions *oder* (in the Russian translation it corresponds to the conjunctions *syrech* and *ili*), *das ist* (in the Russian *syrech* and *to yest'*) and mainly served to explain the borrowed vocabulary from the Latin, in isolated cases from the Italian and the Greek. The publishers' glosses are a few bracketed inclusions, inside which an explanation is given for some obsolete nominations or variants of words. Approximately 50 glosses entered by translators explain spatial measurements, chemicals and materials, names of persons by occupation or duties, military affairs. Syntactically, they are more often formed using the conjunctions *syrech* and *to yest'*, rarely the conjunction *ili*.

Conclusion. Fronsperger's rare glosses were oriented to the German reader of the second half of the 16th century, who was well acquainted with military and scientific terminology, numerous translators' glosses – to the Russian reader of the early 17th century, who was not familiar with European scientific texts of the New Age, publishers' glosses – to the reader of the second half of the 18th century, who no longer knew some Russian words of the 17th century.

Keywords

history of the Russian language, 17th century, translation, scientific text, gloss, L. Fronsperger, A. Radishevsky

Acknowledgements

The reported study was funded by the Russian Science Foundation, the projects no. 23-28-00776 “The language of Russian military regulations of the 17th century”. Project supervisor – Dr. of Sci. (Philol.) D. V. Rudnev

For citation

Rudnev D. V., Sharikhina M. G. Types of Intratextual Glosses in the *Charter of Military, Cannon and Other Matters Relating to Military Science*. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 9: Philology, pp. 19–32. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-19-32

Введение

Под глоссой понимают «перевод или толкование непонятного, устаревшего, диалектного слова или выражения, написанные над или под ним... или на полях рукописи или книги» [Федосеева, 1990, с. 107]; в широком смысле к глоссами относят «толкования непонятных или малоупотребительных слов и выражений, сделанные не только на полях или между строк рукописи, но и в тексте печатной книги» [Мальшев, 2019, с. 74–75]. Существует большая научная литература, посвященная особенностям употребления глосс в средневековых рукописных богослужебных текстах (см., например, работы Г. С. Баранковой, В. А. Ромодановской, Т. В. Пентковской, М. Гардзанити, Л. И. Журовой и мн. др.), предложены различные классификации глосс (например, [Ковтун, 1989; Ромодановская, 2001; Пентковская, 2020] и др.). Далее в нашей работе мы принимаем широкое понимание глоссирования и включаем в состав глосс также «внутритекстовые», или «линейные» [Мальшев, 2019, с. 75], глоссы.

«Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» (далее – «Устав») представляет собой выборочный перевод текста второго тома военного трактата Л. Фронспергера «Kriegsbuch» (Frankfurt am Main, 1573 г.). Его текст (под названием «Воинская книга о всякой стрельбе и огненных хитростях») был составлен мастером Печатного двора Анисимом Радишевским в 1620 г. [Немировский, 1997, с. 5–18] на основе «Воинской книги» – выборочного перевода второго тома «Kriegsbuch», выполненного «переводчиками Посольского приказа Михаилом Юрьевым и Иваном Фоминым по повелению царя Василия Шуйского» [Русаковский, 2018, с. 53]. Вопрос о вкладе Радишевского в создание текста остается нерешенным¹. Рукопись «Устава» была обнаружена в 1775 г. и по распоряжению Г. А. Потемкина опубликована в 1777–1781 гг. известным русским писателем XVIII в. В. Г. Рубаном, давшим опубликованной рукописи название, под которым она известна современной науке.

Цель статьи – описать типы встретившихся в тексте «Устава» внутритекстовых глосс, причины и способы их введения в текст. Отсутствие в русской культуре начала XVII в. сложившихся научных понятийных и речевых моделей побуждало переводчиков вводить в текст «Устава» многочисленные глоссы, используя традицию глоссирования русской средневековой богослужебной литературы. Явление глоссирования хорошо описано на примере петровских научных текстов, причем исследователи (например, [Василевская, 1967; Биржакова и др., 1972; Лисицына, 1984; Живов, 1996] и др.) распространяют на внутритекстовые пояснения к заимствованным словам понятие глоссы (см. также [Малышев, 2019, с. 76]), что позволяет использовать его в нашей работе. Дополнительным основанием для использования понятия глоссы послужило то, что, во-первых, «Устав» имел научно-прикладной характер и, таким образом, вполне соответствует традициям изучения петровских научных текстов, в которых используется это понятие, а во-вторых, что возглавлявший московскую печатную избу в 1605–1610 гг., в которой издавалась богослужебная литература [Немировский, 1997, с. 44–92], Анисим Радишевский, несомненно, хорошо знал традиционные приемы глоссирования.

В ходе изучения выяснилось, что в тексте «Устава» содержатся глоссы, связанные с тремя субъектно-речевыми планами: глоссы автора трактата «Kriegsbuch» Л. Фронспергера, включенные переводчиками в текст «Устава», глоссы переводчиков, а кроме того, глоссы издателей текста. Глоссы переводчиков неоднородны: часть из них принадлежит А. Радишевскому, другая часть – М. Юрьеву и И. Фомину. Для атрибуции встретившихся глосс был проведен сопоставительный анализ печатного текста «Устава», с одной стороны, с рукописными текстами «Устава» Радишевского (Собр. Лихачева, 526; F.IX.3) и «Воинской книги» Юрьева и Фомина (НСРК. Q.183), хранящимися в петербургских архивах, с другой – с немецким текстом, легшим в основу перевода. Изложение результатов исследования разделено на три части. В первой части рассмотрены глоссы в тексте Фронспергера, во второй – глоссы издателей текста. Третья часть посвящена глоссам, введенным в текст переводчиками.

1. Глоссы в тексте Л. Фронспергера

Хотя немецкий текст был создан в рамках европейской научной прозы Нового времени, в целом ряде случаев его автор считал необходимым вводить в него разнообразные глоссы. Они численно уступают глоссам переводчиков и относятся к заимствованиям, которые используются в тексте в единичных случаях.

¹ Характер работы А. Радишевского, с одной стороны, с немецким оригиналом и, с другой стороны, с переводом М. Юрьева и И. Фомина полностью и всесторонне не изучен (в текстологическом исследовании О. В. Русаковского [2018] не был учтен наиболее полный из сохранившихся третий известный список перевода Юрьева и Фомина (НСРК. Q.183)). Далее в статье эти переводы, вслед за Е. Л. Немировским [1997, с. 106] и О. В. Русаковым [2018], названы редакциями. Такое обозначение является в некоторой степени условным и используется для того, чтобы подчеркнуть преемственность текста Радишевского по отношению к переводу Юрьева – Фомина.

Чаще всего поясняющие обороты вводились при терминах (военных, математических или химических):

Fronsperger, 1573	Устав, т. 1
(1) ... <i>von solcher nim durch ein Zirckel ein rechten Diameter / das ist der Kugeln höhe oder breite</i> (S. 116v) ² .	... <i>отъ такова ядра возми или сойми кружаломъ прямой Диаметръ, сирѣчь мѣру, то есть ядру вышина, или ширина...</i> (с. 172).
(2) <i>Die Contramina oder verborgene streichwehren in Italianischer Sprach genañt...</i> (S. 29r).	<i>А контрамина по Италианскому языку, сирѣчь потайные подошвные бои...</i> (с. 96).

В основном же они служили для пояснения заимствованной лексики (прежде всего из латинского языка, в единичных случаях – из итальянского и греческого).

Глоссы в немецком тексте оформлялись при помощи союза *oder* (в русском переводе ему соответствуют союзы *сирѣчь* и (реже) *или*), пояснительной конструкции *das ist* (в русском – *сирѣчь* и (реже) *то есть*) ³.

Русский перевод только в единичных случаях полностью следовал немецкому оригиналу: в большинстве случаев переводчик либо дополнял перевод не существовавшим в оригинале пояснением, либо менял способ введения глоссы. В примере (1) глосса в немецком оригинале дополняется пояснением *сирѣчь мѣру*, которая отсутствует в параллельном контексте, однако дается в определении слова *диаметр* в предшествующем контексте:

Fronsperger, 1573	Устав, т. 1
(3) <i>Diameter ist ein theyl in die höche oder weyten</i> (S. 110v).	<i>Диаметра</i> ⁴ , именуется доля или мѣра вышины или ширины (с. 162).

В этом определении опорное слово *мѣра* повторяется в редакции Радишевского в 4 глоссах к слову *диаметр*. Помимо слова *мѣра* дважды используется синонимичное *размѣру* (Устав, т. 1, с. 166, 167), например: *диаметръ сиречь: размѣру* ⁵ (Устав, т. 1, с. 166). Сама же глосса вводится с помощью союза *сирѣчь*, который является наиболее частотным в системе глоссирования обеих редакций русского перевода и нередко стоит на месте разных немецких моделей глоссирования (см. пример 2).

Текст перевода может дополняться пояснением латинского наименования, отсутствующим в оригинале (см. далее пример 5). Обычно такие глоссы дополняются указанием на ла-

² Цитаты даны с сохранением орфографии и пунктуации источника. В источнике пронумерованы лицевые стороны листов книги при помощи латинских цифр, в индексе римским цифрам соответствуют арабские; оборотные стороны листов не пронумерованы. При ссылке на источник примера мы используем арабские цифры, обозначая нумерованную (лицевую) сторону листа при помощи *r* (*recto*), ненумерованную (оборотную) – *v* (*verso*).

³ К глоссам в широком понимании этого термина относятся также случаи введения параллельного заимствованного наименования, которое оформляется в немецком тексте с помощью глагола *nennen* или *heißen*, в русском – глаголов *именовать* / *именоваться* (см. примеры 4 и 5). В настоящей статье они не рассматриваются, так как по формально-синтаксическим и структурно-семантическим свойствам отличаются от тех глосс, которые поясняют заимствованное слово через существовавшие в языке лексические средства и обычно вводят одно- или двусловное соответствие глоссируемому слову.

⁴ Единичное слово *диаметра*, вариант лексемы *диаметр*, является гапаксом (см. ниже, п. 3.2.).

⁵ Вероятно, ошибочное написание; см. более широкий контекст: *но и тяжелина коегожде ядра, свинчатого, желѣзнаго и каменнаго легко размѣрити возможно, и изъ ширины и мѣры на передъ устья, всякой же пушки мѣра сряду размѣрити, и какъ тѣмъ прутомъ размѣрнѣмъ мѣру той пушки, леготню съ переду устья, и вдаль по середки размѣриши и въ томъ ученье имѣти; диаметръ сиречь: размѣру, коимъ же ядрамъ съ величиною въ ступеняхъ или въ коркахъ и въ долонгахъ, по тому бѣ и развѣсы троихъ разныхъ рудъ, какъ есть свинець, желѣзо и камень* (Устав, т. 1, с. 166). Такое же написание встречается в рукописях «Устава» (Собр. Лихачева, 526, л. 155 об.; F.IX.3, л. 191).

тинский как язык-источник заимствования. Так, например, в русском переводе конструкция *именуется по латыни* всегда ограничена в немецком тексте только первым (глагольным) компонентом, например:

Fronsperger, 1573	Устав, т. 2
(4) ... <i>des Schweffels ist zweyerley / man hat grauwen Schwffel vnd ist genandt Sulpherus / das ist zu Teutsch geredt / lebendiger Schwffel...</i> (S. 211r).	<i>А есть двѣ сѣры: единая сѣрая сѣра, именуется по Латынь Сульфуръ, и то есть: по Нѣмецки живая сѣра</i> (с. 181).
(5) ... <i>da ist er brünstiger vnd kräftiger / dann der ander Salitter... und heist Calcionierter Salitter</i> (S. 220v).	<i>и она есть или многимъ горючье и сильнѣе, нежели иные все [!] селитры и... именуется по Латынь Калиціолниръ та селитра, то есть: въ четверо перепущенная селитра</i> (с. 208).

Обнаружен единственный случай, когда глосса немецкого текста имеется в первой редакции перевода, а во второй она отсутствует:

Fronsperger, 1573	Устав, т. 2
(6) <i>Item / nimb Alearum / das ist Glorierter Schwffel / den klein gestossen vnnnd Eyertotter öl</i> (S. 196r).	<i>Возьми перепущенной горячей сѣры и то изтолки мѣлко, да яичнаго желтка, масла</i> (с. 148). Ср. ред. Юрьева и Фомина: <i>возми алкитияни то есть глорьет и сѣра горячая и масло и яишныя жолтъки</i> ⁶ (НСРК. Q.183, л. 349)

В редакции Юрьева и Фомина приводятся два заимствованных наименования одного из видов серы (*алкитияни* и *глорьет*). Слово *алкитияни* не фиксируется историческими словарями русского языка и, вероятно, является гапаксом. Второе слово – *глорьет* – встречается (в вариантах *иглорит* и *глорит*) в обеих редакциях перевода «Воинской книги», однако при этом имеет статус параллельного, специального наименования, ограниченного определенной сферой деятельности, например:

Fronsperger, 1573	Устав, т. 2
(7) ... <i>dardurch zerlassen Harz / Schwebel vnd Bech vnd Gloriet / mit deß vorgenandten Puluers gemischt / gezogen sey...</i> (S. 193v).	<i>...въ чемъ растопленая сѣра еловая, сѣра горячая, да смола иглорить по антикарски со прежде именованнымъ порохомъ смѣшено и пропушено...</i> (с. 85).

В примере (7) употребление слова *иглорит* вступает в явное противоречие с определением слова *глорит* в «Глоссарии»⁷: *Глорить именуется текучая сѣра, а перепущенная селитра и сѣра горячая тоже* (Устав, т. 2, с. 227). Исходя из него, словом *глорит* (*иглорит*)

⁶ Здесь и далее цитаты из рукописных источников даются в измененной орфографии: выносные буквы вносятся в строку; сохраняются буквы *i* и *ß*; иные надстрочные знаки не воспроизводятся; предлоги, союзы и частицы передаются в раздельном написании с последующими или предыдущими словоформами.

⁷ «Глоссарий» (под заглавием *Имяна составомъ, которые годны къ огненнымъ хитростямъ* и т. д.) приводится в указе 656 (Устав, т. 2, с. 227–228). Далее следует список из 22 «составов». Основу глоссария Радишевского составляет сокращенный список из «Воинской книги» М. Юрьева и И. Фомина, в котором упомянуто 59 наименований, в «Уставе» он сокращен до 22 [Русакowski, 2021, с. 148–156].

обозначали горючую серу, а не смолу. Эта ошибка возникла в русском переводе, где к слову *глорит* был присоединен предшествующий союз *и*, соединяющий два слова – *смола* и *глорит*; ср. немецкий оригинал, где слова *Bech* ('смола') и *Gloriet* ('глорит') соединены тем же союзом. Таким образом, в примере (б) исключение глоссы в редакции Радишевского, вероятно, вызвано тем, что она нарушала модель глоссирования, при которой заимствование пояснялось с помощью существовавшего в языке слова. Благодаря этому была устранена ошибка, допущенная в первой редакции, где слово *глорит* не отождествлялось семантически с сочетанием *сѣра горячая*.

Глоссы немецкого оригинала играют важную роль в формировании новых моделей глоссирования, включающих союзы *или* и *то есть*.

2. Глоссы издателей «Устава»

Издательские глоссы представляют собой скобочные включения, внутри которых (иногда курсивом) давалось пояснение некоторых слов в редакции Радишевского. Число поясняемых слов очень невелико, например:

О указъ, повѣсти воинскаго дѣла, какъ было въ Угорской (Венгерской) землѣ; О указъ, какъ цѣлый кантаврѣ [!] (центнерѣ) селитры лютровати и начисто перепускати; ...и какъ такіе образцы всегда бывають у Волоховѣ (Италянцовѣ) и искусныхъ нѣмецкихъ мастеровъ, въ нынѣшніе времена и въ обычаи (Устав, т. 1, с. 41, 45, 95).

При помощи глоссы в предисловии переводчика «Устава» поясняется дата от сотворения мира (Устав, т. 1, с. 2).

Единожды редакторы ввели пояснение с помощью сноски на полях: *...какъ мишенью цѣловани* * [на правом поле напротив этой строки: * *Цѣль, что ставятъ на пушки*] (Устав, т. 1, с. 3).

Издательские глоссы поясняют следующие разряды слов:

1) этническая принадлежность, например: *...и такіе полковыя уряды не во всякихъ мѣстахъ можно вести, развѣ въ равныхъ земляхъ, какъ въ Угорской (Венгерской) землѣ; ...у Волоскихъ (Италянскихъ) Князей и великихъ Государей* (Устав, т. 1, с. 51, 112);

2) просторечная лексика, например: *...какъ доведется и учинити **изневестью*** ⁸ (*нечаянно*) *нарочной всполохъ* (Устав, т. 1, с. 63);

3) фонетический вариант заимствования, вышедший из языка, например: *...четыре **волконеи*** (*фалконеты*); *Пищаль именуется острая, а въ ней въсу мѣди 100 контаревъ, а **контарь*** (*центнерѣ*) *два с половиною пуда* (Устав, т. 1, с. 66, 85);

4) заимствование, морфологически не освоенное языком, например: *Возьми фунтъ **Антимоніумъ*** (*Антимонія*) *то есть: сюрма серебряная* (Устав, т. 2, с. 143).

Указанные категории представлены в издании неравномерно: категория 2 – одним примером, категория 4 – одной лексемой, категории 1 и 3 – двумя-тремя лексемами и их вариантами. Основная цель введения глосс издателями – пояснить читателю текста значение некоторых устаревших номинаций либо вышедших из употребления вариантов слов. Так, этноним *волѣхи* во 2-й половине XVIII в., судя по данным словарей, обозначал жителей Валахии и Молдавии (СлРЯ XVIII, вып. 4, с. 46). Таким образом, издатель дает широкое значение этнонима, вышедшее из языка ⁹.

Отметим некоторые особенности глосс издателей «Устава». Во-первых, почти все они сосредоточены в первом томе «Устава». Возможно, в дальнейшем использование глосс было сочтено издателями нецелесообразным. Во-вторых, дав пояснение тех или иных слов, изда-

⁸ См. характеристику наречия *изневесть* как простонародного в (СлРЯ XVIII, вып. 9, с. 48).

⁹ В немецком тексте параллельно использованы прилагательные *Italienisch* и *Welsch*, которые переводчики «Устава» передавали при помощи прилагательных *итальянский* и *воло(ш)ский*. Связанное значение 'итальянский' у слова *влоцкий* (в сочетаниях *влоское сукно* и *влоская верста*) отмечено в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» (вып. 2, с. 229). Неясно, было ли в широком употреблении в начале XVII в. свободное значение этого слова.

тели в дальнейшем продолжали использовать глоссированные слова без пояснений. Так, без глоссирования регулярно встречаются слова *воло(ж)ский*, *контарь*, *калофония*: *Пицаль четвертная меньшая змея, весу въ ней 25 контаревъ; ...да положи въ нево колофонію, и онъ также растопится; Возьми губы, которыя растутъ на Воложскихъ оръговыхъ древесяхъ* (Устав, т. 1, с. 87; т. 2, с. 148, 162) и т. д.

В целом, как было отмечено выше, издательские глоссы редки и непоследовательны. Так, остается непонятным, на основании каких критериев происходил отбор поясняемых слов, поскольку нередко очевидные заимствования оставались без пояснений. К ним относятся, например, следующие: *Возьми три фунта негашеной извести, да фунтъ Эсъ Гиспаникумъ по Латынъ то есть: ярь, да фунтъ Галлицень камня, да фунтъ соли...* (Устав, т. 2, с. 182–183). Сочетание *галлицен камень* определяется в «Глоссарии» Юрьева – Фомина: *Камень Галлицынъ фикъ Триолум албум тоже то есть бѣлой купорос* (НСРК Q.183, л. 378 об.). Однако в «Глоссарии», который приводится в «Уставе», первая часть этого пояснения опущена: *Витриолум альбум, белой купорос* (Устав, т. 2, с. 228). Таким образом, в «Уставе» это сочетание по непонятным причинам лишено пояснения.

Другой случай связан с необоснованным отсутствием фонетического, более современного для издателей «Устава», варианта. Приведем пример: *Возьми... ползолотника бѣлаго Опелыментя, имянуется бѣлой мышьякъ* (Устав, т. 2, с. 195). Слово *опелымент*, которое фиксируется в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» именно в данном фонетическом облике и сопровождается цитатой только из «Устава» (СлРЯ XI–XVII, вып. 13, с. 13), на самом деле является одним из вариантов слова *опермент* (другие варианты – *оперемент*, *опирмент*, *оримент*); см., например, параллельные чтения в рукописях «Воинской книги»: *оперемент* (Собр. Лихачева, 526, л. 379), *оперимент* (F.IX.3, л. 510 об.). В «Глоссарии» «Устава» это слово передается как *оримент* (Устав, т. 2, с. 228), в «Глоссарии» Юрьева – Фомина ему соответствует вариант *опиримент* (НСРК. Q.183, л. 379). Между тем в XVIII в. более распространенными были варианты *опермент* и *орпимент* (СлРЯ XVIII, вып. 17, с. 15–16). Следовательно, слово *опелымент* можно отнести к периферийным и, возможно, устаревшим. Тем не менее издатели «Устава» не сопроводили его более современным и актуальным вариантом.

3. Глоссы переводчиков «Воинской книги»

Этот разряд количественно превосходит остальные. Сопоставление материала двух редакций позволило выявить ряд особенностей, характеризующих каждую из них. При этом большая часть глосс появилась именно в тексте А. М. Радишевского (примерно $\frac{2}{3}$), что в целом не влияет на частотность их появления в обоих текстах, так как вторая редакция по объему превосходит первую.

3.1. Глоссы, возникшие в первой редакции перевода «Воинской книги»

Почти все глоссы, используемые в общих для двух редакций фрагментах, за единичным исключением (описано в примере (б) разд. 1 настоящей статьи), были заимствованы Радишевским из первой редакции. Приведем примеры.

Редакция Юрьева – Фомина	Редакция Радишевского
(8) <i>патронами сиръчь зарядцы готовыми или лядунками</i> (НСРК. Q.183, л. 151).	<i>патронами, сиречь: зарядцы готовыми или ладунками</i> (Устав, т. 2, с. 94).
(9) <i>атраментъ сиі рѣчи горная сѣра горячая жолтая</i> (НСРК. Q.183, л. 247 об.).	<i>атраментъ, сиръчь, горная желтая горячая сѣра</i> (Устав, т. 2, с. 187).

В единичном случае глосса была отредактирована Радишевским путем замены пояснительного союза:

Редакция Юрьева – Фомина	Редакция Радишевского
(10) <i>возми немного антамоніумъ тоестъ сурма серебряная</i> (НСРК. Q.183, л. 229 об.).	... <i>возми не много антимоіумъ, сиречь: серебряную сурму, да фунтъ стъры простой...</i> (Устав, т. 2, с. 89).

Поясняемые слова охватывают широкий круг тем: пространственные измерения (*геометриійскій*¹⁰, *стадія*), химические вещества и материалы (*антимоіумъ*, *калафонія*, *вар*, *атрамент*, *гиспаникум*¹¹, *сульфур*), наименования лиц по роду занятия или выполняемым обязанностям (*профос*, *караул*), военное дело (*контрамина*, *шанцоватися*, *примишенить*, *патрон*). Определяющая часть глоссы чаще всего состоит из слова или двусловного сочетания, реже – из двух параллельных наименований или более чем двусловных словосочетаний. Поясняющий лексический компонент глоссы обычно состоит из слов, существовавших в русском языке в предшествующий период. Синтаксически они чаще оформляются с помощью союзов *сиречь* и *то есть* (в равном количестве), реже – союза *или*.

3.2. Глоссы, введенные А. М. Радишевским.

Текст А. М. Радишевского был дополнен новыми глоссами, которые в лексическом плане охватывают тот же круг тем, однако имеют структурно-синтаксические отличия. Более употребительным здесь является союз *сиречь*, союз *то есть* используется в единичных случаях, еще реже – союз *или*. В качестве характерной для него особенности необходимо указать конструкции, вводящие параллельные разноязычные эквиваленты, среди которых появляется и польский, например: *И ты возми лучшей порохъ, которой тебѣ возможно имѣти, которой дѣланъ такими составы имянуются по Латынь и по Нѣмецки Аврипигментумъ, по Польски Ледцанка, а по Руски желтая краска каменка* (Устав, т. 2, с. 151). Заслуживает внимания, что польское и русское соответствия не относятся к разряду широкоупотребительной лексики (слово *каменка* в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» иллюстрируется только цитатой из «Устава»). Чаще приводится только русский вариант латинского наименования, например: *по Латынь Корпусъ, а по Руски основаніе, ко многимъ мѣрамъ рукодѣлію великому и малому* (Устав, т. 1, с. 161).

В редакции Юрьева – Фомина наречие, образованное от относительного прилагательного, обозначающего наименование языка, с приставкой *по-* использовалось при обозначении заимствованных слов. Исключением является следующий пример: *А есть двѣ стъры: единая стърая стъра, имянуется по Латынь Сульфуръ, и то есть: по Нѣмецки живая стъра* (Устав, т. 2, с. 181). Здесь поясняющий эквивалент характеризуется как немецкоязычный.

Большинство глоссируемых слов встречается в тексте устава единожды. К ним относятся полностью или частично транслитерированные заимствования, среди которых немалую долю занимают гапаксы, например: *Да къ тому и у снаряду бывають два застинники, или предѣзжїе или владѣтели, которые имянуются квастатораны, сиречь: поручники* (Устав, т. 2, с. 13) – Ср.: *Quastatoran* (Fronsperger, 1573, s. 156r–156v); *Возьми квасцовъ, Оиктри Альрамманумъ, имянуется римской купоросъ и Салкоману, то есть: рядовая соль... то же тому подобно дѣлаеть и Оиктриоль, сиречь купоросъ* (Устав, т. 2, с. 206) – Ср.: *Sal Commune* и *Vitriol* (Fronsperger, 1573, s. 220r).

¹⁰ Это слово сопровождается глоссой только в сочетаниях *геометрическая мѣра* и *размѣрити по геометриіскому обычаю* (Устав, т. 1, с. 91, 195).

¹¹ Эта форма слова встречается в рукописях «Воинской книги» (Собр. Лихачева, 526, л. 369 об.; F.IX.3, л. 493), в печатном «Уставе» передается как *Эс Гиспаникум* (Устав, т. 2, с. 183, 225).

Некоторые из таких гапаксов фиксируются в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» и иллюстрируются единственной цитатой из «Устава», например *диаметра*, *квастаторань* (СлРЯ XI–XVII, вып. 4, с. 243; вып. 7, с. 106).

Пояснениями сопровождаются и слова, употребленные в тексте «Устава» более одного раза, такие как: *диаметр* (также: *диаметер*)¹², *математический*, *кубичное*, *антимониум* (также: *антимония*). В то же время часть приведенных выше слов не во всех контекстах сопровождается пояснениями, например: *Геометрическою снастью; ...и толико есть пятые мѣры собранныхъ чисель* (Устав, т. 1, с. 161, 174).

В единичных случаях вместо заимствования в качестве глоссируемого слова используются существующие в русском языке эквиваленты, например: *провожагаго*, *сирѣчь пристава*; *польвая мѣра*, *сиречь: уставленная или печатная мѣрная сажень* (Устав, т. 1, с. 72, 191). Единжды в переводе поясняется полонизм *буришин*¹³, с помощью которого переводится немецкое слово *augsteyn*:

Fronsperger, 1573	Устав, т. 2
(11) <i>Nimb... zwey theil Gelben Augsteyn</i> (S. 202r).	<i>Возьми... двѣ доли желтаго буришину, по русски янтарю</i> (с. 161).

Примечательно, что в «Глоссарии» «Устава» вместо слова *буришин* приводится иное наименование: *желтой у Голстинской, янтарь* (Устав, т. 2, с. 228), – где сочетание *желтой у Голстинской* эквивалентно немецкому *Gelben Augsteyn*. В «Глоссарии» Юрьева – Фомина ему соответствует форма *осуг Стень* (НСРК. Q.183, л. 378). Возможно, Радишевский в основном тексте заменил непонятное ему слово на более известное *буришин*. Принадлежность предполагаемой замены переводчику подтверждается наличием такого же чтения в рукописях «Устава»: *двѣ доли желтого буришину по русски ентарю* (собр. Лихачева, 526, л. 352 об.); *двѣ доли желтого бурѣшину* [так!], *по рускій ентарю* (F.IX.3, л. 465 об.).

3.3. Глоссирование псевдогапаксов

В «Уставе» отмечены любопытные псевдогапаксы, т. е. слова, появившиеся в результате ошибочного понимания переводчиком (или переписчиком) иноязычного слова. Такие случаи требуют особого комментария, поэтому приведем примеры:

Fronsperger, 1573	Устав, т. 1
(12) <i>...da der Hertzog Carl von Burgundt die Statt Neuß belägert / aber sie ward nicht außgemacht / vñ wirt auff Französich Tranchs Röllandt genannt...</i> (S. 88v).	<i>Какъ Арцы-князь Бургонской войскомъ облегъ Онеушъ градъ, а вести не подкопомъ шанцею, а именуется такіе шанцы на Французскомъ языкѣ Крадероль на Нѣмецкомъ Ландваль, по Русски вѣнецъ земляной...</i> (с. 128). Ср. рукописные варианты: <i>...краць ролланѣва по руски венець земляной...</i> (собр. Лихачева, 526, л. 117 об. – 118); <i>...крацьроль ланѣба по руски венець земляной...</i> (F.IX.3, л. 139).
(13) <i>...soll auch ein Buch bey sich haben / welches auff Französisch Larbre des Battaigles heißt</i> (S. 84v).	<i>...и держати у себя книгу, именуемую по Французски ле Дроа, а по Нѣмецки Спекулюмъ Сасокници юрисъ, а по Польски и по Литовски Статутъ, а по Руски судебникъ</i> (с. 73). Ср. рукописные варианты: <i>Лабра</i> (собр. Лихачева, 526, л. 64 об.); <i>Лабра</i> (F.IX.3, л. 62).

¹² Примечательно, что слово *диаметрический* в «Уставе» не глоссируется.

¹³ Это слово фиксируется, например, в «Тезаурусе» Г. Кнапского (Knapski, 1643, t. 1, p. 54).

Слово *крадероль* в издании Рубана является результатом искажений немецкого сочетания *Tranchs Röllandt*, которое было ранним заимствованием французского военного термина *tranchée roulante* в немецком языке¹⁴. Такое сочетание, вероятно, использовалось для обозначения временного полевого укрепления. Остаются неясными этапы появления разных русских аналогов, однако, как показывают имеющиеся в рукописях и в издании Рубана варианты, они, вероятно, возникли в связи с непонятным переводчику смыслом этого сочетания. В результате различного комбинирования и дальнейшей семантизации трех элементов (слова *Tranchs* и слова *Röllandt*, которое интерпретировалось переводчиком как сочетание 2 элементов – *Röl-landt*) в русских текстах появились одно- и двусловные единицы *крадероль*, *крац ролланва* и *крацрол ланба*. Примечательно появление в издании Рубана немецкого псевдоаналога *ландвал*, производного от элемента *-landt*.

Второй пример демонстрирует искажение наименования французского военно-правового трактата в издании Рубана, в отличие от рукописей. В последних наблюдается фонетический способ заимствования французского слова «l'arbre»: *лабра*. Что касается варианта *ле Дроа*, то оно, вероятно, появилось в печатном издании «Устава» как общее наименование правовой литературы (< фр. *le droit*). В первоначальном чтении – *Larbre des Battaigles* – речь идет о военно-правовом трактате конца XIV в. «L'arbre des batailles» Honoré Bonet.

Выводы

1. Три вида глосс, которые выделяются в печатном издании «Устава», направлены на трех разных адресатов. Редкие глоссы Фронспергера – на немецкого читателя второй половины XVI в., хорошо знакомого с военной и научной терминологией, многочисленные глоссы переводчиков – на русского читателя начала XVII в., плохо знакомого с европейскими научными текстами Нового времени, глоссы издателей – на читателя второй половины XVIII в., уже не знавшего некоторых русских слов начала XVII в.

2. На приемы глоссирования в «Устава», несомненно, оказала влияние практика глоссирования церковных текстов, имевшая многовековую традицию и унаследованная из греческой культуры. Это во многом определило направление переводческой стратегии, в соответствии с которым составители русских редакций перевода «Воинской книги» отступали от немецкого оригинала и ориентировались на традицию (например, при выборе пояснительного союза) и на русского читателя (например, при дополнении перевода отсутствующими в немецком оригинале пояснениями латинских слов).

3. В то же время нельзя исключать влияния немецкого оригинала на формирование новых моделей глоссирования: использование союзов *или* (< нем. *oder*) и *то есть* (< нем. *das ist*) в редакции Юрьева – Фомина; употребление конструкций с несколькими параллельными разноязычными эквивалентами в версии Радишевского.

4. Введение пояснений с помощью скобок характеризует традицию книгопечатания второй половины XVIII в., отражая происходившие изменения в способах оформления глосс в этот период. Вместе с тем для текста печатного «Устава» не свойственно системное использование глосс.

5. Привлечение к анализу материала «Глоссария» (в составе печатного «Устава») показало его изолированный характер: в нем лексемы в ряде случаев представлены в иных фонетических вариантах, нежели в основном тексте (например, слова *глорит* и *орименит*); отсутствуют наименования, используемые в тексте (например, *камень галлицын*, *буришин*). Возможно, это позволит в перспективе ответить на вопрос о том, существовал «Глоссарий» в редакции Радишевского или он является более поздней вставкой.

¹⁴ См. историко-лексикологический комментарий к употреблению этого сочетания в трактате Л. Фронспергера в (Jones, 1976, p. 629).

б. Системный взгляд на употребление в тексте «Устава» некоторых наименований химических веществ позволяет внести уточнения в их лексикографическое описание, представленное в «Словаре русского языка XI–XVII вв.».

Список литературы

- Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.** Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972. 431 с.
- Василевская И. А.** К методологии изучения заимствований (Русская лексикографическая практика XVIII в.) // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1967. Т. 26, вып. 2. С. 165–171.
- Живов В. М.** Язык и культура в России XVIII века. М.: Языки русской культуры, 1996. 590 с.
- Ковтун Л. С.** Азбуковники XVI–XVII вв. Старшая разновидность. Л.: Наука, 1989. 293 с.
- Лисицына Т. А.** Становление языка русской науки (взаимодействие терминологических и обиходных значений слов) // Функциональные и социальные разновидности русского литературного языка XVIII века. Л.: Наука, 1984. С. 31–46.
- Малышев А. А.** Глоссирование vs. внутритекстовое толкование лексики: терминологические точки соприкосновения в отношении текстов XVIII века // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. 2019. № 1 (178). С. 74–79.
- Немировский Е. Л.** Анисим Михайлов Радишевский, ок. 1560 – ок. 1631. М.: Наука, 1997. 148 с.
- Пентковская Т. В.** Ветхозаветные маргиналии в Московской Библии 1663 года // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. 2020. Т. 42, № 5. С. 32–38.
- Ромодановская В. А.** Об источниках и характере энциклопедических глосс Геннадиевской Библии (1499 г.) // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. Т. 52. С. 138–167.
- Русаковский О. В.** «Воинские книги» 1607/1620 гг. и их немецкий оригинал. Попытка сопоставления // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. Т. 73, № 3. С. 53–63.
- Русаковский О. В.** «Имена составам, которые сгождаются к огненным хитростям» в составе «Воинской книги» Михаила Юрьева и Ивана Фомина (1607). Ранний опыт составления естественно-научного индекса в русской книжности // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: Материалы Междунар. науч. конф. М.: Ин-т российской истории РАН, 2021. Вып. 2. С. 147–155.
- Федосеева Н. Д.** Глосса // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 107.

Список источников и словарей

- НСРК. Q.183 – РНБ. НСРК. Q. 183. Воинская книга. XVII в.
- СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука; СПб.: Нестор-История, 1975–2019. Вып. 1–31.
- СлРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века / Гл. ред. Ю. С. Сорокин. Л.: Наука, 1984–1991. Вып. 1–6; СПб.: Наука, 1992–2019. Вып. 7–22.
- Собр. Лихачева, 526 – Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Собр. Н. П. Лихачева (Ф. 238). Оп. 1. № 526. Воинская книга. XVII в.
- Устав – Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки, состоящий в 663 указах, или статьях, в государственное царей и великих князей, Василия Иоанновича Шуйского и Михаила Феодоровича, всея Руси самодержцев, в 1607 и 1621 годах выбран из иностранных военных книг Онисимом Михайловым... СПб.: При Гос. воен. коллегии, 1777–1781. Ч. 1–2.
- F.IX.3 – РНБ. F.IX.3 Воинская книга о всякой стрельбе и огненных хитростях. XVII в.

- Fronsperger L.** Kriegßbuch / Ander Theyl. Von Wagenburgk vmb die Veldleger, Wie man die schliessen, sich darein verschantzen, wider auffbrechen, vnnd ein Statt oder Festung mit vortheyl Belaegern, Vmschantzen vnd Vndergraben soll... Frankfurt am Main: In verlegung Sigmundt Feyerabendt, 1573.
- Jones W. J.** A Lexicon of French Borrowings in the German Vocabulary (1575–1648). Berlin; New York: de Gruyter, 1976. 699 p.
- [**Knapski G.**] Thesaurus Polonolatinograecus seu Promptuarium linguae Latine et Graecae, in tres tomos divisum. ... Opera Gregorii Cnapii... Editio secunda, ab auctore recogniti... Tertia pars Adagia continebit... Cracovicae [Kraków]: Typis & sumpti Francisci Caesarii, 1643. 1467 p.

References

- Birzhakova E. E., Voinova L. A., Kutina L. L.** Ocherki po istoricheskoi leksikologii russkogo yazyka XVIII veka. Yazykovye kontakty i zaimstvovaniya [Essays on the Historical Lexicology of the Russian Language of the 18th Century. Language Contacts and Borrowings]. Leningrad, Nauka, 1972, 431 p. (in Russ.)
- Fedoseeva N. D.** Glossa [Gloss]. In: Yartseva V. N. (ed.). Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1990, p. 107. (in Russ.)
- Kovtun L. S.** Azbukovniki XVI–XVII vv. Starshaya raznovidnost' [Alphabet Books of the 16th – 17th Centuries. Senior Type]. Leningrad, Nauka, 1989, 293 p. (in Russ.)
- Lisitsyna T. A.** Stanovlenie yazyka russkoi nauki (vzaimodeistvie terminologicheskikh i obikhodnykh znachenii slov) [Formation of the Language of Russian Science (Interaction of Terminological and Everyday Meanings of Words)]. In: Funktsional'nye i sotsial'nye raznovidnosti russkogo literaturnogo yazyka XVIII veka [Functional and Social Varieties of the Russian Literary Language of the 18th Century]. Leningrad, Nauka, 1984, pp. 31–46. (in Russ.)
- Malyshev A. A.** Glossirovanie vs. vnutritekstovoe tolkovanie leksiki: terminologicheskie tochki soprikosnoveniya v otnoshenii tekstov XVIII veka [Glossing vs. Intra-Text Interpretation of Lexicon: Terminological Common Grounds in Case of the Texts of the 18th Century]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2019, no. 1 (178), pp. 74–79. (in Russ.)
- Nemirovsky E. L.** Anisim Mikhailov Radishevsky, ok. 1560 – ok. 1631 [Anisim Mikhailov Radishevsky, approx. 1560 – approx. 1631]. Moscow, Nauka, 1997, 148 p. (in Russ.)
- Pentkovskaya T. V.** Vetkhozavetnye marginalii v Moskovskoi Biblii 1663 goda [Old Testament Marginalia in the Moscow Bible of 1663]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2020, vol. 42, no. 5, pp. 32–38. (in Russ.)
- Romodanovskaya V. A.** Ob istochnikakh i kharaktere entsiklopedicheskikh gloss Gennadievskoi Biblii (1499 g.) [On the Sources and Nature of the Encyclopedic Glosses of the Gennady's Bible (1499)]. In: Trudy Otdela drevnerusskoi literatury [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2001, vol. 52, pp. 138–167. (in Russ.)
- Rusakovskiy O. V.** “Voinskie knigi” 1607/1620 gg. i ikh nemetskii original. Popytka sopostavleniya [“Military Books” of 1607/1602 and Its German Original: Comparison]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [Old Russia. The Questions of Middle Ages], 2018, vol. 73, no. 3, pp. 53–63. (in Russ.)
- Rusakovskiy O. V.** “Imena sostavam, kotorye sgozhdayutsya k ognennym khitrostyam” v sostave “Voinskoi knigi” Mikhaila Yuryeva i Ivana Fomina (1607). Rannii opyt sostavleniya estestvenno-nauchnogo indeksa v russkoi knizhnosti [“The Names of the Compositions That Are Suitable for Fiery Tricks” as Part of the “Military Book” by Mikhail Yuryev and Ivan Fomin (1607). Early Experience of Compiling a Natural-Science Index in Russian Literature].

In: *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI – nachala XVIII stoletiya* [Translators and Translations in Russia at the End of the 16th – Beginning of the 18th Century]. Materials of the International Scientific Conference. Moscow, Institute of Russian History RAS Publ., 2021, iss. 2, pp. 147–155. (in Russ.)

Vasilevskaya I. A. K metodologii izucheniya zaimstvovaniy (Russkaya leksikograficheskaya praktika XVIII v.) [On the Methodology of Studying Borrowings (Russian Lexicographic Practice of the 18th Century)]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 1967, vol. 26, iss. 2, pp. 165–171. (in Russ.)

Zhivov V. M. Yazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka [Language and Culture in Russia of the 18th Century]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1996, 590 p. (in Russ.)

List of Sources and Dictionaries

Arkhiv Sankt-Peterburgskogo Instituta istorii RAN. Sobr. N. P. Likhacheva (F. 238). Op. 1. № 526. Voinskaya kniga. XVII v. [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences. Collection of N. P. Likhachev (Fund 238). Inventory 1. No. 526. Military book. 17th Century]. (in Russ.)

Fronsperger L. Kriegßbuch / Ander Theyl. Von Wagenburgk vmb die Veldleger, Wie man die schliessen, sich darein verschantzen, wider auffbrechen, vnnd ein Statt oder Festung mit vortheyl Belaegern, Vmbschantzen vnd Vndergraben soll... Frankfurt am Main, In verlegung Sigmundt Feyerabendt, 1573.

Jones W. J. A Lexicon of French Borrowings in the German Vocabulary (1575–1648). Berlin, New York, de Gruyter, 1976, 699 p.

[**Knapski G.**] Thesaurus Polonolatinograecus seu Promptuarium linguae Latine et Graecae, in tres tomos divisum. ... Opera Gregorii Cnapii... Editio secunda, ab auctore recogniti... Tertia pars Adagia continebit... Cracovicae [Kraków]: Typis & sumpti Francisci Caesarii, 1643, 1467 p.

RNB. F.IX.3 Voinskaya kniga o vsyakoï strel'be i ognennykh khitrostyakh. XVII v. [NLR. F.IX.3 A Military Book about All Shooting and Fiery Tricks. 17th Century]. (in Russ.)

RNB. NSRK. Q. 183. Voinskaya kniga. XVII v. [NLR. NSRK. Q. 183. Military Book. 17th Century]. (in Russ.)

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th Centuries]. Moscow, Nauka, St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 1975–2019, iss. 1–31. (in Russ.)

Slovar' russkogo yazyka XVIII veka [Sorokin Yu. S. (ed.) Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]. Leningrad, Nauka, 1984–1991, iss. 1–6; St. Petersburg, Nauka, 1992–2019, iss. 7–22. (in Russ.)

Ustav ratnykh, pushechnykh i drugikh del, kasayushchikhsya do voinskoi nauki, sostoyashchii v 663 ukazakh, ili stat'yakh, v gosudarstvovanie tsarei i velikikh knyazei, Vasiliya Ioannovicha Shuiskago i Mikhaila Feodorovicha, vseya Rusii samodertzhtsev, v 1607 i 1621 godekh... [The Charter of Military, Cannon and Other Matters Related to Military Science, Consisting in 663 Decrees, or Articles, on the Reign of Kings and Grand Dukes, Vasily Ioannovich Shuisky and Mikhail Feodorovich, Autocrats of All Russia, in 1607 and 1621...]. In 2 pts. St. Petersburg, State Military Collegium, 1777–1781. (in Russ.)

Информация об авторах

Дмитрий Владимирович Руднев, доктор филологических наук, профессор

Scopus Author ID 57215684388

WoS Researcher ID C-9427-2016

RSCI Author ID 196281

SPIN 7495-7725

Миляуша Габдрауфовна Шарихина, кандидат филологических наук

Scopus Author ID 57219296584

WoS Researcher ID N-7975-2014

RSCI Author ID 670474

SPIN 5388-5343

Information about the Authors

Dmitry V. Rudnev, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Scopus Author ID 57215684388

WoS Researcher ID C-9427-2016

RSCI Author ID 196281

SPIN 7495-7725

Milyausha G. Sharikhina, Candidate of Sciences (Philology)

Scopus Author ID 57219296584

WoS Researcher ID N-7975-2014

RSCI Author ID 670474

SPIN 5388-5343

Вклад авторов:

Д. В. Руднев – сбор и анализ материала, систематизация результатов, разработка методики исследования, подготовка текста.

М. Г. Шарихина – сбор и анализ материала, архивная работа с рукописными источниками, систематизация результатов, подготовка текста.

Contribution of the Authors:

Dmitry V. Rudnev collected and analyzed sources, systematized results, developed the methodology and approaches, prepared the text of the article.

Milyausha G. Sharikhina collected and analyzed sources, worked with handwritten sources in archives, systematized results, prepared the text of the article.

*Статья поступила в редколлегию 19.07.2023;
одобрена после рецензирования 14.09.2023; принята к публикации 15.09.2023
The article was submitted on 19.07.2023;
approved after reviewing on 14.09.2023; accepted for publication on 15.09.2023*

Научная статья

УДК 81.27+811.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-33-43

Антропонимы и этнонимы как маркеры идентичности урболекта

Светлана Анатольевна Питина¹
Елена Владимировна Харченко²

¹ Челябинский государственный университет
Челябинск, Россия

² Южно-Уральский государственный университет
Челябинск, Россия

¹ sap.pitina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4983-6872>

² kharchenkoev@susu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0071-595X>

Аннотация

Рассмотрены особенности городского ландшафта на материале антропонимов и этнонимов в составе названий городских объектов. Целью работы является анализ данных микропонимов как маркеров его идентичности с позиций когнитивной лингвистики, социолингвистики и лингвокультурологии. Материалом для исследования послужили официальные и неофициальные названия городских объектов Челябинска и Москвы, полученные при помощи сплошной выборки с сайтов, из художественной литературы и словарей. Названия с антропонимами и этнонимами конкретизируют место, а неофициальные названия – отношение жителей. Авторы пришли к выводу о том, что в неофициальных городских названиях с антропонимами реализуется в основном отрицательное отношение жителей, а в микропонимах с этнонимами – нейтральное.

Ключевые слова

идентичность, региолект, урболект, микропоним, антропоним, этноним

Благодарности

Исследование проведено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-18-2002, <https://rscf.ru/project/22-18-20022/>

Для цитирования

Питина С. А., Харченко Е. В. Антропонимы и этнонимы как маркеры идентичности урболекта // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 9: Филология. С. 33–43. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-33-43

Anthroponyms and Ethnonyms as Markers of the City Identity

Svetlana A. Pitina¹, Elena V. Kharchenko²

¹ Chelyabinsk State University
Chelyabinsk, Russian Federation

² South Ural State University
Chelyabinsk, Russian Federation

¹ sap.pitina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4358-2680>

² kharchenkoev@susu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0071-595X>

Abstract

Purpose. The article studies peculiarities of anthroponyms and ethnonyms in the city landscape. The purpose of the work is to analyze these components from the point of view of integral approach. The empirical material includes of-

© Питина С. А., Харченко Е. В., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 9: Филология. С. 33–43

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 9: Philology, pp. 33–43

ficial and unofficial names of Moscow and Chelyabinsk received by continuous sampling from the city Internet sites, literary work illustrations, dictionaries.

Results. Attributive phrases with anthroponyms and ethnonyms dominate in the analyzed minor place names. Anthroponyms and ethnonyms concretize the place, the attitude to city objects. Negative or ironical connotations are typical of unofficial minor place names with anthroponyms, while ethnonyms in unofficial minor place names are often neutral. The names of famous politicians, mayors, governors often become the source of transonymization which reflects critical attitude of the city residents to their activity. Abbreviation and wrong usage of the names of administration representatives help create negative connotations of the minor place name.

Conclusion. The authors argue that transonymization of anthroponyms in the city linguistic landscape results in the lack of understanding of such minor place names by non-residents, but such rethought nominations of the city objects and phenomena are clear for the residents even when the inefficient representative of the city or region administration leaves the office. On the other hand, mainly the old and middle generations of the city residents recognize and use minor place names with ethnonyms.

Keywords

regional lexicon, urban lexicon, minor place name, anthroponym, ethnonym

Acknowledgements

The study was carried out with financial support of the Russian Science Foundation Fund and Chelyabinsk Region, project no. 22-18-20022, <https://rscf.ru/project/22-18-20022/>

For citation

Pitina S. A., Kharchenko E. V. Anthroponyms and Ethnonyms as Markers of the City Identity. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 9: Philology, pp. 33–43. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-33-43

Введение

В работе продолжено изучение урболекта в рамках более широкого исследования, одобренного РФФИ, – «Когнитивно-прагматический и инвариантный подходы к исследованию современных культурно и территориально маркированных слов, используемых жителями Челябинского региона, с созданием русско-английского словаря Южно-Уральских реалий».

Цель статьи – выявление особенностей и способов реализации и функционирования антропонимических названий и номинаций городских составляющих, репрезентированных этнонимами в языковой картине Челябинска и Москвы. Локальный материал позволяет, на наш взгляд, систематизировать как особенности региональной специфики наименования городских объектов, так и общие тенденции образования и функционирования микропонимов в яркой палитре смешения общего и частного, перехода неофициальных названий в официальные, трансонимизации микропонимов.

Проблема лингвистического изучения города, о которой писал еще Б. А. Ларин, остается чрезвычайно актуальной и в настоящее время, поскольку в языке города отражены социальные, культурные, исторические и экономические связи и отношения между представителями разных поколений. Трудно не согласиться с ученым в том, что «мы запоздали с научной разработкой языкового быта города, да и нигде до сих пор она не производилась широко и систематически. Были только разрозненные попытки регистрации и описания отдельных жаргонов...» [Ларин, 1977, с. 175].

Подробный обзор работ, отражающих этапы и различные аспекты изучения языка города, представлен в статьях А. А. Юнаковской [2006; 2011]. В многочисленных исследованиях отечественных и зарубежных ученых рассматриваются особенности городского ландшафта Владивостока [Михайлюкова, 2017], Екатеринбурга [Кривошапова, Горяев, 2022], Краснодара [Пономаренко, 2019], Москвы [Голикова, 2014], Перми [Erofeeva, Shustova, 2020], Северодвинска [Попов, 2019], Уфы [Голомидова, 2022], Челябинска [Pitina, Kharchenko, 2022], Ярославля [Разумов, 2011] и других городов. Локальный нейминг убедительно проанализирован в работах М. В. Голомидовой [2012], О. С. Иссерс [2017], М. Azaryahu [1996], Ja. David [2011] и многих других исследователей.

Н. А. Прокуровская расширяет трактовку микропонима, выделяет плоскостные, или планарные (названия микрорайонов, городских поселков и др.); линейные (наименования улиц и т. д.); точечные (наименования различных функциональных объектов) [Прокуровская,

1996, с. 23], Городской ономастикон как составляющая регионального ономастикона и региолекта в целом и урболекта в частности рассматривается в работе как комплексная система номинации городских объектов и явлений, представленная официальными топонимами и микротопонимами, а также неофициальными трансонимизированными номинациями, способствующими реализации городской и – в более широком смысле – региональной идентичности.

На лексическом уровне региолект представлен регионализмами, употребляющимися в определенной местности уникальными словами и словосочетаниями. М. А. Бородина [1982] выделяет широкие регионализмы, использующиеся в нескольких регионах, и узкие, характерные для конкретной территории. Вслед за Ю. А. Резвухиной мы относим к регионализмам как «региональные жаргонизмы и региональные просторечные явления», так и «вполне нейтральные местные наименования» [Реззухина, 2015, с. 86]. Ряд исследователей употребляет синонимичный термин «локализм» [Ерофеева, 2020; Попов, 2019]. Регионализмы репрезентированы неофициальными топонимами и микротопонимами, функционирующими в разговорной речи наряду с официальными названиями. Сложность всестороннего описания регионализмов диктует применение дифференцированного подхода к их изучению на материале конкретного города. Таким образом, понятие «региолект» сужается до понятия «урболект». Считаем оправданным использование термина «урболект» как варианта языка города и маркера его идентичности, хотя данный термин мало распространен в отечественном языкознании. Б. Ю. Норман вскользь упоминает о нем: «Слово может быть элементом социолекта любого объема – в том числе жаргона, профессиональной или корпоративной речи, урболекта (языка города), фамилиолекта («внутрисемейного» языка) и т. д. И оно исправно выполняет свою функцию в своей среде. Но как только оно выходит за ее пределы и употребляется для более широкого круга пользователей (например, читателей), то тут же требует расшифровки» [Норман, 2018, с. 179]. Мы также понимаем урболект как язык города.

Для достижения поставленной цели авторы используют интегративный подход к изучению официальных и неофициальных микротопонимов, сочетающий применение когнитивного, лингвокультурологического и социолингвистического методов анализа эмпирического материала, прием сплошной выборки для верификации полученных наблюдений.

Отобранные на сайтах Москвы и Челябинска официальные и неофициальные микротопонимы дополнялись примерами из зарубежной художественной литературы. Всего рассмотрено 200 микротопонимов с антропонимами и 50 примеров микротопонимов с этнонимами.

Результаты исследования

Антропонимы в урболекте

Антропонимы встречаются в лингвистическом ландшафте города не только в официальных коммеморативных годонимах, агоронимах и эргонимах – названиях цветочных магазинов, парикмахерских, кафе и ресторанов (подробнее см.: [Питина, Таскаева, 2021]), но и в неофициальных названиях городских объектов, отражающих их позитивное или негативное восприятие в языковом сознании жителей. Чаще всего в неофициальных номинациях в челябинском лингвистическом ландшафте употребляются фамилии бывших губернаторов, бывших и действующих мэров. Рассмотрим самые яркие отантропонимические словосочетания.

О неэффективной работе бывшего мэра Магнитогорска и Челябинска Е. Н. Тефтелева свидетельствует словосочетание *тефтелевы кучи* для обозначения неубранных с улиц и дорог сугробов. Приведем лишь несколько примеров из комментариев жителей города.

- Сегодня выбирала сапоги под Тефтелевы кучи.
 - Тефтелев уйдет, а выражение «тефтелевы кучи» надолго останется в русском языке челябинцев.
- И лет через 100 какой-нибудь очередной краевед – составитель фразеологизмов русского языка – сделает очередную запись.

Сам Е. Н. Тефтелев с юмором воспринимал это словосочетание:

Сейчас куч почти нет... Эту ситуацию контролирую я сам. Учитывая, что кучи мои, именные (<https://chel.dk.ru/news/oni-moi-imennye-glava-chelyabinska-prokomentiroval-teftelevy-kuchi-v-gorode-237096878>).

Фамилии сменившей на должности мэра Е. Н. Тефтелева Н. П. Котовой повезло еще меньше: она отражена в нескольких словосочетаниях с отрицательной коннотацией: *котовы горы, котовы завалы, котовы кучи, котовы наледи, кошачьи кучки, кошачьи лужи, кошачьи холмы, кошкины кучки*:

– С Кировки убрали «котовы кучи».

– Случилось это лишь после того, как в соцсетях и телеграм-каналах начали публиковать эти сугробы с надписями «котовы кучи».

– Однако остались «котовы наледи». Все челябинцы знают, что сугробы вдоль дорог называли «тефтелевыми кучами», по имени бывшего градоначальника Евгения Тефтелева. Понятно, что прочитать про «котовы кучи» было неприятно для Натальи Петровны, и она постаралась их ликвидировать. Однако недостаточно оперативно – название уже приклеилось. Несмотря на то, что официальные СМИ утверждают, что кучи по-прежнему «тефтелевы», горожане переходят на новое обозначение куч (<http://uraldaily.ru/proisshestviya/2019-11-05/s-kirovki-ubrali-kotovy-kuchi>).

В челябинский урболект прочно вошло словосочетание *ребра Дубровского* для обозначения незаконченного здания конгресс-холла в центре города. Обвиняемый в хищении из российского бюджета Б. А. Дубровский был губернатором Челябинской области до 2019 г.

– В строительство скандального конгресс-холла «Крылья» вложили 8,4 миллиарда рублей, но стройку заморозили, и недострой окрестили «ребрами» – В Челябинске рядом с «ребрами Дубровского» открыли для прогулок новый участок набережной реки Миасс (https://ural.tsargrad.tv/news/v-cheljabinske-rjadom-s-rebrami-dubrovskogo-otkryli-dlja-progulok-novuj-uchastok-naberezhnoj-reki-miass_439758).

В итоге в той или иной мере в Челябинске появилось все обещанное, кроме главного конгресс-холла – гигантский недострой на набережной прозвали «ребрами Дубровского» (<https://ura.news/news/1052535763>).

– «Ребра Дубровского». Мало кто видел этот «монумент», отражающий всю суть современного Российского бытия, с такого ракурса (https://vk.com/wall250547_1498).

Автор «дорожной революции» в Челябинске бывший мэр и губернатор М. В. Юревич, прозванный сначала уважительно «бизнес мэром», потом пренебрежительно «лондонским сидельцем», обогатил городской отантропонимический ономастикон выражениями *дороги Юревича, карманы Юревича, Миша-Дорожник, Миша-вертолет*.

– Просто в столице Южного Урала все достижения горе-революционера «Миши-Дорожника» видны наиболее ярко...

– Еще одним ноу-хау Юревича на проспекте Ленина являются так называемые «карманы», прозванные в народе, понятное дело, «карманами Юревича» (<https://uraldaily.ru/biznes/2016-04-12/dorogi>).

Если в рассмотренных выше устойчивых отантропонимических реалиях Челябинска отражено негативно-критическое отношение жителей города к деятельности администрации, то в неофициальных микротопонимах с антропонимами прослеживается нейтральная и даже положительная реакция. Пешеходная часть улицы Кирова получила закрепившийся в СМИ и в повседневной речи горожан сокращенный вариант годонима *Кировка*, престижный пригород Челябинска (официальное название – микрорайон 39-а) получил название *Тарасовка* по фамилии бывшего мэра В. М. Тарасова. Иногда из микротопонима с антропонимом полностью выпадает фамилия или антропоним сокращается в разговорном варианте годонима, изменяя его значение на разговорное *Братуха*, нейтральное вместо коммеморативного *Братьев*, пренебрежительное или отрицательное *Каширка*. Приведенные выше примеры являются неофициальными названиями улицы Братьев Кашириных. Народный микротопоним *Сонька* употребляется вместо ул. Сони Кривой, *Худячка* – вместо ул. Худякова, *Курча* – вместо ул. Курчатова, *Чекуха* – вместо улицы, названной в честь композитора П. И. Чайковского, и др.

Неофициальное название Ленинского района города *Ленарь* понятно только челябинцам и с трудом ассоциируется с именем Ленина. Негативные коннотации прослеживаются в народном микротопониме *Колупаевка*, употребляющемся вместо официального названия «поселок Урицкого», хотя Колупаевка основана около 1900 г. при заимке Колупаевых [Челябинск, 2001, с. 384].

Для сравнения приведем некоторые московские неофициальные микротопонимы с антропонимами, которые представлены разговорными названиями станций метро: *Алеша* употребляется вместо метро Алексеевская, *Бабка* вместо станции метро Бабушкинская в честь Михаила Бабушкина, *Беларик* вместо станции метро Белорусская и Белорусского вокзала, *Внучка* вместо Внуково в честь воеводы Семена Григорьевича по прозвищу Внук и др. Народные микротопонимы *Пампуш*, *Пампуша*, *Пушка* употребляются как синонимы Пушкинской площади, сокращенное название *Гоголь* заменяет в разговорной речи Гоголевский бульвар, *Щука* используется вместо названия «Театральный институт имени Бориса Щукина» и является официальным названием одноименного торгово-развлекательного центра. *Лумумбарием* называют в разговорной речи университет РУДН имени Патриса Лумумбы. Микротопонимы *Горбушка*, *Горбушкин двор* – названия крупного центра техники и электроники Москвы, действующего с 1987 г. после открытия клуба филофонистов во Дворце культуры имени Горбунова. Народный топоним *Кутуза* заменяет Кутузовский проспект, *Подбелка* – ул. Подбельского, *Фабра* – Фабрициуса, *Вернадка* – Вернадского. Антропонимизация наблюдается в народных названиях вокзалов *Павлик*, *Ярик*, остановки *Тишка* (др. примеры см. на сайтах <http://m24.ru>; <http://moscowseasons.com>).

Трансонимизированные отантропонимические названия городских объектов, вошедшие в разговорный язык и закрепившиеся в словарях, представлены номинациями, связанными с именами лидеров Советского Союза И. В. Сталина, Н. С. Хрущева, Л. И. Брежнева. Отметим, что трансонимизированные существительные *брежневка*, *сталинка*, *хрущевка* характерны не только для обозначения квартир в Москве и Челябинске, а для урболекта всех российских городов. Названия *сталинка*, *сталинские высотки*, *сталинский ампир*, *сувенир Сталина* символизируют архитектурный стиль, представленный высотными зданиями не только в Москве, но и в Варшаве, Бухаресте, Киеве, Праге, Риге, Харькове. Отрицательное отношение к *сувенирам Сталина*, или архитектуре свадебного торта – *wedding-cake architecture*, показано в рассказе Дж. Барнса «One of a Kind»:

Well, the very worst examples you can see – outside Russia, I mean – the biggest, the nastiest, the ones in the most overpowering positions in the cities, are the ones imposed by Stalin. Gifts of the Soviet people they were called, to Warsaw, or wherever (Bradbury, 1988, p. 404).

Большинство жителей, однако, считают *сталинки* комфортными квартирами, а *сталинскую архитектуру* украшением города (ср. с недавно установленным шпилем в подражание главному корпусу МГУ в ЮУрГУ).

Реалии *хрущевка*, *хрущоба*, *хрущ*, *хрущевский холодильник* для обозначения встроенного под окном на кухне шкафа отрицательно маркированы и используются в разговорной речи. *Брежневка* как улучшенный вариант *хрущевки* тоже вошла в повседневную жизнь и разговорную речь россиян. Устойчивые выражения *лужковский стиль*, *лужковская Москва* символизируют московский эклектический архитектурный стиль эпохи мэра Ю. М. Лужкова, характеризующийся украшательством, использованием башенок, балясин. Недавно возникшие словосочетания *Москва собянинская*, *собянинские трамваи* связаны с именем действующего мэра С. С. Собянина. В последнем словосочетании прослеживается ирония, поскольку подаренные Барнаулу и Бийску трамваи часто ломались.

Этнонимы в урболекте

В челябинском урболекте микротопонимы с этнонимами представлены следующими названиями: *азербайджанский*, *английский*, *армянский*, *башкирский*, *грузинский*, *еврейский*, *казахский*, *киргизский*, *китайский*, *корейский*, *немецкий*, *русский*, *славянский*, *татарский*,

французский, чеченский, эстонский и др. Этнонимы входят в основном в официальные названия культурных центров города. В составе Ассамблеи народов Челябинской области насчитывается 31 национально-культурное объединение (<http://cne74.ru>), охватывающее народы поликультурного региона. *Центр татарской и башкирской культуры* является единственной общественной организацией, репрезентирующей два коренных народа Урала.

Некоторые этносы представлены несколькими центрами: башкирский (*Башкирский курултай, Башкирская культурная автономия, Башкирский курултай Челябинской области «Курай», Башкирский народный центр*), еврейский (*Еврейский национальный культурный центр, Еврейская национальная культурная автономия, Челябинский еврейский общинный центр, Челябинская городская еврейская общественная организация «ХЭСЭД НЭХАМА»*), немецкий (*Немецкий культурно-образовательный центр, Немецкий культурный центр*), татарский (*Конгресс татар челябинской области, Центр татарской и башкирской культуры*). Традиционные названия конкурсов *Татарочка. Татар кызы* и *Удалой джигит. Татар егете* стали ежегодными и вошли в состав челябинских регионализмов.

Эргонимы с этнонимами представлены названиями челябинских языковых клубов, центров и школ, среди названий которых преобладает этноним *английский* (выявлено более 30 таких наименований на русском языке: *Центр английского языка*, транслитерированных с английского языка эргонимов: *Инглиш Хаус*, названий на английском языке: *The English Club*, гибридных и сложных неймов, неологизмов: *Englishup*). Выявлено всего лишь четыре языковых центра с этнонимами *китайский, немецкий и французский*: *Французский клуб, Немецкий клуб, Клуб китайского языка «Бамбук», Маленький император, школа китайского языка*. В Москве зарегистрировано в несколько раз больше названий языковых центров с этнонимами из-за гораздо большего количества жителей и большого спроса на образовательные услуги, связанные с изучением иностранных языков.

Эргонимы с этнонимами редко встречаются в названиях кафе и ресторанов Челябинска, вероятно, потому что конкретные названия кажутся более привлекательными для владельцев и посетителей: *Грузинский двор, Узбекская кухня, Узбечка, Русский чай*. Названия кафе и ресторанов с этнонимами в Москве более разнообразны, только китайских ресторанов насчитывается около десяти: *Китайские новости, Китайская закусочная, Китайский ресторан Династия* и др.

Нами выявлено лишь несколько официальных московских топонимов с этнонимами, в основном представленных микротопонимами с названиями республик бывшего Советского Союза: *Армянский переулок, ул. Белорусская, Грузинский вал, Грузинский переулок, Грузинская площадь, Литовский бульвар, ул. Молдавская, ул. Российская, Туркменский проезд, Украинский бульвар, ул. Эстонская*. Другими примерами являются ул. *Татарская, Английская набережная, ул. Французская*. Примером ложной этимологии можно считать известный московский микротопоним *Китай-город*, не связанный с Китаем. *Кита* в словаре В. И. Даля определяется как стебель, трава повойного и долгоствольного растения, растение с *китинами*, плетями, длинными, цепкими стволами [Даль, 1978, с. 111]. В Челябинске топонимов с этнонимами меньше, чем в Москве. Совпадают с московскими следующие названия челябинских улиц: ул. *Белорусская, ул. Литовская, ул. Российская, ул. Украинская, ул. Эстонская, ул. Польская* в городе-спутнике Копейске. Следует отметить, что этнонимические топонимы не подвергались переименованию.

Челябинский микротопоним *Немецкий квартал* является примером перехода неофициального названия в официальное. Квартал был построен пленными немцами в 40-х гг. в Металлургическом районе в необычном для города стиле.

Неофициальные микротопонимы с этнонимами представлены в Челябинске следующими примерами: *Эстонские болота, Английский дом, Испанский дом, Китайский город, Еврейская крепость, Татары*. Названия квартала *Китай-город (городок), Китай, Китайский город* связаны с нереализованным планом приглашения китайских рабочих на Челябинский металлургический завод. Китайцы не приехали, но квартал до сих пор известен как *китайский го-*

род. *Эстонские* болота являются частью Планового поселка в районе улицы *Эстонской*, расположенной ниже уровня озера Смолино. Об *Английском* доме сейчас знают только старожилы города. Название закрепилось в разговорной речи, потому что в нем жили специалисты из Великобритании. *Испанский дом*, *Мадрид* находится в центре Челябинска, имеется несколько версий этого названия: сходство здания с испанской архитектурой, переселение в дом беженцев из Испании во время Гражданской войны. *Еврейской крепостью* и *Татарами* называют в разговорной речи дворы в Ленинском районе.

Заключение

Анализ официальных и неофициальных микропонимов с антропонимами и этнонимами в Челябинске и Москве показал сходные тенденции топообразования. Антропонимизация микропонимов в разговорной речи придает им эмотивную окраску, чаще всего грубовато-пренебрежительную. Народные микропонимы становятся уникальной частью городского урбоекта, узнаваемой в основном только жителями города, реализуя оппозицию «свой – чужой» и являясь маркером идентичности конкретного лингвистического ландшафта. В микропонимах с антропонимами – как официальных, так и неофициальных – проявляется конкретизация городского пространства, тогда как в микропонимах с этнонимами конкретизация реализуется в меньшей степени. Если названия городских объектов с антропонимами нередко подвергаются трансонимизации, сокращению, трансформируясь в неофициальные наименования, то менее многочисленные микропонимы с этнонимами трансонимизируются гораздо реже.

Список литературы

- Бородина М. А.** Диалекты или региональные языки? // Вопросы языкознания. 1982. № 5. С. 29–38.
- Голикова Т. А.** Официальные vs неофициальные топонимы Москвы: модели трансонимизации // Научный диалог. 2014. № 9 (33). С. 24–36.
- Голомидова М. В.** Имятворчество в эргонимии: традиции vs. актуальные тренды // Лингвистика креатива – 2: Коллект. моногр. / Под ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. С. 63–72.
- Голомидова М. В.** Городские топонимы в аспекте трансляции региональной идентичности: кейс города Уфы // Вопросы ономастики. 2022. № 9 (1). С. 160–179. DOI 10.15826/vopr_onom.2022.19.1.008
- Иссерс О. С.** Лингвокогнитивные основания креативных решений в нейминге // Когнитивные исследования языка. 2017. № 30. С. 821–824.
- Кривошапова Ю. А., Горяев С. О.** «Каменные» улицы Екатеринбурга // Вопросы ономастики. 2022. Т. 19, № 2. С. 197–207. DOI 10.15826/vopr_onom.2022.19.2.023
- Ларин Б. А.** О лингвистическом изучении города // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание (Избранные работы). М.: Просвещение, 1977. С. 175–189.
- Михайлюкова Н. В.** Языковой облик современного города. Владивосток: ДВФУ, 2017. 360с.
- Норман Б. Ю.** «Креатив» говорящего vs «креатив» слушающего: компромисс взаимопонимания // Лингвистика креатива – 4: Коллект. моногр. / Под ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2018. С. 174–213.
- Питина С. А., Таскаева А. В.** Названия памятных объектов Челябинской области как составляющая героической парадигмы // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2021. № 9 (455). С. 120–127. DOI 10.47475/1994-2796-2021-10917
- Пономаренко И. Н.** Эргонимикон Краснодара: от номинации к коммуникации // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6, № 1. С. 82–92.

- Попов Р. В.** Городские локализмы в региональной речи Северодвинска // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 4. DOI 10.30853/filnauki.2019.4.35
- Прокуровская Н. А.** Город в зеркале своего языка (на языковом материале г. Ижевска). Ижевск: Удмурт. ун-т, 1996. 244 с.
- Разумов Р. В.** Прецедентные онимы в неофициальном городском ономастиконе // Ярославский педагогический вестник. 2011. Т. 1, № 4. С. 169–172.
- Резвухина Ю. А.** Регионализм: к определению понятия // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2015. Т. 6, № 2. С. 84–90.
- Юнаковская А. А.** «Язык города» как объект изучения (итоги и перспектива) // Омский научный вестник. 2006. № 9 (47). С. 252–254.
- Юнаковская А. А.** «Язык города» как лингвистическая проблема // Вестник Ом. гос. ун-та. 2011. № 3. С. 193–197.
- Azaryahu M.** The Power of Commemorative Street Names // Environment and Planning D-society & Space. 1996, Vol. 14 (3). P. 311–330.
- David Ja.** Commemorative Place Names – Their Specificity and Problems // Names. 2011. Vol. 59, no. 3. P. 199–213.
- Erofeeva T. I., Shustova S. V.** Lexical Vernacular in the Speech of Literary Language Residents in Perm Region // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Iazykoznanie. 2020. Vol. 19 (4). P. 42–51. DOI 10.15688/jvolsu.2020.4.4
- Pitina S. A., Kharchenko E. V.** Creativity of Regionalisms on the Level of Word Building // Philological Class. 2022. Vol. 27, no. 4. P. 67–75. DOI 10.51762/1FK-2022-27-04-6

Список словарей

- Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Рус. яз., 1979. Т. 2. И–О. 779 с.
- Ерофеева Т. И.** Социолингвистический глоссарий пермских локализмов: 60–90-е годы XX века: Словарь. Пермь: Перм. гос. нац.-иссл. ун-т, 2020. 239 с.
Челябинск: Энциклопедия / Сост. В. С. Боже, В. А. Черноземцев. Челябинск: Каменный пояс, 2001. 1075с.

Список источников

- Bradbury M.** (ed.). The Penguin Book of Modern British Short Stories. Penguin Books, 1988. 404 p.
<https://chel.dk.ru/news/oni-moi-imennye-glava-chelyabinska-prokomentiroval-teftelevy-kuchi-v-gorode-237096878> (дата обращения 31.08.2023).
<http://sne74.ru> (дата обращения 31.08.2023).
<http://www.m24.ru> (дата обращения 31.08.2023).
<http://moscowseasons.com> (Бабка, Внучка и Зелек: азбука народных топонимов Москвы от А до З; Краска, Лужа и Проспект Му-му: азбука народных топонимов Москвы от К до П; Смола, Труба и Щелчок: азбука народных топонимов Москвы от Р до Ц) (дата обращения 31.08.2023).
<https://ura.news/news/1052535763> (дата обращения 31.08.2023)
https://ural.tsargrad.tv/news/v-cheljabinske-rjadom-s-rebrami-dubrovskogo-otkryli-dlja-progulok-novuj-uchastok-naberezhnoj-reki-miass_439758 (дата обращения 31.08.2023)
<https://uraldaily.ru/biznes/2016-04-12/dorogi> (дата обращения 31.08.2023).
<http://uraldaily.ru/proisshestiya/2019-11-05/s-kirovki-ubrali-kotovy-kuchi> (дата обращения 31.08.2023).
https://vk.com/wall250547_1498 (дата обращения 31.08.2023).

References

- Azaryahu M.** The Power of Commemorative Street Names. *Environment and Planning D-society & Space*, 1996, vol. 14 (3), pp. 311–330.
- Borodina M. A.** Dialekty ili regional'nye yazyki? [Dialects or regional languages?]. *Voprosy Yazykoznanija* [Questions of Language Studies], 1982, vol. 5, pp. 29–38. (in Russ.)
- David Ja.** Commemorative Place Names – Their Specificity and Problems. *Names*, 2011, vol. 59, no. 3, pp. 199–213.
- Erofeeva T. I., Shustova S. V.** Lexical Vernacular in the Speech of Literary Language Residents in Perm Region. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19 (4), pp. 42–51. DOI 10.15688/jvolsu2.2020.4.4
- Golikova T. A.** Ofitsial'nye vs neofitsial'nye godonimy Moskvyy: modeli transonimizatsii [Official vs. unofficial godonyms of Moscow: models of transonymization]. *Nauchnyi Dialog* [Scientific dialog], 2014, vol. 9 (13), pp. 24–36. (in Russ.)
- Golomidova M. V.** Gorodskie toponimy v aspekte translyatsii regional'noi identichnosti: keis goroda Ufy [Urban place names as a means of manifesting regional identity: The case of Ufa city]. *Voprosy onomastiki* [Onomastics questions], 2022, vol. 19 (1), pp. 160–179. (in Russ.) DOI 10.15826/vopr_onom.2022.19.1.008
- Golomidova M. V.** Imyatvorchestvo v ergonimii: traditsii vs. aktual'nye trendy [Name creation in ergonymy: traditions vs. actual trends]. In: Gridina T. A. (ed.). *Lingvistika kreativa – 2* [Linguistics of creative – 2]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical Uni. Press, 2012, pp. 63–72. (in Russ.)
- Issers O. S.** Lingvokognitivnye osnovaniya kreativnykh reshenii v neiminge [Linguo-cognitive grounds for creative naming]. *Cognitive Studies of Language*, 2017, no. 30, pp. 821–824. (in Russ.)
- Krivoshchapova Yu. A., Goryaev S. O.** “Kamennye” ulitsy Ekaterinburga [“Stone” streets of Ekaterinburg]. *Voprosy onomastiki* [Onomastics questions], 2022, vol. 19 (2), pp. 197–207. (in Russ.) DOI 10.15826/vopr_onom.2022.19.2.023
- Larin B. A.** O lingvisticheskom izuchenii goroda [On Linguistic study of the city]. In: Larin B. A. *Istoriya russkogo yazyka i obshchee yazykoznanie (Izbrannye raboty)* [History of the Russian language and general linguistics (Selected works)]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1977, pp. 175–189. (in Russ.)
- Mikhailyukova N. V.** Yazykovoi obraz sovremennogo goroda [Language image of the modern city]. Vladivostok, Far East Federal Uni. Press, 2017, 360 p. (in Russ.)
- Norman B. Yu.** “Kreativ” govoryashchego vs “kreativ” slushayushchego: kompromiss vzaimoponimaniya [“Creativity” of the speaker vs “creativity” of the listener: compromise of mutual understanding]. In: Gridina T. A. (ed.). *Lingvistika kreativa – 4* [Linguistics of creative – 4]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical Uni. Press, 2018, pp. 174–213. (in Russ.)
- Pitina S. A., Kharchenko E. V.** Creativity of Regionalisms on the Level of Word Building. *Philological Class*, 2022, vol. 27, no. 4, pp. 67–75. DOI 10.51762/1FK-2022-27-04-6
- Pitina S. A., Taskaeva A. V.** Nazvaniya pamyatnykh ob'ektov Chelyabinskoi oblasti kak sostavlyayushchaya geroicheskoi paradigmy [Regional names of commemorative objects of Chelyabinsk region as part of heroic paradigm]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2021, no. 9 (445), pp. 120–127. (in Russ.) DOI 10.47475/1994-2796-2021-10917
- Ponomarenko I. N.** Ergonimikon Krasnodara: ot nominatsii k kommunikatsii [Krasnodar ergonicon: from nomination to communication]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication studies], 2019, vol. 6, no. 1, pp. 82–92. (in Russ.)
- Popov R. V.** Gorodskie lokalizmy v regional'noi rechi Severodvinska [City localisms in the regional speech of Severodvinsk]. *Philology. Theory & Practice*, 2019, no. 4. (in Russ.) DOI 10.30853/filnauki.2019.4.35

- Prokurovskaya N. A.** Gorod v zerkale svoego yazyka (na yazykovom materiale g. Izhevsk) [City in the mirror of its language (on the language material of Izhevsk)]. Izhevsk, Udmurt Uni. Press, 1996, 244 p. (in Russ.)
- Razumov R. V.** Precedentnye onimy v neofitsial'nom gorodskom onomastikone [Precedent onyms in unofficial city onomasticon]. *Yaroslavskii Pedagogicheskii Vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]*, 2021, vol. 1, no. 4, pp. 169–172. (in Russ.)
- Rezvukhina Yu. A.** Regionalizm: k opredeleniyu ponyatiya [Regionalism: to the definition of the notion]. *Interesno Geo Sibir'*, 2015, vol. 6, no. 2, pp. 84–90. (in Russ.)
- Yunakovskaya A. A.** “Yazyk goroda” kak lingvisticheskaya problema [“Language of the city” as a linguistic problem]. *Herald of Omsk University*, 2011, no. 3, pp. 193–197. (in Russ.)
- Yunakovskaya A. A.** “Yazyk goroda” kak ob"ekt izucheniya (itogi i perspektiva) [“Language of the city” as an object of study (results and perspectives)]. *Omskii nauchnyi vestnik [Omsk Scientific Bulletin]*, 2006, no. 9 (47), pp. 252–254. (in Russ.)

List of Dictionaries

- Bozhe V. S., Chernozemtsev V. A.** (eds.). Chelyabinsk: Encyclopedia. Chelyabinsk, Kamennyi Poyas Publ., 2001, 1075p. (in Russ.)
- Dal V. I.** Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian dictionary]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1979, vol 2, 779 p. (in Russ.)
- Erofeeva T. I.** Sotsiolingvisticheskii glossarii permskikh lokalizmov: 60–90-e gody XX veka: slovar' [Sociolinguistic glossary of Perm localisms: dictionary: 60–90s of the 20th century]. Perm, Perms National Research Uni. Press, 2020, 239 p. (in Russ.)

List of Sources

- Bradbury M.** (ed.). The Penguin Book of Modern British Short Stories. Penguin Books, 1988, 404 p.
- <https://chel.dk.ru/news/oni-moi-imennye-glava-chelyabinska-prokomentiroval-teftelevy-kuchi-v-gorode-237096878> (accessed 31.08.2023).
- <http://cne74.ru> (accessed 31.08.2023).
- <http://www.m24.ru> (accessed 31.08.2023).
- <http://moscowseasons.com> (Babka, Vnuchka i Zelek: azbuka nagodnykh toponimov ot A to Z; Kraska, Luzha i Prospekt Mu-mu: azbuka nagodnykh toponimov Moskvy ot K do P; Smola, Truba i Shchelchok: azbuka nagodnykh toponimov ot R do Shch) (ABC of Moscow Folk Place Names) (accessed 31.08.2023).
- <https://ura.news/news/1052535763> (accessed 31.08.2023)
- https://ural.tsargrad.tv/news/v-cheljabinske-rjadam-s-rebrami-dubrovskogo-otkryli-dlja-progulok-novyj-uchastok-nabereznoy-reki-miass_439758 (accessed 31.08.2023)
- <https://uraldaily.ru/biznes/2016-04-12/dorogi> (accessed 31.08.2023).
- <http://uraldaily.ru/proisshestiya/2019-11-05/s-kirovki-ubrali-kotovy-kuchi> (accessed 31.08.2023).
- https://vk.com/wall250547_1498 (accessed 31.08.2023).

Информация об авторах

Светлана Анатольевна Питина, доктор филологических наук, профессор
 Scopus Author ID 57193741292
 WoS Researcher ID AAC-9362-2020
 RSCI Author ID 661982
 SPIN 9802-1740

Елена Владимировна Харченко, доктор филологических наук, профессор
RSCI Author ID 118841
SPIN 6738-6378

Information about the Authors

Svetlana A. Pitina, Doctor of Sciences (Philology), Professor
Scopus Author ID 57193741292
WoS Researcher ID AAC-9362-2020
RSCI Author ID 661982
SPIN 9802-1740

Elena V. Kharchenko, Doctor of Sciences (Philology), Professor
RSCI Author ID 118841
SPIN 6738-6378

Вклад авторов:

С. А. Питина – разработка концепции исследования, формулирование выводов, доработка текста.

Е. В. Харченко – отбор и анализ материала, формулирование выводов, доработка текста.

Contribution of the Authors:

Svetlana A. Pitina developed the methodology and approach, made conclusions, prepared the text of the article.

Elena V. Kharchenko selected and analyzed the material, made conclusions, prepared the text of the article.

*Статья поступила в редколлегию 17.03.2023;
одобрена после рецензирования 24.10.2023; принята к публикации 25.10.2023
The article was submitted on 17.03.2023;
approved after reviewing on 24.10.2023; accepted for publication on 25.10.2023*

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-44-52

Представления о ювелирном деле как источник метафоризации в современной русской языковой картине мира

Ма Цзя

Кашиский университет
Каши, Китай

majia8651@163.com, <https://orcid.org/0009-0006-5031-7956>

Аннотация

Статья посвящена лингвокультурной специфике метафоризации общих представлений о ювелирном деле в русской языковой картине мира. Актуальность темы связана с использованием лексем с корнем *ювелир-* в различных контекстах, основанных на метафоризации и образном представлении разнородных явлений. Из «Национального корпуса русского языка» выбрано 144 примера с метафорическим значением с лексемами *ювелир*, *ювелирный* и *ювелирно*. Посредством контекстного анализа и анализа концептуальной метафоры определено 6 основных слотов, которые становятся основанием для метафоризации в русской языковой картине мира. Анализ показал, что метафоризация с источником «ювелир» основана в русской языковой картине мира не только на представлениях о качествах ювелира, но и на представлениях о процессе и результате ювелирной работы.

Ключевые слова

метафора, общие представления о ювелирном деле, языковая картина мира, концептуальная метафора, область-источник метафоризации

Для цитирования

Ма Цзя. Представления о ювелирном деле как источник метафоризации в современной русской языковой картине мира // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 9: Филология. С. 44–52. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-44-52

Representations of Jewelry as a Source of Metaphorization in the Modern Russian Linguistic Picture of the World

Ma Jia

Kashi University
Kashi, China

majia8651@163.com, <https://orcid.org/0009-0006-5031-7956>

Abstract

Purpose. The article describes the linguocultural specifics of metaphorization of general representations of jewelry in the Russian linguistic picture of the world. The relevance of the topic is related to the use of lexemes with the root *jewel-* in various contexts based on metaphorization and figurative representation of heterogeneous phenomena. The purpose of the research is to determine main directions of metaphorization in the semantic field “Jewelry” based on lexicographic data and contexts from the “National Corpus of the Russian Language”. The sample consists

© Ма Цзя, 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 9: Филология. С. 44–52

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 9: Philology, pp. 44–52

of 144 examples with metaphorical meaning of the lexemes *jeweler*, *jeweled* and *jewelry* selected from the National Corpus of the Russian Language.

Results. Contextual analysis and analysis of conceptual metaphor identified 6 main slots representing the basis for metaphorization.

Conclusion. The metaphorization with the source *jewel-* in the Russian linguistic picture of the world describes not only qualities of a jeweler, but also the process and the result of jewelry work. The signs associated with the process and the results of jewelry work are the basis for metaphorization in most cases. Metaphorical contexts of “General representations of jewelry” predominantly reflect a positive evaluation, even while describing a criminal act, the emphasis is on accuracy and invisibility taken as positive aspects of this activity.

Keywords

metaphor, general ideas about jewelry, linguistic picture of the world, conceptual metaphor, source area of metaphorization

For citation

Ma Jia. Representations of Jewelry as a Source of Metaphorization in the Modern Russian Linguistic Picture of the World. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 9: Philology, pp. 44–52. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-44-52

Введение

Одна из актуальных задач современных лингвокультурологических исследований – выявление культурно специфичных особенностей метафоры. Несмотря на широкую изученность сферы декоративно-прикладного искусства в историческом, этнографическом и искусствоведческом аспектах, представления о подобных видах искусства в языковой картине мира (далее – ЯКМ), а также особенности соответствующей лексики в лингвистическом аспекте практически не изучены.

Целью исследования является определение основных направлений метафоризации с областью-источником «Ювелирное дело» на основе лексикографических данных и контекстов из «Национального корпуса русского языка» (далее – НКРЯ). В лингвистическом аспекте ранее рассматривались вопросы систематизации ювелирной терминосистемы [Елисеева, 2019], вопросы этимологии и использования отдельных терминов или отдельных групп лексем, связанных с ювелирным искусством [Жужгов, 2022; Елисеева, 2020], а также некоторые аспекты метафоризации, преимущественно связанные с концептом *КАМЕНЬ* и его фрагментами, сформированными блоком представлений о драгоценных камнях [Гнездилова, 2019; Рябова, 2008]. Область представлений о ювелирном деле является сложной, включает представления о разных элементах работы ювелира, репрезентирующиеся в разных тематических подгруппах лексем. Так, Е. П. Елисеева отмечает, что среди лексем, связанных с представлениями о ювелирном деле, можно выделить подгруппы номинаций украшений и их частей, камней и видов их огранки, техник и приспособлений, материалов и сплавов, плетений и т. п. [Елисеева, 2019, с. 67]. Подобная классификация показывает, что представления о ювелирном деле включают различные аспекты работы ювелира, но не показывает специфику лексем, репрезентирующих концепт *ЮВЕЛИР* в русской ЯКМ и отражающих общие представления, связанные с номинациями всей тематической сферы, – лексемы *ювелир* и однокоренных.

Методы и материалы

Мы исходим из принципов концептуальной теории метафоры Дж. Лакоффа [Лакофф, Джонсон, 2004], в соответствии с которыми процесс метафоризации связан с пересечением двух концептуальных областей – источника (*source domain*) и цели (*target domain*). При анализе метафоры мы также исходим из схемы метафорической модели и классификации метафор по области-источнику А. П. Чудинова [2001]. Так, в составе сложной области-источника мы выделяем фрагменты, отсылающие к разным аспектам представлений, в соответствии с фреймово-слотовой схемой организации. В составе сложной области «Ювелирное дело» можно выделить фреймы, репрезентирующиеся в разных подгруппах лексики и участвующие

щие в различных метафорических процессах. Так, особенно разветвленным, сложным и культурно значимым является рассмотренный нами ранее [Ма Цзя, Берендеева, 2023] фрейм «Драгоценные камни», объединяющий представления о натурфактах и артефактах, характеризующийся рядом ключевых признаков – ‘цвет’, ‘форма’, ‘ценность’ и др.

Данная работа нацелена на реконструкцию фрейма общих представлений о ювелирном деле, не связанного с конкретными техниками, материалами и т. п., но объединяющего в целом представления об особенностях мастера и его работы. Исследование включало следующие этапы: 1) выявление лексем, репрезентирующих фрейм «Общие представления о ювелирном деле», и определение их общеязыкового метафорического потенциала на основе словарных толкований; 2) составление выборки контекстов из НКРЯ, включающих данные лексемы (выборка велась по общему корпусу, без дифференциации по жанрам и направлениям) и репрезентирующих процессы метафоризации; 3) систематизация контекстов с их распределением по группам в соответствии с фрагментом фрейма-источника – слотом; 4) выявление основных когнитивных признаков общих представлений о ювелире, которые в ЯКМ могут быть основанием для метафоризации.

В рамках работы мы исходим из широкого понимания когнитивной метафоризации и включаем в выборку материала все контексты, основанные на уподоблении ювелиру или свойству / процессу / результату работы ювелира, вне зависимости от формального выражения, т. е. рассматриваем как контексты с языковой метафоризацией, так и контексты с формально выраженным сравнением.

Результаты исследования

Обращение к лексикографическим источникам показывает, что лексемы с корнем *ювелир* имеют метафорический потенциал и развивают семантическую структуру через метафоризацию. Так, лексема *ювелир* в «Большом толковом словаре» С. А. Кузнецова (БТС, 2000) определяется как ‘мастер, изготавливающий ювелирные изделия; продавец таких изделий’, данное толкование можно разделить на два лексико-семантических варианта (далее – ЛСВ), но метафорическое значение чаще всего формируется на основе значения ‘мастер’. В том же словаре слово *ювелирный* имеет два значения: 1) ‘связанный с изделиями из драгоценных металлов и камней; относящийся к работе ювелира’; 2) ‘отличающийся искусной, очень тщательной, тонкой отделкой’. Системная метафоризация связана с ЛСВ-2 лексемы *ювелирный*, наречие *ювелирно* в большинстве контекстов связано с аналогичным значением.

На основе примеров из корпуса (всего рассмотрено 293 контекста из корпуса, из них 144 с метафорическим значением) отметим, что лексемы *ювелир*, *ювелирно*, *ювелирный* репрезентируют различные когнитивные признаки, являющиеся основой метафоризации. Рассмотрим ниже данные когнитивные признаки с приведением примеров контекстов и с распределением по слотам области-источника.

1. Слот «профессиональные навыки и их уровень» представлен такими признаками, как ‘профессионализм’ и ‘наивысший уровень мастерства’. К данному слоту отнесено 13 контекстов. Так, признак ‘профессионализм, опытность, мастерство’ представлен в следующих примерах:

- 1.1. *Техника совершения преступлений была отработана им ювелирно* (Е. В. Топильская. Тайны реального следствия. Записки следователя прокуратуры по особо важным делам (2007));
- 1.2. *Он замечал, что отражения в позеленевших зеркалах дворца его старят, а в других зеркалах – нет, и что его пальцы ювелира, способные протянуть лунный луч сквозь игольные уши, как будто увеличиваются...* (А. Н. Мурашов. Исполнитель // «Волга», 2015).

Примеры данной группы могут основываться и на других признаках (так, пример 1.2 показывает также свойства физического характера – представление о длинных и тонких пальцах), но во всех случаях связаны с представлением о высоком уровне навыков.

Признак ‘наивысший уровень мастерства’ связан с отмеченным выше представлением о том, что ювелир является мастером высшего уровня, способным создать произведение любой сложности:

- 1.3. *Любил старинные дома в центре, рассыпанные, как бриллиантовые камушки щедрой рукой ювелира...* (Вячеслав Стефаненко. Город // «Дальний Восток», 2019);
- 1.4. *Вы мне напоминаете ювелира, который способен искусно огранить любой алмаз, но, вместо этого, взялся за простенькую безделушку...* (Аркадий Мацанов. Мастер и подмастерье (2016) // «Ковчег», 2015);
- 1.5. *Внизу мерцала слезка сапфировой бухты, как на заказ сделанная ювелиром* (Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)).

Так, контексты 1.3 и 1.5, репрезентируя перенос «результат работы ювелира → предмет / явление особой красоты», показывают, что работа ювелира в русской ЯКМ понимается как работа особого уровня мастерства, причем метафоризации по этому принципу могут подвергаться представления как о натурфактах (1.5), так и об артефактах (1.3). Сходный процесс, но нацеленный не на объект, а на человека, показывает контекст 1.4: в качестве «правильного» результата работы ювелира рассматривается только результат особо сложной работы, на основе чего формируется перенос «ювелир → особо искусный и способный человек».

То же представление об особом уровне мастерства выражено в следующем контексте с выстроенной иерархией:

- 1.6. *На белоснежной скатерти появляются два маленьких изысканных пирожных – шедевр даже не кулинарного, а какого-то ювелирного искусства* (Юлия Вишневецкая. Последние люди Холокоста // «Русский репортер», 2012).

Представления о ювелире проецируются здесь на представления о любом мастере, имеющем определенную степень навыков, причем контекст показывает тенденцию к формированию градации: ювелир понимается как мастер с особыми умениями, а ювелирное дело – как высший уровень мастерства (не просто *мастер*, но *ювелир*).

2. Слот «внутренние качества ювелира»

К данному слоту отнесено 8 примеров, слот связан со следующими признаками.

1. **Признак ‘творческие способности’.** Так, в некоторых примерах человек творчества (писатель или поэт) описывается как ювелир, представление основано на сходстве творчества и обработки (превращение природного материала в произведение искусства у ювелира → превращение необработанного слова в поэтическое произведение у поэта):

- 2.1. *Развивая метафору самоцвета, краеведа можно уподобить добывающему региональный материал старателю; культуролога – гранильщику, который придает добытому форму смысла; писателя – ювелиру, облакающему все это в эстетическую, художественную форму* (Ю. В. Щербинина. Преодоление пространства // «Волга», 2010);
- 2.2. *«Метался и крики в строчки выгранивал, уже наполовину сумасшедший ювелир» – это его обычное состояние* (М. К. Кантор. Медленные челюсти демократии (2008));
- 2.3. *По определению Цветаевой, Маяковский «камнем – тяжеловес избрал, не прельстясь алмазом»; однако трудно ожидать, что цех ювелиров такой выбор одобрит* (М. К. Кантор. Медленные челюсти демократии (2008)).

Признак основан на представлении о том, что ювелирное искусство превращает объекты природы (натурфакты) в объекты культуры (артефакты). Именно область «Ювелирное дело» становится источником для более абстрактных сфер, например для поэзии, так как ювелирное искусство связано с буквальной обработкой натурфактов, т. е. является более конкретной сферой, прототипической для обозначения сложных процессов. Обратим внимание также на вовлечение в данную метафору элементов других фреймов: представления о добыче материала для ювелирного дела (*старатель* в 2.1), о техниках обработки камня (*гранильщик* и *выгранивать* в 2.1 и 2.2), о видах драгоценных камней (*алмаз* в 2.3).

2. Признак **‘отстраненность, странность’** связан с представлением о том, что процесс творчества сопрягается с необычными свойствами характера и противопоставляет творца остальным, например:

Писать стихи здесь, даже на актуальные темы, означает замкнуться в башне из слоновой кости, это все равно что вдруг сделаться ювелиром (Ольга Мартынова. О бутылке // «Стороны света», 2010).

3. Слот **«внешние качества ювелира»** представлен только признаком **‘тонкие и длинные пальцы’** и сочетается с признаками точности движений и мастерства (всего 3 примера):

Не потому, что ощущает (как можно было бы предположить и как предполагает Зоя) нечто общее между своими, как бы тоже музыкальными пальцами и идеально вымуштрованными борзыми пианиста – нет, это совершенно разные руки, и Мартыновы гораздо ближе к лапицам мастерового (эдакий гибрид между точными руками ювелира и граблями мясника) (С. А. Самсонов. Кислородный предел (2008–2009)).

Обратим внимание здесь на выстраивание градации от полюса «очень грубые руки, не способные на тонкую работу» (*грабли мясника*) через срединные положения «довольно грубые руки» (*лапица мастерового*) и «довольно тонкие руки» (*как бы тоже музыкальные пальцы*) до полюса «искусные руки с тонкими пальцами» (*точные руки ювелира*), причем эталонным выражением второго полюса в русской ЯКМ являются как пальцы музыканта, так и пальцы ювелира.

4. Слот **«рабочие обязанности, организация рабочего процесса»**

Этот слот связан с признаками **‘работа с драгоценными материалами’, ‘необходимость и умение оценивать материалы’** (всего 3 примера). Обычно в контекстах первый признак становится основанием метафоризации в сочетании с другими, например с представлением о точности работы, о профессионализме или о красоте результата, как в контексте 1.3.

5. Слот **«свойства рабочего процесса»**

В большинстве контекстов метафорический перенос внутри этого слота основан на двух или трех признаках (всего 76 примеров).

1. Признак **‘тщательность работы’** ориентирован на метафорическое осмысление разнообразных объектов. Так, в следующих примерах целью переноса становятся представления разной степени абстрактности:

а) представления о навыках труда, скорее всего конкретного, ручного:

Обернувшись на мгновенье, она снова уткнулась в свою ювелирную работу... (Людмила Улицкая*. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000);

б) представления об обучении и воспитании, т. е. о процессах ментального характера:

Это серьезная ювелирная работа – научить ребенка не противопоставлять себя другим и в то же время не быть конформистом (Дарья Рощеня, иерей Петр Коломейцев. 4 причины, по которым подростки уходят из Церкви (2016.02) // 2016);

в) предельно абстрактные представления:

...последний советский руководитель не понимал: национальная политика – это ежедневный труд, и, я бы сказал, труд ювелирный (Александр Механик. Язык, автономия, независимость // «Эксперт», 2015).

2. Признак **‘точность и тонкость движений’** связан с представлениями о конкретных действиях, например, при совершении физического движения:

Как ухитряются артисты в ювелирно точном прыжке проделывать такое – совершенно необъяснимо (Дмитрий Козырев. Великий труд, подчеркнутая лёгкость // «Зеркало мира», 2012).

* Минюстом РФ Л. Улицкая включена в реестр лиц, выполняющих функции иностранных агентов.

Также отметим ряд контекстов, в которых признак точности характеризует не только процесс работы, но и результат:

5.1. В путеводителе по музею ему даётся следующая характеристика: *«Изделие древних – прозрачно, филигранно отполировано, с ювелирной точностью выточены все мельчайшие детали»* (Людмила Бузышина. Хрустальные черепа // «Зеркало мира», 2012);

5.2. *Хрупкие, условно трактованные фигурки людей и животных, ювелирная точность в изображении деталей и декоративное изящество композиции отличают придворный стиль декоративно-прикладного искусства эпохи Ахеменидов* (Т. Акимова. Британский музей (2011)).

Оба примера показывают точность при выполнении произведения декоративно-прикладного искусства (в 5.1 это эксплицировано через лексику *изделие*, в 5.2 отмечен вид искусства). В обоих случаях особо точная работа уподобляется ювелирной, что подчеркивает установленную градацию: именно ювелирное дело понимается как высший уровень мастерства, с которым – как с эталоном – сопоставляются другие виды искусств этой группы (а также прочей деятельности человека – можно сравнить с контекстом 1.6).

В следующем контексте признак точности связан уже с абстрактными представлениями о результате ментальной работы:

Словно хороший спектакль с замечательными актёрскими работами, ювелирными психологически зарисовками... (Форум: Обсуждение фильма «Король говорит!» (2010–2011)).

3. Признак **‘незаметность’** связан с установлением ассоциации между мелкими объектами и объектами, которые сложно заметить: движение ювелира понимается как очень мелкое, такое, которое сложно заметить со стороны. Данный признак часто репрезентируется вместе с признаками **‘точность, тонкость движений’** в контекстах, описывающих преступные действия:

5.3. *Сработать ювелирно, по всем правилам, чтобы в хрониках не осталось ни малейшего намека на наше вмешательство* (Николай Дежнев. Принцип неопределенности (2009));

5.4. *Митрич крышевал и Ляха, и Аполлона – ювелирно, как старый хирург, который уже роется в кишках, а пациент все ждет первого надреза скальпелем* (Сергей Дигол. Старость шакала // «Волга», 2012).

Обратим внимание на то, что в контексте 5.4 устанавливается связь между представлениями о ювелирном деле и о работе хирурга, причем такое сопоставление является типичным для русской ЯКМ, так, в следующем контексте также присутствует метафорическое осмысление хирурга, с одной стороны, как скульптора, с другой – как ювелира:

И если Маленков как хирург напоминал скульптора, то Петровский – ювелира (Алексей Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013)).

6. Слот **«свойства результата работы»** представлен рядом признаков, связанных с особенностями произведения, получаемого в результате работы ювелира (всего 51 пример). К этому слоту можно отнести следующие признаки.

1. Признак **‘особая красота, изящество’** выражает метафорическое осмысление различных явлений. Рассмотрим примеры, репрезентирующие представления о предметах:

6.1. *Престол церкви был ювелирно отделан золотом* (протоиерей Виталий Гришук. Ранние церкви Константинополя. Архитектурные особенности храмовых зданий IV в. в контексте изучения стациональной Литургии // «Актуальные вопросы современной науки», 2018);

6.2. *Обрамлённые по византийской традиции золотом буквы напоминают дорогие ювелирные украшения* (А. Домбровский. Искусство первой буквы // «Наука и жизнь», 2008).

Эти контексты показывают представления о работе с золотом, т. е. соприкасаются с фреймом **«Ювелирные металлы»**, но, несмотря на прямую связь с представлениями о ювелирном деле, оба контекста основаны на метафорическом переносе по схеме **«работа ювелира → другая особо точная и красивая работа»**, что подтверждает обозначенную нами градацию, в которой работа ювелира понимается как эталон красоты и мастерства.

Ряд контекстов отражает представления о внешности:

- 6.3. ...я вижу **осу** <...> теперь ее башка, полная черно-желтого глянца, **ювелирного чуда челюстей**, щетинковых усов, матовости гранатных выкаченных глаз, с проступившими при таком увеличении фасетками, – до сих пор плывет и сверкает в моем мозгу... (Александр Иличевский. Перс (2009));
- 6.4. Природа мало думала над её обликом: фигура сложена была наскоро и обтёсана топориком, **лицо – тоже не ювелирной работы** (Андрей Лопатин. Вера // «Менестрель», 2013);
- 6.5. Она блондинка с **ювелирной работы личиком**, тонкой, полупрозрачной шеей и загорелыми предплечьями (Василий Нагибин. Пена // «Волга», 2013).

Во всех приведенных выше контекстах признак ‘красота’ сочетается с признаком ‘точность’, так, в 6.4 и 6.5 выстраивается противопоставление «лицо ювелирной работы – грубое лицо», причем характеристика *ювелирный* является положительно окрашенной не только по отношению к человеку, но и по отношению к животному (контекст 6.3, в котором положительная оценка компенсирует привычную для русской ЯКМ негативную характеристику насекомого). Контекст 6.4 также показывает представление о ювелирном деле как о высшей степени точности и мастерства: грубая фигура – *обтесана топориком*, т. е. метафорически уподоблена результату неточной и грубой работы, противопоставленной работе ювелира.

Тот же признак проецируется и на качества человека, например:

...держай, Миша, сыграй в себя предельно точно, с **ювелирным изяществом!** (Валерий Володин. Повесть временных лет // «Волга», 2011).

2. Признак ‘ценность и богатство’ связан в контекстах с представлением о высокой стоимости предметов, например:

...они сидели в одном из тех наглухо отрезанных от мира ресторанов, где каждое блюдо **стоит как покупка в ювелирном магазине** и где над бутылкой вина хлопочут как над новорожденным младенцем (О. А. Славникова. 2017 (2017)).

3. Признак ‘удивительность, необычность’ связан с представлением о том, что процесс и производство ювелирного дела вызывают восхищение:

- 6.6. Как знать, может быть, несмотря ни на какие кризисы, эта **удивительная ювелирная молекула**, подобно чарующему пению сирен, **завлечет химиков своей красотой** и разбудит желание сконструировать ее на практике (Александр Рулев, Михаил Воронков. Очаровательные молекулы // «Знание – сила», 2009);
- 6.7. Елена Гермогеновна **разглядывала** какую-нибудь мелкую **косточку, как ювелир – редкий камень**, и ворковала (Петр Алешковский. Собачка // «Русский репортер», № 48 (78), 18–25 декабря 2008).

Контексты 6.6 и 6.7 демонстрируют разный ход уподобления, хотя он и основан на общем признаке: так, в 6.6 объектом восхищения становится молекула особой структуры, которая уподоблена результату работы ювелира, а в 6.7 – объект, который уподоблен камню, т. е. материалу.

4. Признак ‘сложность’ связан с представлением о сложности ювелирных украшений и сочетается с представлениями о точности работы ювелира, а также с признаками ‘красота’ и ‘удивительность’, как в приведенном выше примере 6.6, показывающем метафору «сложное ювелирное украшение → молекула сложной структуры».

7. Отдельно можно описать слот «продажа ювелирных изделий», основанный на представлениях, которые легли в основу отмеченного выше ЛСВ-2 *ювелир*. Данный слот представлен преимущественно признаком ‘ювелирная лавка’. Так, следующий контекст связан с представлением о готовности потребителя воспринимать товары на ювелирной витрине как дорогие вне зависимости от их реальной стоимости:

Возрождая старый спор литературных мерчендайзеров о том, где лучше **сверкать брильянту – на ювелирном прилавке или в куче навоза** (А. Ю. Колобродов. Информация к поражению. Новейшая история обыкновенного безумия // «Волга», 2012).

Выводы

На основе исследования можно сделать следующие выводы.

1. Метафоризации с источником «Ювелирное дело» в русской ЯКМ подвергаются различные области-цели как достаточно конкретного (внешность, качества результата ручного труда и т. п.), так и абстрактного (внутренние качества человека, свойства ментальной работы и т. п.) характера, причем уподобление двух сфер может быть связано как с качествами ювелира (включая внутренние и внешние качества), так и с особенностями ювелирной работы (включая процесс и результат).

2. Представления о свойствах рабочего процесса и об особенностях результата работы ювелира формируют наиболее обширные слоты. Признаки данных слотов создаются на основе результатов человеческой деятельности при обработке ювелирных изделий, поэтому большинство из них связано с человеческим восприятием процесса работы и оценкой готовых изделий.

3. Большинство метафорических контекстов с областью-источником «Общие представления о ювелирном деле» отражает положительную оценку, так, даже при описании преступного деяния в качестве цели акцент делается на точность и незаметность как на положительные аспекты.

4. В русской ЯКМ понятийную область «Ювелирное дело» в целом можно назвать эталонной областью представлений об особо точном, сложном и красивом ручном труде, требующем высокого профессионализма, что делает данную область источником в процессах уподобления различных профессиональных сфер по признакам ‘профессионализм’, ‘красота’ и ‘сложность’ (эта область не только является эталоном, но и связана с ручным трудом, что делает ее удобным источником для сопоставления с более абстрактными сферами), а также формирует градацию видов ручного труда, в которой ювелирное дело занимает позицию одного из полюсов вместе с представлениями о хирургической и музыкальной сферах.

Список литературы

- Гнездилова Н. С.** Метафорическое функционирование концепта «камень» в образной системе русского языка // Вестник Том. гос. пед. ун-та. 2019. № 7 (204). С. 55–62.
- Елисеева Е. П.** О специальном языке ювелирного дела // Гуманитарные исследования. 2019. № 4 (25). С. 66–68.
- Елисеева Е. П.** Вкусны ли вареники и какого цвета королёк? К вопросу о зарождении специальной лексики (на материале названий драгоценных камней) // ЛЕПТА. Ежегодный научно-методический альманах. Омск: ОмГПУ, 2020. С. 25–30.
- Жужгов С. В.** К изучению нестандартной лексики камня: обозначения кристаллов // Вестник Перм. гос. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 2. С. 5–17.
- Лакофф Дж., Джонсон М.** Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. М. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
- Ма Цзя, Берендеева М. С.** Метафора с областью-источником «Драгоценные камни» в русской языковой картине мира // Вопросы психолингвистики. 2023. № 4 (58). С. 124–137.
- Рябова Т. Н.** Качественные метафоры с исходным значением ‘драгоценные камни, металлы и минералы’ (на материале русского и белорусского языков) // Весці БДПУ. Серыя 1. 2008. № 4. С. 61–64.
- Чудинов А. П.** Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.

Список источников

- БТС – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: НО-РИНТ, 2000. 1536 с.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. Режим доступа: www.ruscorpora.ru (дата обращения 09.04.2024).

References

- Chudinov A. P.** Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991–2000) [Russia in a metaphorical mirror: Cognitive study of political metaphor (1991–2000)]. Monograph. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical Uni. Press, 2001, 238 p. (in Russ.)
- Eliseeva E. P.** Vkusny li vareniki i kakogo tsveta korolek? K voprosu o zarozhdenii spetsial'noi leksiki (na materiale nazvanii dragotsennykh kamnei) [Are dumplings tasty and what is the wren color? On the issue of the origin of special vocabulary (based on the names of precious stones)]. In: LEPTA. Annual scientific and methodological almanac. Omsk, OmSPU Press, 2020, pp. 25–30. (in Russ.)
- Eliseeva E. P.** O spetsial'nom yazyke yuvelirnogo dela [On the special language of jewelry]. *Humanitarian Research*, 2019, no. 4 (25), pp. 66–68. (in Russ.)
- Gnezdilova N. S.** Metaforicheskoe funktsionirovanie kontsepta “kamen” v obraznoi sisteme russkogo yazyka [Metaphorical functioning of the concept “stone” in the figurative system of the Russian language]. *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University*, 2019, no. 7 (204), pp. 55–62. (in Russ.)
- Lakoff G., Johnson M.** Metafory, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by]. Moscow. Editorial URSS, 2004, 256 p. (in Russ.)
- Ma Jia, Berendeeva M. S.** Metaphor with the source area “GEMSTONES” in the Russian language worldview. *Journal of Psycholinguistics*, 2023, no. 4 (58), pp. 124–137. (in Russ.)
- Ryabova T. N.** Kvalitativnye metafory s iskhodnym znacheniem ‘dragotsennye kamni, metally i mineraly’ (na materiale russkogo i belorusskogo yazykov) [Qualitative metaphors with the original meaning ‘precious stones, metals and minerals’ (on the material of the Russian and Belarusian languages)]. *Bulletin of the Belarusian State Pedagogical University. Series 1*, 2008, no. 4, pp. 61–64. (in Russ.)
- Zhuzhgov S. V.** K izucheniyu nonstandartnoi leksiki kamnya: oboznacheniya kristallov [To the study of non-standard stone lexicon: designations of crystals]. *Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology*, 2022, vol. 14, no. 2, pp. 5–17. (in Russ.)

List of Sources

- Kuznetsov S. A.** (comp., ed.). Large Explanatory Dictionary of the Russian language. St. Petersburg, NORINT Publ., 2000, 1536 p. (in Russ.)
The Russian National Corpus. URL: www.ruscorpora.ru (accessed 09.04.2024).

Информация об авторе

Ма Цзя, старший преподаватель

Information about the Author

Ma Jia, Lecturer

Статья поступила в редакцию 15.01.2024;
одобрена после рецензирования 20.05.2024; принята к публикации 22.05.2024
The article was submitted on 15.01.2024;
approved after reviewing on 20.05.2024; accepted for publication on 22.05.2024

Научная статья

УДК 811.161.1+811.163.4

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-53-68

Русская и сербская пунктуация XXI века: опыт сравнительного описания

Игорь Ефимович Ким ¹

Мария Александровна Елисеева ²

^{1,2} Институт филологии

Сибирского отделения Российской академии наук

Новосибирск, Россия

¹ kim@philology.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5571-4719>

² maria-eliseeva@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0005-9862-6005>

Аннотация

Произведено сопоставительное исследование общих статистических характеристик современной русской и сербской пунктуационной практики на материале текстов Интернета начала 20-х гг. XXI в. Проанализированы три характеристики пунктуационной практики: состав и частотность пунктуационных ситуаций, используемые служебные слова, встречаемость пунктуационных знаков. Русская и сербская части выборки сбалансированы по количеству употреблений пунктуационных знаков и нормоориентированности источников. Сопоставительное исследование выявило черты сходства и различия по всем анализируемым параметрам. Обнаружено, что высокая степень сходства основных показателей, вызванная родством и типологическим сходством языков, сочетается с явными различиями, среди которых разная встречаемость пунктуационных ситуаций, разная активность формальных показателей синтаксической связи, разная плотность пунктуационных знаков.

Ключевые слова

русская и сербская пунктуация, принципы пунктуации, пунктуационная практика, пунктуационная ситуация, частица-союз *да*

Для цитирования

Ким И. Е., Елисеева М. А. Русская и сербская пунктуация XXI века: опыт сравнительного описания // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 9: Филология. С. 53–68. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-53-68

Russian and Serbian Punctuation of the 21st Century: An Attempt at Comparative Description

Igor E. Kim ¹, Maria A. Eliseeva ²

^{1,2} Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Novosibirsk, Russian Federation

¹ kim@philology.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5571-4719>

² maria-eliseeva@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0005-9862-6005>

Abstract

Purpose. The authors conducted a comparative study of the general statistical characteristics of modern Russian and Serbian punctuation practice using the material of Internet texts from the early 20s of the 21st century.

© Ким И. Е., Елисеева М. А., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 9: Филология. С. 53–68

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 9: Philology, pp. 53–68

Results. The authors analyzed three important characteristics of punctuation practice: the composition and frequency of punctuation situations, the lexical indicators of syntactic relations used (conjunctions, particles, introductory words, etc.), and the occurrence of punctuation marks. The Russian and Serbian parts of the sample are balanced in terms of the number of uses of punctuation marks and in terms of their focus/lack of focus on compliance with the norm on the Internet platforms provided to the authors of the texts. The comparative study revealed similarities and differences in all analyzed parameters.

Conclusion. It was found that the high degree of similarity of the main indicators caused by the kinship and typological similarity of the languages is combined with obvious differences, including different occurrence of punctuation situations in graphic practice, different composition and different activity of formal indicators of syntactic connection, different density of punctuation marks per punctuation situation. This means that a comparative study of punctuation practice taking into account statistical data allows us to identify the real relationship between the two punctuation systems, rather than the relationship set by normative documents.

Keywords

Russian and Serbian punctuation, principles of punctuation, punctuation practice, punctuation situation, particle-conjunction *da*

For citation

Kim I. E., Eliseeva M. A. Russian and Serbian Punctuation of the 21st Century: An Attempt at Comparative Description. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 9: Philology, pp. 53–68. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-53-68

Введение

Настоящая статья посвящена пунктуационной практике двух языков, письменность которых основана на кириллическом алфавите, – русского и сербского. Актуальность нашего исследования объясняется как малой изученностью сербской пунктуационной практики, так и необходимостью зафиксировать фактические тенденции в постановке пунктуационных знаков (в дальнейшем – ПЗ) в русском языке. В силу того, что в сербском языке пунктуационные правила носят рекомендательный характер, особый исследовательский интерес представляет реализация этих правил на практике и ее сопоставление с русскоязычной практикой, опирающейся на фиксированные правила.

Основной задачей статьи мы видим описание таких параметров современной сербской и русской пунктуационной практики, которые позволяют увидеть общую перспективу в использовании ПЗ в обоих языках и сопоставить реальные характеристики употребления ПЗ, а не нормативные предписания и рекомендации. Мы выделили три значимые характеристики пунктуационной практики: пунктуационные ситуации, релевантные для постановки ПЗ и чаще всего представляющие синтаксические конструкции и текстовые структуры; используемые в этих конструкциях служебные слова; частотность основных ПЗ. Таким образом, целью нашего исследования является сопоставление встречаемости ПЗ в обоих языках в соответствии с синтаксической конструкцией контекстов употребления ПЗ и с используемыми в этих контекстах показателями синтаксической связи.

Набор ПЗ в обоих языках совпадает и представляет собой национальные разновидности общеевропейского состава ПЗ.

Ниже в табл. 1 приводятся параллельные русские и сербские термины для знаков препинания.

Важным понятием для теории пунктуации является пунктуационная ситуация – синтаксические, смысловые и коммуникативные условия, в которых возникает необходимость постановки и /или выбора ПЗ. В своей пионерской работе, посвященной функционально-системному походу к пунктуации, А. Б. Пеньковский и Б. С. Шварцкопф определяют пунктуационную ситуацию как «совокупность определенных условий, складывающихся в данном контексте письменной речи и стимулирующих или требующих применения определенных пунктуационных средств» [Пеньковский, Шварцкопф, 1979, с. 6]. К параметрам пунктуационной ситуации можно отнести коммуникативное намерение автора в требующем пунктуационного оформления высказывании; сферу общения и другие коммуникативные условия; синтаксическую конструкцию; семантику контекста ПЗ и его окружения. Эвристическая

ценность понятия пунктуационной ситуации заключается в том, что с его помощью можно рассматривать условия постановки ПЗ независимо от самого ПЗ, как совокупность факторов. В частности, представление о пунктуационной ситуации позволяет ранжировать факторы выбора ПЗ в конкретном контексте.

Таблица 1

Внешний вид пунктуационных знаков и их наименования
в русской и сербской графике

Table 1

Appearance of punctuation marks and their names
in Russian and Serbian graphics

Начертание	Язык	
	русский	сербский
.	точка	тачка
,	запятая	запета (зарез)
:	двоеточие	две тачке
–	тире	црта
()	скобки	заграда
«_» / “ ” / “ ”	кавычки	наводници
;	точка с запятой	тачка и зарез
?	вопросительный знак	упитник
!	восклицательный знак	узвичник
...	многоточие	знак прикида (три тачке)
/	слеш, дробь, косая черта	коса црта
’	апостроф	апостроф
-	дефис	цртица

Под показателями связи мы понимаем довольно широкий круг служебных, полуслужебных слов и элементов фразеологизированных синтаксических структур, формирующих синтаксические конструкции и выражающих синтаксические отношения: союзы, союзные слова, частицы, предлоги. Эти слова представляют интерес для пунктуации, если их употребление способствует или препятствует постановке и / или выбору ПЗ.

Прежде чем перейти к описанию пунктуационной практики, необходимо описать принципы, заложенные в пунктуационной норме исследуемых языков.

Принципы постановки ПЗ в русском и сербском языках

Пунктуация, будучи частью графики [Иванова, 1962] как письменной формы языка [Амирова, 1985; Степанов, 1976, с. 30, Ким, 2019], включает в себя пунктуационную систему [Шварцкопф, 1988; Ким, 2019], пунктуационную практику и пунктуационную норму, формирующую предпочтения языкового коллектива в отборе элементов системы для использования в практике [Шварцкопф, 1988; ПАС, 2007]. Первые две составляющие пунктуации соотносятся с привычной для лингвиста дихотомией языка как знаковой системы и речи как реализации языка в общественной жизни. Роль нормы в отношении к языку и речи оказывается далеко неочевидной. Однако для описания русской пунктуации, которая отечественными лингвистами обычно воспринималась как раздел правописания, наряду с орфографией, различение нормы и практики является базовым, а вот различение системы и нормы сталкивается с большими сложностями вследствие того же господства нормативного подхода к пунктуации. Другие подходы (системно-функциональный, метатекстовый, параграфемный

и др.) обращают внимание на функционирование ПЗ, однако не ставят прямой вопрос об организации пунктуации как единой системы, имеющей формальные особенности.

Русская пунктуация традиционно описывается на базе трех основных принципов: формально-грамматического (конструктивно-синтаксического), семантического (смыслового) и интонационного (см., например, [ПАС, 2007, с. 198]) при доминировании формально-грамматического принципа. Доминирование формально-грамматического принципа означает необходимость «вычисления» синтаксической конструкции контекста ПЗ и пунктуационного оформления в соответствии с установленной формальносинтаксической характеристикой на основании пунктуационных правил, построенных по принципу «от общего к частному»: формулировка общего правила – частные уточнения – исключения. Так, в § 16–18 ПАС описываются правила постановки тире в неполном простом предложении, начиная с общего утверждения: *В неполных предложениях на месте пропущенных членов предложения или их частей ставится тире* [ПАС, 2007, с. 209]. Затем перечисляются конкретные конструктивные и семантические условия постановки запятой с примечаниями, содержащими исключения из общего правила, с примерами [Там же, с. 209–211]. И только в самом конце этого раздела приводятся условия, при которых постановка ПЗ запрещена [Там же, с. 211].

Синтаксический строй русского и сербского языков очень похож, хотя и различается в некоторых важных аспектах [Ковалев, 2000], что отражается на распределении встречаемости пунктуационных ситуаций в двух языках (см. ниже, табл. 2). При этом сербская пунктуация по принципам организации существенно отличается от русской.

Различия между двумя подходами начинается непосредственно с формулировки правил. Как показывает анализ построения пунктуационных правил в основных нормативных описаниях [ПСЈ, 1994], в формулировках пунктуационных правил сербские авторы идут от ПЗ к условиям его употребления, в отличие от русскоязычного подхода (представленного, например, в [ПАС, 2007]), в котором описание употребления ПЗ строится от синтаксических и коммуникативных условий к пунктуационному оформлению (анализ построения пунктуационных правил см. в [Ким, 2021, с. 254–255]).

Сербские лингвисты начиная с 20-х гг. XX в. характеризуют сербскую пунктуацию как «смысловую», «свободную» [Иванова, 2005, с. 15 и далее]. По мнению специалистов по сербскому языку, сербская пунктуация опирается на логический принцип, что допускает «более свободную расстановку знаков препинания в зависимости от индивидуального восприятия текста» [Попова, 1986, с. 21]. В связи с этим решение о постановке ПЗ в тех или иных синтаксических условиях принимает пишущий. Родоначальник «смыслового» подхода к пунктуации А. Белич определяет критерий отсутствия (!) ПЗ в том или ином контексте: это тесная смысловая связь между элементами контекста [Белич, 1950, с. 79]. Противоположный полюс при таком подходе – постановка ПЗ в случае, если между элементами контекста отсутствует связь [Иванова, 2005, с. 17–18]. Между двумя полюсами очевидной необходимости и очевидного запрета постановки ПЗ возникает большое количество пунктуационных ситуаций, в которых решение о постановке ПЗ должен принять автор.

При таком взгляде на пунктуацию границы нормы оказываются расплывчатыми и условными, а все возможные случаи постановки знака не представляется возможным описать в одном пособии. Норма обозначается скорее как ориентир, но не как жесткий свод правил [ПСЈ, 1994, с. 253].

Таким образом, русской пунктуационной нормой, ориентированной на предварительный формально-синтаксический анализ и обязательное следование его результатам, противопоставляется сербская пунктуационная норма, ориентированная на интуицию наличия или отсутствия смысловой связи между компонентами контекста у носителя языка.

В таком случае возникает закономерный вопрос о том, каким образом на диаметрально противоположные принципы пунктуации реагирует русская и сербская пунктуационная практика.

Ход и результаты исследования

В ходе исследования было проанализировано 2 118 контекстов употребления ПЗ в русском языке и 2 021 контекст их употребления в сербском языке. Источниками материала выступили тексты русского и сербского сегментов Интернета. Выборка контекстов производилась сплошным образом в фрагментах текстов сопоставимого объема. Русскоязычные контексты собраны в 2022 г., сербскоязычные контексты отбирались в течение 2021–2023 гг.

Для каждого языка отбиралось сопоставимое количество контекстов из источников, для которых на платформе размещения предъявлялись требования к соблюдению стиля и нормы, и источников, к которым на платформе размещения такие требования не предъявлялись. Таким образом, при формировании выборки учитывался баланс в использовании источников, которые условно определялись как нормированные (нормоориентированные) и ненормированные (нормонеориентированные). Нормоориентированность и нормонеориентированность не означает, что в источниках первого типа представлена только нормативная пунктуация, а в источниках второго типа – только или преимущественно ненормативная. Ненормированность означает только то, что платформа, на которой размещается текст источника, не предъявляет требований к его соответствию языковой, в том числе пунктуационной, норме, и ответственность за этот параметр текста перекладывается на его автора. Список источников с распределением по языкам и нормоориентированности / нормонеориентированности приведен в конце статьи.

В русской выборке соотношение нормоориентированных и нормонеориентированных контекстов 1 032 к 1 086; в сербской выборке это соотношение 1 010 к 1 011. Таким образом, количественные данные для обоих языков сбалансированы по нормоориентированности и нормонеориентированности источников. При этом однородность количественных показателей (приблизительно 1 000 контекстов на каждую часть выборки и приблизительно 2 000 контекстов в русской и сербской выборках) позволила показывать данные в абсолютном выражении.

Для каждого употребления ПЗ описывалась пунктуационная ситуация (синтаксические условия употребления), а также, в случае наличия, показатель связи, используемый в контексте ПЗ.

Для компактного представления данных нижняя граница встречаемости определена нами довольно произвольно в количестве 10 употреблений для общей выборки и 4 употреблений для ее большого раздела.

Встречаемость пунктуационных ситуаций. Распределение выборки по типичным пунктуационным ситуациям в порядке убывания для русских и сербских ПЗ приведено в табл. 2. За основу было взято распределение в русскоязычной выборке, а распределение в сербскоязычной выборке отражалось в виде указания на ранг конкретной пунктуационной ситуации.

В целом в выборках наблюдается сходство по первым четырем пунктуационным ситуациям, но вторую позицию по встречаемости в русской выборке занимают однородные члены предложения, в то время как в сербской выборке эту позицию занимает сложноподчиненное предложение, что связано с хорошо развитой системой подчинительных союзов и их вариантов в сербском языке (см. табл. 5.2).

Как видно из следующей гистограммы, остальные типы сложного предложения встречаются в выборках с близкой частотностью, в то время как сложноподчиненное предложение в сербской выборке встречается чаще более чем в два раза.

Частотность ПЗ. Первое, что бросается в глаза при сопоставлении встречаемости ПЗ, это большое количество в сербской выборке позиций, в которых ПЗ значимо отсутствует: незамещение позиции ПЗ в выборке находится на первом месте по частотности (655 употреблений, что составляет без малого треть всей выборки). В русскоязычном материале также довольно много незамещенных позиций для одиночного ПЗ, однако здесь отсутствие ПЗ только на третьем месте, после запятой и точки (436). Это говорит о том, что в сербской

пунктуационной практике непостановка ПЗ является типичным случаем, в то время как в русском языке плотность ПЗ в пересчете на пунктуационную ситуацию гораздо выше. Это, как нам кажется, результат действия «свободного» принципа сербской пунктуации: постановка ПЗ не является самоцелью, поэтому в случае, когда возникает выбор, ставить его или нет, носитель сербского языка легко отказывается от ПЗ. Показатели частотности ПЗ в русской и сербской выборках см. в табл. 3.

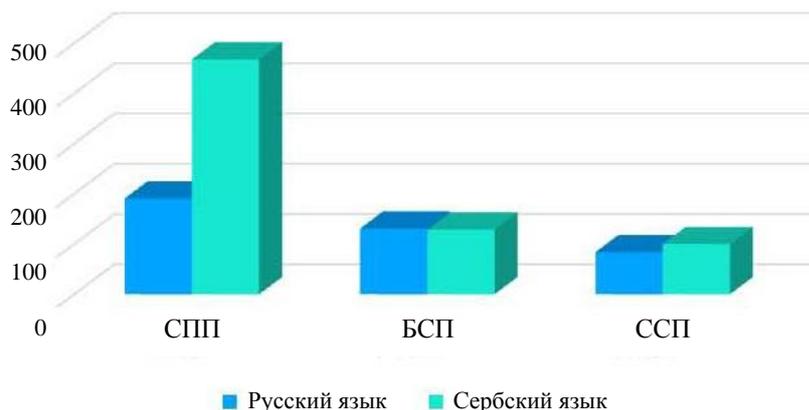
Таблица 2

Соответствие встречаемости пунктуационных ситуаций для ПЗ
в русской и сербской выборках

Table 2

Correspondence between the occurrence of punctuation situations
for punctuation marks in Russian and Serbian samples

Пунктуационная ситуация	Ранг		Количество	
	русская	сербская	русская	сербская
Конец предложения	1	1	575	485
Однородные члены	2	3	348	429
Сложноподчиненное предложение	3	2	191	468
Бессоюзное предложение	4	4	131	128
Прямая речь	5	9	86	29
Сложносочиненное предложение	6	5	84	100
Однородные / неоднородные определения	7	14	51	19
Причастный оборот	7	19	51	13
Вводное слово	9	7	48	41
Уточнение	10	10	44	20
Деепричастный оборот	11	25	43	4
Оформление слов автора	11	18	43	14
Название	13	13	35	20
Обращение	14	10	28	21
Обстоятельство	15	6	27	
Парцелляция	16	–	25	–
Приложение	17	10	23	21
Вводная предикативная единица	18	17	21	15
Частица	19	31	20	1
Смайлик	20	41	19	1
Подлежащее – сказуемое	21	–	18	–
Сравнительный оборот	22	15	14	18
Вставная конструкция	24	8	13	31
«Инородное слово»	25	31	10	1
Номинатив	26	–	10	–

Встречаемость типов сложного предложения в русской и сербской выборках
Occurrence of complex sentence types in Russian and Serbian samples

Таблица 3

Соответствие встречаемости ПЗ в русской и сербской выборках

Table 3

Correspondence between the occurrence of punctuation marks
in Russian and Serbian samples

Пунктуационные знаки	Ранг		Количество	
	русская	сербская	русская	сербская
Запятая	1	2	645	647
Точка	2	3	486	384
0 (отсутствие пунктуационного знака)	3	1	436	655
Тире	4	5	132	49
Кавычки	5	7	85	35
Запятая – запятая (парная запятая)	6	4	44	55
Вопросительный знак	7	11	42	22
Восклицательный знак	7	10	42	26
Многоточие	9	6	39	37
Скобки	10	9	35	30
Двоеточие	11	13	30	10
Запятая – 0 (отсутствие закрывающей запятой)	12	14	13	9
0 – 0 (отсутствие парного пунктуационного знака)	14	8	11	31

Дальнейший анализ выборки показал, что наиболее значительная часть случаев отсутствия ПЗ приходится на сложноподчиненное предложение. Это наглядно представлено в табл. 4, из которой мы видим, что в сложносочиненном и бессоюзном сложном предложении отсутствие ПЗ в обоих языках вполне сопоставимо по встречаемости, а в сложноподчиненном предложении в сербской выборке оно встречается в 7–8 раз чаще, чем в русской выборке (267 контекстов против 36), ср., например: *Огроман, огроман сноп кружних, спојених зрака, величанствени хало који заузима трећину неба!* ‘Огромный, огромный сноп окружающих, соединенных лучей, великолепный ореол(,) который занимает треть неба!’¹.

¹ <https://www.ilustrovana.com/ocarana-sfingom/> (дата обращения 20.09.2021).

Таблица 4

Соответствие встречаемости ПЗ в сложных предложениях разных типов
в русской и сербской выборках

Table 4

Correspondence between the occurrence of punctuation marks
in complex sentences of different types in Russian and Serbian samples

Пунктуационные знаки	Тип сложного предложения							
	СПП		БСП		ССП		Всего	
	рус.	серб.	рус.	серб.	рус.	серб.	рус.	серб.
Запятая	139	124	92	114	57	66	288	304
0 (отсутствие одиночного ПЗ)	36	287	7	8	26	34	69	329
Тире	1	8	15	3			16	11
Двоеточие			12	3			12	3
Запятая – запятая	9	19					9	19
Многоточие			2		1		3	–
0 – запятая (отсутствие открывающей запятой)	2	11					2	11
Точка	1		1				2	
Запятая – 0 (отсутствие закрывающей запятой)	2	2					2	
0 – 0 (отсутствие парного ПЗ)	1	16					1	16
Многоточие препозитивное			1				1	–
Точка с запятой		1						1
Запятая + тире		1	1				1	
Итого	191	468	131	129	84	100	406	697

Распределение ПЗ по сложноподчиненным предложениям с наиболее частотными показателями связи представлено в табл. 5.1 и 5.2.

Таблица 5.1

Встречаемость ПЗ в сложноподчиненных предложениях
с разными показателями связи в русской выборке

Table 5.1

Occurrence of punctuation marks in compound sentences
with different indicators of connection in Russian sample

Показатель связи	Пунктуационные знаки								
	запятая	0	запятая – запятая	0 – запятая	запятая – 0	0 – 0	тире	точка	Всего
Всего, <i>из них:</i>	139	36	9	2	2	1	1	1	191
<i>к-местоимение</i>	34	11	3		2				50
<i>что</i>	33	5	1					1	40
<i>когда</i>	10	2		1					13
<i>т-к</i> <i>местоимения</i>	10	1							11

Окончание табл. 5.1

Показатель связи	Пунктуационные знаки								
	запятая	0	запятая – запятая	0 – запятая	запятая – 0	0 – 0	тире	точка	Всего
<i>как</i>	6	4	1						11
<i>чтобы</i>	8	2							10
<i>если</i>	6	2				1			9
<i>если-то</i>	4	2	1	1					8
т-местоимение – <i>что</i>	6		1						7
<i>то-что</i>	2	1	1						4
<i>ли</i>	3	1							4

Таблица 5.2

Встречаемость ПЗ в сложноподчиненных предложениях с разными показателями связи в сербской выборке

Table 5.2

Occurrence of punctuation marks in compound sentences with different indicators of connection in the Serbian sample

Показатель связи	Пунктуационные знаки								
	0	запятая	запятая – запятая	0 – 0	0 – запятая	запятая – 0	запятая – тире	тире	Всего
Всего, <i>из них:</i>	287	124	19	16	11	2	1	8	468
к-местоимение	91	33	12	9	7	1	1	3	157
<i>да</i>	84	18	1		1				104
<i>када</i>	7	7	2	1					17
<i>кад</i>	12	3			1	1			17
<i>јер</i>	10	4							14
<i>што</i>	9	2							11
<i>колико</i>	6	4							10
<i>ко</i>	6	3		1					10
<i>ако</i>	4	5							9
<i>иако</i>	3	4							7
<i>док</i>	2	4							6
<i>то-што</i>	4			1					5
<i>мада</i>	1	3							4
<i>то да</i>	4								4
због + к-местоимение	3	1							4
<i>како</i>	4								4
<i>да би</i>	1	2						1	4

Заметным отличием сербской пунктуации от русской также является сравнительно низкая встречаемость тире: в русской выборке – 132 употребления, а в сербской – 49. Это, в частности, объясняется сохранением в настоящем времени связки *бити* ‘быть’, что препятствует употреблению тире между подлежащим и сказуемым, выраженным не глаголом и не формой прилагательного, например: – *Циљ нам је да унапредимо посао, све што произведемо одмах продамо, тако да бисмо волели да повећамо стадо на сто грла, објашњава Горан*. ‘– Наша цель (–) улучшить бизнес, всё(,) что мы производим(,) мы продаем сразу, поэтому мы хотели бы увеличить стадо до ста голов, (–) поясняет Горан’². Важно также, что тире менее активно употребляется в бессоюзном сложном предложении (3 случая употребления против 15 в русскоязычной выборке). Данные о соответствии количества пунктуационных ситуаций для тире приведены в табл. 6.

Таблица 6

Соответствие встречаемости пунктуационных ситуаций для тире
в русской и сербской выборках

Table 6

Correspondence between the occurrence of punctuation situations for dash
in Russian and Serbian samples

Пунктуационная ситуация	Выборка	
	русская	сербская
Прямая речь	50	21
Слова автора	22	11
Сложноподчиненное предложение	1	8
Бессоюзное сложное предложение	15	3
Подлежащее – сказуемое	11	0
Временной промежуток	6	0
Эллипсис сказуемого	4	0
Уточнение	3	1
Источник	3	0
Обстоятельство	3	0
Номинатив	2	0
Эллипсис определяемого	2	0
Пространственные границы	2	0
Приложение	2	2
Название рейса	1	0
Обобщающее слово	1	0
Частица	1	0
Союз	0	1
Сложное прилагательное	1	0
Тема – рема	1	0
Пояснение	0	1
Вводное слово	1	0
Междометие	0	1
Общий итог	132	49

² <https://www.ilustrovana.com/kuca-za-porodicu-milic/> (дата обращения 16.09.2021).

Приведенные выше данные о встречаемости ПЗ в сложноподчиненном предложении показывают важность для русской и сербской пунктуации показателей синтаксической связи и отношений: союзов, частиц, анафорических местоимений, вводных слов и др.

Встречаемость показателей связи. Частотность показателей связи в русском и сербском языках приведена в порядке их убывания по русскоязычной выборке в табл. 7. Существенную сложность в установлении соответствия между встречаемостью служебных слов в русском и сербском языке представляет отсутствие их полного формального и / или семантического тождества в этих языках. Поэтому в некоторых случаях соответствие устанавливалось по формальной близости, а в других по выражаемому отношению. В наибольшей степени близким оказалось употребление союза *и*, который тождествен в обоих языках формально и по семантике и при этом обладает сопоставимой встречаемостью (215 в сербской выборке и 170 в русской выборке).

Таблица 7

Соответствие встречаемости показателей синтаксических конструкций или отношений в русской и сербской выборках

Table 7

Correspondence between the occurrence of indicators of syntactic constructions or relations in Russian and Serbian samples

Пунктуационная ситуация	Ранг		Количество	
	русская	сербская	русская	сербская
Отсутствует	1	1	1375	1082
<i>и</i>	2	2	170	215
<i>к</i> -местоимение	3	3	52	157
<i>что / што</i>	4	12	40	11
<i>а</i>	5	5	25	54
<i>но / али</i>	6	7	18	24
<i>или</i>	6	10	18	15
<i>как / као (ко)</i>	8	8	17	21
<i>если / ако</i>	8	14	17	9
из них <i>если – то</i>			8	
<i>когда / када (кад)</i>	10	6	13	36
<i>чтобы / да</i>	11	4	12	108
<i>т</i> - и <i>к</i> - местоимения	12	20	11	4
<i>как и / као и</i>	–	11	–	14

Отметим, что в русскоязычной выборке преобладает количество контекстов, в которых не используются служебные слова (1 375 контекстов против 1 082 в сербской выборке).

Приведенные в табл. 6 данные показывают также, что существенным отличием сербского синтаксиса от русского на уровне служебных слов является характерное для южнославянских языков широкое использование частицы-союза *да*, который занимает в сербской выборке четвертое место по встречаемости, что сопоставимо с использованием русского союза *что*, занимающего также четвертую позицию по встречаемости в русской выборке. Специфику сербского служебного слова составляют потенциальная ирреальная модальность и тесное взаимодействие с глагольными формами. При этом, как правило, перед *да* запятая не ставится: на 108 употреблений этого союза в 91 случае не ставится ПЗ, а запятая стоит в 22 случаях, ср. *что* в русской выборке: на 40 употреблений ПЗ не ставится в 5 случаях, в 33 случаях ставится запятая.

Запятая перед союзом *да* обязательна при однородном подчинении, например: *Онда, један од њих, у неколико реченица исприча да је црква подигнута у време краља Петра Првог*

Карађорђевића, да је обновљена захваљујући мештанима, да су годину дана трајали радови на уређењу унутрашњости, фасади, те да је дорађен звоник и урађена ограда од кованог гвожђа ‘Затем / один из них / в нескольких предложениях рассказывает(,) что церковь была построена во время правления короля Петра I Караджорджевича, что она была отремонтирована благодаря местным жителям, что длились год работы по отделке интерьера, фасада, и что была закончена колокольня и сделана ограда из кованого железа’³. Как видим, перед первым придаточным запятой не используется, но перед вторым и третьим она ставится, поскольку все три придаточных замещают одну синтаксическую позицию. Однако при последовательном подчинении запятой не ставится, например: *Међутим, како је време пролазило, бивало ми је све теже да устајем, одлазак до тоалета ми је представљао све већи напор, јер бих се толико задисао да сам једва чекао да вратим маску са кисеоником на лице* ‘Между тем, с течением времени / становилось всё труднее и труднее вставать, поход в туалет требовал от меня всё большего усилия, потому что я задыхался так сильно(,) что не мог дожидаться(,) чтобы вернуть маску с кислородом на лицо’⁴.

В связи с широким употреблением союза *да*, в части контекстов по значению близкого союзу *што*, употребление последнего оказывается более редким, чем русского союза *что*, ср.: *Индијци сматрају да је Черчил, оличење 200 година британске колонијалне власти над њиховом домовином, обично грешно у вези с Индијом* ‘Индийцы считают(,) что Черчилль, олицетворение 200-летнего британского колониального⁵ господства над их родиной, обычно ошибался в отношении Индии’⁶ и *Jel ti žao što je Biković bolji od tebe u svakom smislu?* ‘Тебе жаль(,) что Бикович лучше тебя во всех смыслах?’.

Итоги и обсуждение

Как видим, различия в пунктуационной практике русского и сербского языков существенны и включают в себя 1) разную встречаемость пунктуационных ситуаций, прежде всего относительно большое количество сложноподчиненных предложений в сербской выборке; 2) различия в соотносительной плотности ПЗ в выборке, прежде всего большое количество контекстов с отсутствием ПЗ в сербской выборке, особенно в сложноподчиненном предложении; 3) различия во встречаемости показателей синтаксической связи, прежде всего высокую встречаемость в сербской выборке союза-частицы *да*, выражающего широкий спектр синтаксических отношений.

Некоторые различия в пунктуационной практике обусловлены несходством в синтаксисе русского и сербского языков. Как уже отмечалось, сохранение в сербском синтаксисе связи *бити* ‘быть’ в настоящем времени способствовало сужению употребления тире между подлежащим и сказуемым.

Еще одним источником различий является разное отношение носителей языков к стечению ПЗ. Так, в диалоге в сербском тексте реплики могут отделяться только кавычками, например: *У јулској зори, док низ адску променаду замичу ђубретари бакица пита бакицу: „Је ли вам ово прво јутро?“ „Јесте!“ „Добродошли!“* ‘На рассвете июля, пока мусорщики идут по адовской набережной(,) бабушка спрашивает бабушку: «Это ваше первое утро?» – «Да!» – «Добро пожаловать!»’⁷.

Однако в большей степени на различия в пунктуационной практике исследуемых языков повлияли разные принципы пунктуационной нормы, разделившие русскую и сербскую пунктуацию сложноподчиненного предложения. Для иллюстрации этих различий приведем довольно яркий пример: *Нажалост, ситуација је таква да немамо средстава да кућу сами из-*

³ <https://www.ilustrovana.com/zivot-u-kljucu/> (дата обращения 13.09.2021).

⁴ <https://www.ilustrovana.com/do-pakla-i-nazad/> (дата обращения 28.10.2021).

⁵ <https://www.ilustrovana.com/amerikanac-u-grckoj-krizi/> (дата обращения 20.09.2021).

⁶ <https://www.ilustrovana.com/romantican-susret-sa-sudbinom/> (дата обращения 08.09.2021).

⁷ <https://www.ilustrovana.com/nasa-ada/> (дата обращения 14.09.2021).

градимо – наставља Горан. ‘К сожалению, ситуация такова, что у нас нет средств, чтобы построить дом самим, – продолжает Горан’⁸. Лаконичное пунктуационное оформление сербской фразы с помощью запятой, отделяющей вводное слово, и тире, отделяющего слова автора от прямой речи, противопоставлено серии запятых (из которых одна осложняется сочетанием с тире), делящих на короткие синтагмы русское графическое предложение.

Итак, даже самая общая статистика пунктуационных ситуаций, встречаемости аналитических показателей связи и отношений, а также употребление разных видов ПЗ позволяет увидеть существенные отличия в современной пунктуационной практике двух языков, использующих кириллический алфавит, – русском и сербском. Пунктуационная практика в статистическом измерении отражает различия в действии разных принципов пунктуации.

Список литературы

- Амирова Т. А.** Функциональная взаимосвязь письменного и звукового языка. М.: Наука, 1985. 286 с.
- Белић А.** Правопис српскохрватског књижевног језика. Београд, 1950. 546 с.
- Иванова В. Ф.** История и принципы русской пунктуации: Учеб. пособие. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. 64 с.
- Иванова И. Е.** Функционирование системы свободной пунктуации: сербская пунктуация простого предложения в сопоставлении с русской: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 218 с.
- Ким И. Е.** Теория русской пунктуации: пространство знака и пространство текста. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019. 120 с.
- Ким И. Е.** Пунктуация «говорящего» и пунктуация «слушающего»: ономазиологический и семасиологический подход в пунктуации // Тр. Ин-та рус. яз. РАН. 2021. № 3 (29). С. 252–259. DOI 10.31912/pvrlj-2021.3.0
- Ковалев Н. С.** Современный сербский язык: Учеб.-метод. пособие для студентов филологического факультета (специальность «Русский язык и литература»). Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2000. 80 с.
- ПАС – Правила русской орфографии и пунктуации: Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2007. 480 с.
- Пеньковский А. Б., Шварцкоф Б. С.** Опыт описания русской пунктуации как функциональной системы // Современная русская пунктуация. М.: Наука, 1979. С. 5–25.
- Попова Т. П.** Сербско-хорватский язык. М.: Высш. шк., 1986. 271 с.
- ПСЈ – Правопис српскога језика. I. Правила и њихови основи. II. Речник уз правопис. Митар Пешикан, Јован Јерковић, Мато Пижурица). II изд. Нови Сад: Матица српска, 1994. 504 с.
- Степанов Г. В.** Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М.: Наука, 1976. Ч. 1. 141 с.
- Шварцкоф Б. С.** Современная пунктуация: система и ее функционирование. М.: Наука, 1988. 192 с.

Список источников

Русскоязычные нормнеориентированные

- <https://4pda.to/forum/index.php?showtopic=875991>
- <https://drivecontact.net/gonochnaya-tehnika-vozhdeniya/kontravarijnoe-vozhdenie-gonka-po-graviju-v-dozhd-i-sneg-i-tormozhenie-levoj-nogoj>
- <https://shurigin.livejournal.com/880941.html>
- <https://shurigin.livejournal.com/880941.html>

⁸ <https://www.ilustrovana.com/kuca-za-porodicu-milic/> (дата обращения 16.09.2021).

https://vk.com/wall-96547297_403035
<https://www.babyblog.ru/community/family/post/3091003>
<https://zen.yandex.ru/media/optimavodyoutubechanel/v-teni-legendy-pochemu-rossiiane-nedoliublivaiut-piatidvernuiu-lada-niva-62c94f9c8298c16d4f1f257f?&>

Русскоязычные нормоориентированные

<http://www.kgau.ru/new/all/ustav/>
<https://nplus1.ru/news/2022/08/13/kuksaray>
<https://postnauka.ru/questions/157115>
<https://ria.ru/20220405/gaz-1781817561.html>
<https://ria.ru/20220408/samolet-1782413710.html>
<https://ria.ru/20220410/neft-1782338836.html>
<https://tass.ru/armiya-i-opk/15462465>
<https://tass.ru/press/17345>
<https://tass.ru/press/17347>
<https://traumlibrary.ru/book/shukshin-ss06-02/shukshin-ss06-02.html#s001>
<https://www.litmir.me/br/?b=49663>

Сербскоязычные нормоориентированные

https://www.reddit.com/r/serbia/comments/12h9tmg/doktori_milan_lazarević_aleksandar_kamenov/
https://www.reddit.com/r/serbia/comments/12ogxe8/ускршњи_ручак_српске_војске/
https://www.reddit.com/r/serbia/comments/12p9jxh/срђан_први_србин_који_је_поставио_српск_у_тробожку/
https://www.reddit.com/r/serbia/comments/12pqlls/nenad_milanović_osnivač_cakecom_o_tome_kako_u/
https://www.reddit.com/r/serbia/comments/12pzbny/gledam_beograd_i_razmišljam/
https://www.reddit.com/r/serbia/comments/12qgu9f/gde_čitajte_vesti/
https://www.reddit.com/r/serbia/comments/iv9185/srpski_lofi_poster_nije_bas_vucic_al_je_zato/
https://www.reddit.com/r/serbia/comments/twu94b/viola_von_kramon_o_uvodenju_sankcija_rusiji_od/
https://www.reddit.com/r/serbia/comments/txcb4e/rserbia_sveopšta_diskusija_random_discussion_apr/
https://www.reddit.com/r/serbia/comments/u0l6x6/da_li_vi_možete_da_zamislite_neku_sliku_u_glavu/
https://www.reddit.com/r/serbia/comments/u0mzct/memedović_ekološku_borbu_gubimo_jer_decunismo/
https://www.reddit.com/r/serbia/comments/u0s8g1/rserbia_filmski_televizijski_književni_muzički/
https://www.reddit.com/r/serbia/comments/ugn2u7/козметика_за_мушкарце/
https://www.reddit.com/r/serbia/comments/ut4fsv/зашто_србија_никад_није_признала_геноцид_над/
<https://www.youtube.com/watch?v=01n3SgOEcfl>
<https://www.youtube.com/watch?v=He6T96iqwT8>
<https://www.youtube.com/watch?v=k5XgXrxzspk>
<https://www.youtube.com/watch?v=mfEC5Z9-r100>
<https://www.youtube.com/watch?v=Qbb1dF0Rveo>
<https://www.youtube.com/watch?v=W4zmiM1XMDw>
<https://www.youtube.com/watch?v=ZDVAKbwZr1Y>
<https://www.youtube.com/watch?v=ZZtRxRBSWrs>

Сербскоязычные нормоориентированные

<https://www.ilustrovana.com/amerikanac-u-grckoj-krizi/>
<https://www.ilustrovana.com/bas-nesrecna-drzava/>

<https://www.ilustrovana.com/dan-secanja-na-zrtve-oluje/>
<https://www.ilustrovana.com/do-pakla-i-nazad/>
<https://www.ilustrovana.com/grad-sa-tri-relikvije/>
<https://www.ilustrovana.com/karadjordjevi-hrastovi-u-trbuscu/>
<https://www.ilustrovana.com/kuca-za-podicu-milic/>
<https://www.ilustrovana.com/nasa-ada/>
<https://www.ilustrovana.com/nije-samo-nasledje-krivo/>
<https://www.ilustrovana.com/ocarana-sfingom/>
<https://www.ilustrovana.com/ovcar-banja-dobila-prirodnjacki-centar/>
<https://www.ilustrovana.com/romantican-susret-sa-sudbinom/>
<https://www.ilustrovana.com/sest-decenija-od-prvog-samita-u-beogradu/>
<https://www.ilustrovana.com/sudijo-zalices-do-kraja-zivota/>
<https://www.ilustrovana.com/sve-blagodeti-mora-po-zdravlje/>
<https://www.ilustrovana.com/tri-brata-jednaka/>
<https://www.ilustrovana.com/u-prirodi-bez-mobilnih-telefona/>
<https://www.ilustrovana.com/zivot-u-kljucu/>

References

- Amirova T. A.** Funktsional'naya vzaimosvyaz' pis'mennogo i zvukovogo yazyka [Functional relationship between written and spoken language]. Moscow, Nauka, 1985, 286 p. (in Russ.)
- Belich A.** Pravopis srpskohrvatskog književnog jezika [Spelling of the Serbo-Croatian literary language]. Belgrade, 1950, 546 p. (in Serb.)
- Ivanova V. F.** Istoriya i printsipy russkoi punktuatsii [History and principles of Russian punctuation: textbook]. Manual. Leningrad, Leningrad Uni. Press, 1962, 64 p. (in Russ.)
- Ivanova I. E.** Funktsionirovanie sistemy svobodnoi punktuatsii: serbskaya punktuatsiya prostogo predlozheniya v sopostavlenii s russkoi [Functioning of the free punctuation system: Serbian punctuation of a simple sentence in comparison with Russian]. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2005, 218 p. (in Russ.)
- Kim I. E.** Teoriya russkoi punktuatsii: prostranstvo znaka i prostranstvo teksta [Theory of Russian punctuation: sign space and text space]. Novosibirsk, NSU Press, 2019, 120 p. (in Russ.)
- Kim I. E.** Punktuatsiya “govoryashchego” i punktuatsiya “slushayushchego”: onomasiologicheskii i semasiologicheskii podkhod v punktuatsii [Punctuation of the “speaker” and punctuation of the “listener”: onomasiological and semasiological approach to punctuation]. *Trudy In-ta rus. yaz. RAN [Proceedings of the Rus. Lang Institute]*, 2021, no. 3 (29), pp. 252–259. (in Russ.) DOI 10.31912/pvrli-2021.3.0
- Kovalev N. S.** Sovremennyi serbskii yazyk [Modern Serbian language]. Textbook for students of the Faculty of Philology (specialty “Russian language and literature”). Volgograd, Volgograd State Uni. Press, 2000, 80 p. (in Russ.)
- Lopatin V. V.** (ed.). Pravila russkoi orfografii i punktuatsii: Polnyi akademicheskii spravochnik [Rules of Russian Spelling and Punctuation: Complete Academic Handbook]. Moscow, AST-PRESS KNIGA, 2010, 432 p. (in Russ.)
- Penkovsky A. B., Shwartzopf B. S.** Experience in describing Russian punctuation as a functional system. In: *Sovremennaya russkaya punktuatsiya [Modern Russian punctuation]*. Moscow, Nauka, 1979, pp. 5–25. (in Russ.)
- Popova T. P.** Serbsko-khorvatskii yazyk [Serbo-Croatian Language]. Moscow, Higher School Publ., 1986, 271 p. (in Russ.)
- Pravopis srpskoga jezika. I. Pravila i ñikhovi osnovi. II. Rechnik uz pravopis [Orthographer of Serbian Language. I. Rules and Basic Principles. II. Rector of the Uzbek Orthographer] (Mitar Pešican, Jovan Jerković, Mato Pizhurica). 2nd ed. Novi Sad, Matica srpska Publ., 1994, 504 p. (in Serb.)

Schwarzkopf B. S. Sovremennaya punktuatsiya: sistema i ee funkcionirovanie [Modern punctuation: the system and its functioning]. Moscow, Nauka, 1988, 192 p. (in Russ.)

Stepanov G. V. Tipologiya yazykovykh sostoyanii i situatsii v stranakh romanskoj rechi [Typology of linguistic states and situations in the countries of Romance speech]. Moscow, Nauka, 1976, pt. 1, 141 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Игорь Ефимович Ким, доктор филологических наук, доцент
WoS Researcher ID S-1351-2016

Мария Александровна Елисева, аспирант

Information about the Authors

Igor E. Kim, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor
WoS Researcher ID S-1351-2016

Maria A. Eliseeva, Postgraduate Student

Вклад авторов:

И. Е. Ким – разработка концепции исследования, формулирование выводов, подготовка русскоязычной и сопоставительной частей текста, общая доработка текста.

М. А. Елисева – отбор и анализ сербского материала, формулирование выводов, подготовка сербскоязычной части текста.

Contribution of the Authors:

Igor E. Kim developing the methodology and approach, making conclusion, preparing the Russian and comparative parts of the article, general revision of the text.

Maria A. Eliseeva selection and analyzing of the material, making conclusion, preparing the Serbian part of the article.

*Статья поступила в редакцию 05.07.2024;
одобрена после рецензирования 07.08.2024; принята к публикации 08.08.2024
The article was submitted on 05.07.2024;
approved after reviewing on 07.08.2024; accepted for publication on 08.08.2024*

Научная статья

УДК 811.512.151

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-69-79

Животные семейства куньих в языковой картине мира алтайцев

Надежда Романовна Ойноткинова

Горно-Алтайский государственный университет
Горно-Алтайск, Россия

sibfolklore@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5767-7085>

Аннотация

Статья посвящена зоонимам алтайского языка, обозначающим семейства куньих – представителей фауны Горного Алтая. Актуальность темы исследования заключается в недостаточной изученности в алтайской лингвокультуре данной лексико-семантической группы. В работе применяются словарноцентрический, текстоцентрический, лингвокультурологический подходы к исследованию зоонимов. При описании зоонима к слову с определенным лексическим значением приводятся сведения об этимологии, диалектные варианты, представления о животном в языке, литературе и фольклоре алтайцев, ассоциативно-оценочный, мифологический контексты их употребления. Материал для исследования извлекался из фольклорной и художественной литературы на алтайском языке. Выявленные фразеологизмы с зоонимами, тропы и фигуры речи, пословицы и мифологемы раскрывают национальную специфику восприятия животных и их роль в культуре алтайцев.

Ключевые слова

алтайский язык, зооним, зооморфизм, денотативная семантика зоонимов, коннотативная семантика зоонимов, куньи, млекопитающие, языковая картина мира

Благодарности

Исследование выполнено по проекту Российского научного фонда № 23-28-10028 «Языковая картина мира алтайцев: лексика фауны Горного Алтая»

Для цитирования

Ойноткинова Н. Р. Животные семейства куньих в языковой картине мира алтайцев // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 9: Филология. С. 69–79. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-69-79

Animals of the Mustelid Family in the Linguistic Picture of the World of the Altaians

Nadezhda R. Oinotkinova

Gorno-Altai State University
Gorno-Altai, Russian Federation

sibfolklore@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5767-7085>

Abstract

Purpose. The article describes zoonyms of the Altai language and folklore denoting mustelids, representatives of the fauna of the Altai Mountains. This lexical-semantic group of lexemes in the Altai linguistic culture has not been thoroughly studied yet. The identification of the lexical potential of zoonyms denoting mammals of the mustelid family provide information about the etymology, dialect variants, donative and connotative features that express ideas about those animals in the language and folklore of the Altaians, and their mythological context of use.

© Ойноткинова Н. Р., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 9: Филология. С. 69–79
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 9: Philology, pp. 69–79

Results. Lexical meanings of zoonyms have been identified and established: *agas/aas* ‘ermine’, *kish* ‘sable’, *borsuk* ‘badger’, *jeeken* ‘wolverine’, *saras* ‘kolinsky’, ‘weasel’, *kushkuly/kalazak* ‘weasel’, *suzar* ‘marten’, ‘mink’, *toktonok* ‘weasel’. Of these, the general Turkic layer of vocabulary includes: *agas* ‘ermine’, *suzar* ‘marten’, *kish* ‘sable’, *borsuk* ‘badger’, *küzen/joonmoiyn* ‘ferret’, *jeeken* ‘wolverine’. Denotative and connotative features that characterize animals are presented in various folklore and literary texts that provide information about their color, body structure, habitat, and their habits.

Conclusion. In the religious and mythological picture of the world of the Altaians, such animals as *kish/albaa* ‘sable’, *agas* ‘ermine’ were revered totem animals. In relation to these animals, there were certain rules of behavior during the hunt. These factors influenced the development of a system of euphemisms in the language of hunters, formed with the help of such linguistic means of objectifying concepts as metaphor and metonymy.

Keywords

Altaic language, zoonym, zoomorphism, denotative semantics of zoonyms, connotative semantics of zoonyms, mustelids, mammals, linguistic picture of the world

Acknowledgements

The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation, project no. 23-28-10028 “Linguistic picture of the world of the Altaians: vocabulary of the Gorny Altai fauna”

For citation

Oinotkinova N. R. Animals of the Mustelid Family in the Linguistic Picture of the World of the Altaians. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 9: Philology, pp. 69–79. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-69-79

Введение

Наименования животных в языке отражают специфику национальных представлений об окружающем мире и человеке, так как эти лексемы могут обладать концептуализирующими возможностями, что делает языковую картину мира этноса богатой и разнообразной. Цель данной статьи – выявление специфики зоонимов, входящих в лексико-семантическую группу куньих, как актуализаторов различной текстовой информации в алтайской лингвокультуре. Актуальность исследования зоонимов в алтайском языке определяется общетеоретической и практической значимостью темы, ее недостаточной разработанностью в алтайском языкознании, а также отсутствием исследовательских работ по комплексному изучению фаунической лексики алтайского языка.

Теоретическая значимость исследования заключается в описании языковых средств объективации зоонимов-концептов на различных уровнях языка: фонетическом, лексическом, словообразовательном и синтаксическом. Изучение национально-культурных особенностей языковых единиц является значимым для решения важной проблемы описания универсальности и специфичности языковых картин мира. Широкая представленность тех или иных зоонимов-концептов в культурном пространстве будет свидетельствовать о длительности их существования в алтайской среде, их лингвистических возможностях в передаче информации. Исследования в данном направлении дают возможность раскрыть механизмы того, как язык отражает представления о том или ином животном, изучить особенности ментальности и культуры носителей языка.

Зоонимическая лексика тюркских языков достаточно изучена в историко-этимологическом, лингвогеографическом и словообразовательно-семантическом аспектах. В тюркологии одной из важных работ является статья А. М. Щербака «Названия диких и домашних животных в тюркских языках» [1961], в ней наиболее полно рассмотрены наименования животных. Названия животных наряду с другими лексико-семантическими группами в целях реконструкции лексики для пратюркского состояния представлены в «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» [СИГТЯ, 2001]. Некоторые лексико-семантические группы алтайских зоонимов были рассмотрены в статьях Н. В. Ерленбаевой [2018], Л. Н. Тыбыковой [2022], Н. Р. Ойноткиновой [2023а; 2023б].

Материалом исследования послужили художественные и фольклорные тексты, фразы из разговорной речи, иллюстрирующие контексты употребления зоонимов-концептов, обозначающих куньих. В работе применяются словарноцентрический, текстоцентрический, лин-

лингвокультурологический подходы к исследованию лексем. При словоцентрическом подходе в описании зоонима из разных словарей приводятся данные о его этимологии, диалектные варианты, краткая справочная информация о животном, а также ассоциативно-оценочный контекст употребления зоонима. При текстотетрическом подходе к зоониму приводятся контексты из различных текстов. Интересным материалом для лингвокультурологического анализа текстообразующего потенциала зоонимов-концептов являются образные слова и эвфемизмы, поскольку в их семантике заложены типовые образные представления языковой культуры, отражающие культурно-исторический опыт народа.

В работе мы в некоторой степени касаемся лингвистической проблемы соотношения коннотативного и денотативного компонентов в семантике зоонимов, обозначающих семейство кунных. Отношения коннотации и денотации слова при употреблении должны рассматриваться в связи с общей характеристикой их потенциального семантического объема, так как свойства коннотации тесно связаны с денотацией. Коннотация как таковая «появляется у того или иного слова в момент пересечения с обозначаемым им объектом или явлением определенного порога значимости для языкового сознания» [Красильникова, 2020, с. 360].

Исследование

Животные, относящиеся к кунным, являются одним из наиболее богатых видов семейств млекопитающих отряда хищных. Представителей семейства кунных, как и семейства грызунов, сложно отличить обычному человеку, их могут распознать охотники, которые часто бывают в местах обитания этих зверей. К кунным в алтайском языке относятся зоонимы *агас* ‘горноста́й’, *киш* ‘норка’, *камду* ‘выдра’, *борсук* ‘барсук’, *jeeken* ‘росомаха’, *joonмойын / күзен* ‘хорёк’, *сарас* ‘колонок’, *суузар* ‘куница’, ‘норка’, *токтонок* ‘ласка’. Поскольку о лингвокультурных особенностях лексемы *камду* ‘выдра’ мы уже писали [Ойроткина, 2023б], перейдем к рассмотрению других лексем, обозначающих представителей этого семейства.

Агас [agas] – ‘горноста́й’ (лат. *Mustela ermine*). Слово представлено во многих тюркских языках [СИГТЯ, 2001, с. 163]. В алтайском языке и его диалектах существуют фонетические варианты: алт., тел., телеут. *агас* (АРС, 2018, с. 22; ТРС, 1995, с. 12), туб. *аас* (РТС, 2019, с. 48), кум. *ас* (КРС, 1995, с. 66).

В охотничьих эвфемизмах и загадках, основанных на метонимическом переносе, отмечены наиболее яркие денотативные признаки: *кажаар ан* ‘белый зверь’; *кажаар* ‘белый’; *тырмакту* ‘когтистый’; *аг алды* ‘белый зверь’; *кара куйрук* ‘черный хвост’ [Яимова, 1990, с. 110]. У горноста́я вытянутая форма тела, белый, как молоко, окрас, эти признаки отражены в загадке: *Сүн-сүүри сүттий ак болтыр, / Соп-содон солдыраш ак болтыр (Агас ла койон)*. ‘Тот, что продолговатый, / Оказывается, молочно-белый, / Тот, что вытянулся вверх, / Тоже, оказывается, белый (Горноста́й и заяц)’ (АЗ, 1981, с. 46). Охотники различали окрас шкуры горноста́я в разное время года, а также ночью и днем: *Ай удур – ак, / Күн удур – көк (Агас)*. ‘При лунном свете белый, / При солнечном – синий’ (Горноста́й) (АЗ, 1981, с. 45). Зимой только отметина на хвосте, нос и глаза выдают зверька на фоне белых снегов: *Көлзөнни бажы кол кара (Агастын куйругы)*. ‘Голова Кёльзёна, как озеро, черная (Черный кончик хвоста горноста́я)’.

По мифологии алтайцев, горноста́й – создание светлого божества Кудая. Ему приписываются такие признаки, как *байлу ан* ‘священное животное’, *ак ан* ‘белое (светлое) животное’. В тексте «Заяц и горноста́й» объясняется, почему у горноста́я кончик хвоста черный: медведь (в других вариантах этого мифа – светлое божество Кудай) почернил сажей горноста́ю хвост, а зайцу – уши, после того как горноста́й и заяц встретились ночью на охоте. С того дня горноста́й не сталкивался с зайцем, и заяц никогда не наступал на горноста́я, задние лапы зайца так и не выпрямились, и его потомки рождаются такими же кривоногими.

В шаманских обрядах к халату-мандяку шамана пришивали кусочки шкурки горноста́я как оберег, это символизировало духов-отцов (*ак ас тонду адаларым* ‘мои отцы, имеющие

горностаевую шубу') [Анохин, 1994, с. 43]. В юртах некоторых алтайцев в прошлом в честь духов-покровителей развешивались разноцветные ленточки, а также зооморфные идолы, сделанные из тушки зайца, беркута или горностая. Эти тотемные фетиши устанавливали на почетном месте (*төр*), на мужской половине, а в доме – в его восточной части, напротив входа, а также у входной двери (МА, 2022, с. 272). Горностай считался тотемным животным алтайского рода ара: *Агас-жолос жайыкту ара улус. Ол агас мантап турат не. Бистин улус бөстөн жайык этпес, агастын терезинен, жолостын терезинен эдер.* 'Люди из рода ара имели изображение-дъайык из горностая. Горностай бегаёт. Наши люди дъайык из ткани не делают, из шкуры горностая или колонка делают' (МА, 2022, с. 72).

Барсук [borsuq] – 'барсук' (лат. *Meles meles*). Слово присутствует во всех тюркских языках, а для пратюркского выделяется форма – *borsmyk 'барсук' [СИГТЯ, 2001, с. 164]. В «Древнетюркском словаре» – borsuq (ср. borsmuq) (ДТС, 1969, с. 164). Предполагается внутритюркская производность от глагола *b/porsy – 'вонять' [СИГТЯ, 2001, с. 164]. В алтайском литературном языке – *борсык* 'барсук' (АРС, 2018, с. 125), в диалектах встречаются фонетические варианты – телеут. *порсык* (ТРС, 1995, с. 67), туб. *порсок* (РТС, 2019, с. 9), кум. *морсук / морсок / морсак* [Баскаков, 1972, с. 207, 233], см. также (РКС, 2021, с. 18), чал. *морсок / морсык / порсок* [Баскаков, 1985, с. 178, 189].

Название барсука в охотничьем лексиконе алтайцев замещалось эвфемизмами: *тырмакчы* 'когтисный'; как и в тувинском языке, барсука называли иносказательно *жуулу токпок* 'жирная колотушка' [Яимова, 1990, с. 111]. Округлое, вытянутое тело барсука напоминает чурку или колотушку. На основе этой метафоры построена загадка: *Жердин алдында жуулу токпок жадыры (Барсук).* 'Под землей лежит жирная колотушка (Барсук)'. Чал. *Ja (а)зада жаглу токпаш таптым (Морсок).* 'В лесу нашел жирную чурку (Барсук)' (АЗ, 1981, с. 43, 153).

В охотничьем фольклоре барсука причисляли к «семи слепым» земли (*jeti жердин сокорлоры*) наряду с кротом, медведем, тарбаганом, сусликом и др., пробуждающимся от зимней спячки в марте. Согласно мифу, барсук стал жирным после того, как подсказал медведю (божеству Кудая), где есть много кедровых орехов. Медведь барсука благословил, поэтому барсук жирный (АФ, 1988, с. 162). В данном контексте барсуку приписываются такие человеческие черты, как честность и доброта. Сравнение человека с жирным барсуком встречается в жанре благопожелания: *Барсуқтың семис бол, / Койондый ак бол!* 'Как барсук упитанным будь, / Как заяц белым будь!'

В других фольклорных текстах о барсуке говорится как о трусливом животном, который боится хищников: *Билбес болзон, тоолойлы, / Андардын адын адайлы: / Туште жүрерге кортык, / Оло башту барсук* (КТ, АЖА, с. 17). 'Если не знаешь, то посчитаем, / Имена животных назовем: / Днем ходит он боязливый, / С полосатой головой барсук'.

Жекек [d'eeken] – 'росомаха' (лат. *Gulo gulo*). По А. М. Щербак, тюркская праформа наименования росوماхи – *d'ээгэн (d'ээгбэн). Слово представлено в сибирских тюркских и монгольских языках: алт. *жэкэн*, тув. *чэпнэ, чэпнээ*, якут. *сигэн (hiэиэн, сэгэн мэигэн)*. Ср. монг. *зэгэ*, бур.-монг. *зантаху*; тунг. *айлоки, дянтакй, мэнтэкэн, этэкэ, мукэвкй, мургэ, агйлкән, сёлтарай, хйггэн* [Щербак, 1961, с. 140]. В литературном алтайском языке – *жекек* 'росомаха' (АРС, 2018, с. 196). Диалектные варианты слова: тел., туб., чалк. *жекек* (СГ, 2006, с. 7; РТС, 2019, с. 289), кум. *дьеекен* [Баскаков, 1972, с. 212].

В народных песнях алтайцы росوماху характеризуют как сильного, быстрого зверя, преодолевающего большие расстояния в поисках пищи. Мясо росوماхи не употребляли в пищу, так как животное питается мясом павших животных, поедает остатки добычи волков и медведей. В шуточной песне выражается ирония по поводу того, что дядя, думая, что придет племянник, готовил суп из мяса росوماхи: *Жееним келер болор деп, / Жекекнин эдин кайнаттым. Жееним келбей барарда, / Жер алдына таштадым* (ААК, 1972, с. 54). 'Думая, что племянник придет, / Мясо росوماхи сварил. / Когда племянник не пришел, / Под землю бросил'. О «разбойничьем нраве» этого животного в стихе К. Тепукова говорится: *Желбер тонду жекек / Жер-тууны эбире желген. / Ангчылар одузын тапты, / Ажаныт алды тапту* (КТ, АЖА,

с. 15). ‘В растрепанной шубе росомаха / Вокруг холма-горы прошла. / Она стойбище охотников нашла, / Досыта поела’.

В сказке «Обида марала» росомaxe приписываются такие характерные для него черты, как «опущенная голова», «медлительность»: ...*сöбмгö jetnes алтамду, тунзүк бүткен чырайду...* ‘...с опущенной головой, с шажками меньше аршина...’ (АНС, 2001, с. 76, 77).

Киш [kiš] – ‘соболь’ (лат. *Martes zibellina Linnaeus*). Слово относится к тюркскому фонду – *kiš* (ДТС, 1969, с. 310). Алт., кирг., тув., *kiш*; башк., тат., *кэш*; ног. *кис*; *кис*; якут. *кй̄с* [Щербак, 1961, с. 143]. В диалектах алтайского языка другие фонетические варианты отсутствуют.

Соболя также называют *албаа* ‘подать, дань’, поскольку мехом этого животного в прошлом алтайцы платили подать. Эфвемистические названия животного: *булугун, булугу, булган* ‘соболь’; *алды* ‘дикий зверь’; *ан* ‘зверь’; *аскыр ан* ‘соболь-самец’, *карсактык ан* ‘когтистый зверь’ [Яимова, 1990, с. 109–110]. На соболя алтайцы охотились в основном осенью и зимой. Мех соболя очень ценился, поэтому в свадебных песнях и благопожеланиях молодоженам желают, чтобы у них родились сыновья, которые будут охотиться, т. е. обеспечивать свою семью и род, дочери, которые будут шить из собольих мехов шапки: *Айу адар уулдарлу болзын, / Албаа көктөөр кыстарлу болзын. / Бөрү адар уулдарлу болзын, / Бөрүк көктөөр кыстарлу болзын* (КТ, АЖА, с. 24). ‘На медведя охотиться пусть сыновья будут, / Из соболя [шапки] шить пусть дочери будут. / На волков охотиться пусть сыновья будут, / Шапки шить пусть дочери будут’. Из собольих лапок алтайцы шили теплые меховые шапки. Меховая шапка считалась признаком достатка.

Зооним *киш / албаа* ‘соболь’ употребляется в качестве сравнительного образа, отображающего молодость и внешнюю красоту человека. В описании внешней красоты у алтайцев также встречаются метафорические сравнения *кабактары кара киш* ‘брови (как) черные соболя’: *Жергеlejип жорткон бойлулардын көргөн көстөри жылдыстар ошкош, чырайлары кызыл буланаттый, кабактары кара киш* (АТ, ЧБ-ЧК, 2003, с. 83). ‘У скачущих рядом молодых (букв. ‘глядящие’) глаза, как звезды, лица румяные (букв. ‘красные, как иван-чай’), брови – черные соболя’.

По поверьям охотников, соболь, как и некоторые другие дикие животные, создан божеством Нижнего мира, его называют *кара ан* ‘черный зверь’, поэтому охотники их старались не убивать. Если же добыли, то применяли имитативный магический прием: тело соболя, завернув в черную материю, роняли на землю, потом, сказав, что это никому не нужное животное, забирали с собой. На соболя охотились ради меха, поэтому мясо оставляли в дупле дерева. *Киш атса, онын терезин алып алар, эдин тезе пийик агашка илип койор, эмесе агашташла пазырып койор. Анчылар адын алганын тен-тай үлежип алар.* ‘Соболя если подстрелят, его шкурку брали, мясо же на высокое дерево подвешивали или деревом-камнями придавливали. Охотники подстреленное поровну делили’ (Обрядность..., 2019, с. 307). Женщине съесть мясо соболя означает обречь себя на трудные роды. Это объяснялось тем, что соболь рождает своих детенышей с трудом.

У теленгитских охотников существует поверье: мех соболя не потеряет окрас, если, добыв зверя, наступить на его шкурку своей обувью, при этом сказать: *Киш атса, өдөктин таманына жыжала, айдар: «Тьфу, курумчы турбай бу!».* *Ол тушта киш өгин жылыйтпас болор* (УУС, 2010, с. 285). «Когда соболя застрелят, потеряв об подошву обуви, говорят: “Тьфу, это войлок, оказывается!” Тогда соболь свой окрас не потеряет».

Күзен / жоонмойын [küzen / d’önmöym] – ‘хорёк’ (*Mustela (Putorius) putorius* L.)

Для пратюрского состояния выделяется лексема *küzen ‘хорёк’ [СИГТЯ, 2001, с. 163]. В алтайском литературном языке употребляется слово *жоонмойын* ‘хорёк’ (АРС, 2018, с. 208, 413, 534). В диалектах используются другие лексемы: телеут. *күзен* (ТРС, 1995, с. 49), кум. *чарлак / шарлаак* [Баскаков, 1972, с. 266, 272], см. также (РКС, 2021, с. 483), чал. *күзөн, шарлак* [Баскаков, 1985, с. 171, 225].

Происхождение наименования *joonмойын* также связано с эвфемизмами: < *joon* ‘толстый’ + *күзүүн* ‘шея’ (монг. *хүзүүн* ‘шейные позвонки’) ‘толстая шея’), и это слово утвердилось в алтайском литературном языке. Иносказательно этого зверька также называют *кожойым* ‘купец’ [Яимова, 1990, с. 113]. Кум. *чарлак / шарлаак* и чал. *шарлак* происходят от хак., саг. *сарлах* < иносказание *сарі кулак*.

В литературе у хорька выделяется такой признак, как плодовитость, а также то, что это животное не строит себе жилище: *Joонмойын – өскүлен ан* ‘хорёк – плодовитое животное’ (АРС, 2018, с. 534). *Сарас ла joонмойын – / Уйа этпес күлүктөр. / Келишкен ле ичеген / Јери болот уйуктаар* (КТ, АЖА, с. 15). ‘Колонок и хорёк – / Норы не делающие удалцы. / Что попадется – для них нора, / На земле стальной спят’.

Сарас [*saras*] – ‘колонок’ (лат. *Mustela sibirica Pallas*), ‘солонгой, сусленник’ (лат. *Mustela altaica*). В алтайском литературном языке и его диалектах зафиксирована лексема *сарас* ‘колонок’ (АРС, 2018, 2018, с. 571; ТРС, 1995, с. 72), см. также [Баскаков, 1972, с. 245; 1985, с. 194]. Зооним *сарас* произошел в результате сложения слов: *сары* + *агас* ‘рыжий + горноста́й’.

Иносказания колонка возникли на основе денотативных и коннотативных (оценочных) признаков: *сары* ‘желтый’, *шыра* ‘желтый’ < монг. *шар* ‘желтый, рыжий’; *шырас* (< *шар* ‘желтый’ + *ас* ‘зверек’) ‘желтый зверек’; *јыду* ‘вонючий’ (< *јыт* ‘запах’; *јыду сары*, букв. ‘вонючий желтый’; *коломзок – коломсок* ‘вонючий’ [Яимова, 1990, с. 111].

Колонок распространен на Алтае повсеместно. Подобно горностаю и хорькам, питается преимущественно мелкими грызунами [Кучин, 2001, с. 194–195]. В возбужденном состоянии издает громкое стрекотание, помимо этого, также выделяет жидкость с едким запахом с помощью анальных желёз. Эта особенность животного отразилась в языке в сравнении *јыту сарас* ‘вонючий колонок’, который используется в контекстах для обозначения низкого, подлого, неопрятного человека.

В прошлом северные алтайцы из рода челей «обрезали колонку кончик носа и уносили домой, думая, что завладели душой этого зверька [Потапов, 1929, с. 131]. Шорцы делали изображение духа-покровителя охоты из холщевой тряпочки со шкуркой колонка – *сарас*. Оно хранилось вместе с другими домашними изображениями духов, которых «угощали» при отправлении на охоту, поскольку от них зависел успех. Духу-хозяину колонка быргзали *аракы* (вином). По поверью, если во время кропления шкурка шевельнется, удачи на охоте не будет. Охотник кропил огонь вином, угостив салом, при этом он также обращался к колонку со словами: *Кара кундус чакалыг / Талай кан улы!* ‘Имеющий воротник из черного бобра, / Морского царя сын!’ [Там же, с. 147]. Шкурку колонка пришивали к шаманскому костюму алтайцы в знак почитания духа-покровителя: *Тоннын јаказына үйттү кичинек таи, сарастын куйругын јаба көктөп, јарлыкчы јарлыктаган* (Т. Акулова). ‘Пришив на воротник пальто маленький камушек с отверстием, хвост колонка, предсказатель предсказывал’ (АРС, 2018, с. 759).

Стереотипы из охотничьего лексикона могли переходить в песенный фольклор, где с образом колонка сравнивается шаман: *Сарас анды үзе тепкен / Сары үкү ол јаман. / Сары малды үзе тайган / Сай манјакту кам јаман* (ААК, 1972, с. 172). ‘Колонков всех истребившая / Рыжая сова плохая. / Рыжий скот весь в жертву принесший / В сплошном халате-мандьяке шаман плохой’.

Сузар [*suzar*] – ‘куница’ (лат. *Martes (Martes) foina*); ‘норка’ (*Mustela vison Brisson*).

В Горном Алтае водится каменная куница (*Martes (Martes) foina*), или белодушка. Это небольшой зверек, размером со среднюю домашнюю кошку.

В алтайском литературном языке лексема *сузар* имеет значение ‘куница’ (АРС, 2018, с. 610), в диалектах (туб. и кум.) ‘куница’ – *аас* (РТС, 2019, с. 112). Этимологическую форму слова *сузар* А. М. Щербак представил в виде **саңсар*; ср. монг. *сүсар*; маньч. *харса*; тунг. *харса(н)*; тур. *сансар*; узб. *савсар*; уйг. *сөсә(р)*; чув. *сәсар* [Щербак, 1961, с. 144].

В народной поэзии кунице приписываются такие оценочные характеристики, как *сүрлү* ‘видный, красивый’: *Сүрлү алу ан – суузар, / Нени ле ол јудар: / Конгыс болзын, балыкты, / Күжүл, момон, чычканды* (КТ, АЈА, с. 15). ‘Красивый пушной зверь – куница, / Всякое она поглощает: / Хоть жука, рыбу, крысу, крота, мыша’.

Токтонок [toqtonoq] – ‘ласка’ (лат. *Mustela vulgaris*). В алтайском литературном языке зафиксирована лексема *токтонок* ‘ласка’ (АРС, 2018, с. 683). Диалектные варианты слова: *тоқнас* (кум.) (РКС, 2021, с. 145), *тоқпозок* [Баскаков, 1972, с. 254], *тоқынтос* (туб.) (РТС, 2019, с. 114), *тоқундас* ‘колонок’ (чалк.) [Баскаков, 1985, с. 206]. По народной этимологии, зооним *токтонок* происходит от слова *токтобос* ‘животное, непрекращающее бегать’. Как утверждают охотники, этот маленький зверек очень быстрый и непоседливый. Если ласка появится возле человеческого жилища, то ее кормят, так как она охотится на мышей.

Согласно мифу «О ласке – токтонок», ласка – мудрое животное. Ласка (*токтонок*) предложила всем собравшимся животным сделать в году 12 месяцев, а в месяце 30 дней, и все согласились с ее мудрым предложением: «Ласка... возбужденно заговорила: “Так дело не пойдет! Уж слишком долгим будет год, в сто лет. Ведь ни один зверь не сможет прожить свой век! Не лучше ли сделать в году двенадцать месяцев, а в месяце тридцать дней” <...> Наконец-то установили они счет времени. Теперь каждый из них сможет считать свои годы, месяцы и дни, которые предложила на собрании ласка» (МА, 2022, с. 153).

В детском стихе К. Тепукова выделены оценочные признаки ласки ‘беспокойная’, ‘гибкая’: *Токтомыр јок токтонок – / Ээлгир, эпчил ағычак. / Ого көрө калазак / Эмеш нојо, јарбынчак* (КТ, АЈА, с. 16). ‘Беспокойная ласка – / Гибкий, ловкий зверёк. / По сравнению с ней, колонок / Немного упрямый, обидчивый’.

Заключение

Таким образом, большинство лексем, обозначающих представителей класса млекопитающих, семейства кунных, относятся к общетюркскому пласту лексики: это *агас* ‘горноста́й’, *сузар* ‘куница’, *киш* ‘соболь’, *борсык* ‘барсук’, *күзен* ‘хорёк’, *јеекен* ‘росомаха’, *сарас* ‘колонок’. Некоторые из зоонимов возникли в качестве эвфемизмов в речи охотников, например, *јоонмойын* ‘хорёк’.

В языковой картине мира алтайцев зоонимы-кунии связаны с мифологическими, обрядовыми и охотничьими традициями народа. Материал, выявленный в различных фольклорных и художественных текстах, показал преобладание информации о денотативных признаках кунных, которые обращают внимание на их окрас, строение тела, место обитания, повадки, а также на ценность их меха и использование их в рукоделии и шитье национальной одежды. Фольклорные тексты отражают этническую специфику мифологического восприятия кунных, согласно которому одни животные (горноста́й) созданы богом Верхнего мира, а другие (выдра, соболь, колонок) – богом Нижнего мира. По отношению к этим зверькам существовали определенные правила поведения во время охоты, в связи с чем в языке охотников с помощью таких языковых средств объективации концептов, как метафора и метонимия, развилась система эвфемизмов. Некоторые представители млекопитающих вошли в языковую культуру алтайцев и употребляются в системе образных средств их языка. Они участвуют в концептуализации образа человека: обозначают некоторые физические (красота – соболь), морально-этические (хватовство и медлительность – росомаха) и интеллектуальные (глупость, честность, доброта – барсук, мудрость – ласка) качества человека.

Список литературы

- Анохин А. В.** Материалы по шаманству у алтайцев. Репр. изд. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1994. 152 с.
- Баскаков Н. А.** Диалект кумандинцев (куманды-кижи): Граммат. очерк, тексты, пер., слов. / Ин-т языкознания АН СССР. М.: Наука, 1972. 279 с.
- Баскаков Н. А.** Северные диалекты алтайского (ойротского) языка: диалект лебединских татар-чалканцев (куу-кижи): Граммат. очерк, тексты, пер., слов. / Отв. ред. К. М. Мусаев; Ин-т языкознания АН СССР. М.: Наука, 1985. 231 с.
- Ерленбаева Н. В.** Названия птиц, мотивированные характерными действиями и поведением птиц, в алтайском языке и его диалектах // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2018. № 3 (23). С. 30–32.
- Красильникова П. Ю.** Соотношение коннотативного и денотативного компонентов в семантике некоторых групп абстрактной лексики и в семантике лексем тематической группы зоонимов (на примере зоонима «корова») // Преподаватель. XXI век. 2020. № 2-2. С. 359–370.
- Кучин А. П.** Флора и фауна Алтая: монография. Горно-Алтайск: [б. и.], 2001. 264 с.
- Ойноктинова Н. Р.** Коннотативные значения зоонимов, обозначающих диких животных, в алтайском языке // Эпосоведение. 2023а. № 4. С. 76–87.
- Ойноктинова Н. Р.** Представления о выдре в языке и фольклоре алтайцев // Традиционная культура. 2023б. № 4. С. 91–98.
- Потапов Л. П.** Охотничьи поверья и обряды у алтайских турков // Культура и письменность Востока. Баку: Изд. В. Ц. К. Н. Т. А, 1929. Кн. 5. С. 123–149.
- СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благова, И. Г. Добродомов, А. В. Дыбо, И. В. Кормушин, Л. С. Левитская, О. А. Мудрак, К. М. Мусаев. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.
- Тыбыкова Л. Н.** Символика красоты в алтайских зооморфизмах // Этнокультурное наследие народов Алтая: Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию юбилею НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. Горно-Алтайск, 2022. С. 339–353.
- Щербак А. М.** Названия диких и домашних животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 82–172.
- Яимова Н. А.** Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке. Горно-Алтайск: Горно-Алт. тип., 1990. 169 с.

Список источников

- ААК – Алтайские народные песни. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва, 1972. 239 с.
- АЗ – Алтайские загадки / Сост. К. Е. Укачина. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва, 1981. 176 с.
- АНС – Алтайские народные сказки // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока / Сост. Т. М. Садалова. Новосибирск: Наука, 2002. 455 с., ил. и компакт-диск. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 21)
- АТ, ЧБ-ЧК – **Акулова Т.** Чарас Бажы – Чөрчөк кабайы. Горно-Алтайск: Юч-Сюмер, 2003. 376 с.
- АФ – Алтайский фольклор / Сост. Е. П. Кандаракова. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва, 1988. 216 с.
- КТ, АЖА – **Тепуков К.** Алтай јерис агару. Горно-Алтайск: Лит.-изд. дом «Алтын Туу». URL: <http://azatrai.ru/d/altay-eris-agaru.pdf> (дата обращения 24.04.2023).
- Обрядность в традиционной культуре алтайцев. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2019. 704 с.

УУС – Улаганнын укаалу сөзи / Сост. Н. Н. Санина, Л. В. Санина. Барнаул: АРТ, 2010. 320 с.

Список словарей

- АРС – Алтайско-русский словарь / Отв. ред. А. Э. Чумакаев. Горно-Алтайск, 2018. 936 с.
- ДТС – **Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М.** Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.
- КРС – Кумандинско-русский словарь: ок. 10 000 слов / Сост. Л. М. Тукмачев, М. Б. Петрушова, Е. И. Тукмачева. Бийск: Бийский котельщик, 1995. 150 с.
- МА – Мифология алтайцев: этнолингв. Словарь: В 2 т. / Сост. Н. Р. Ойноткинова. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2022. Т. 2. 464 с.
- PKC – Русско-кумандинский словарь / Сост. М. Б. Петрушова, В. М. Данилов, ред. Н. А. Дьбайым. Горно-Алтайск: Алтын-Туу, 2021. 504 с.
- PTC – Русско-тубаларский словарь / Сост. А. С. Кучукова; ред. С. Б. Сарбашева. Горно-Алтайск: Алтын-Туу, 2019. 384 с.
- СГ – Словарь говоров Кош-Агачского и Улаганского районов / Сост. Н. Н. Тыдыкова. Горно-Алтайск: Тип. ИПБОЮЛ Высоцкая Г.Г., 2006. 134 с.
- TPC – Телеутско-русский словарь / Сост. Л. Т. Рюмина-Сыркашева, Н. А. Кучигашева. Кемерово: Кем. кн. изд-во, 1995. 119 с.

References

- Anokhin A. V.** Materialy po shamanstvu u altaitsev [Materials on shamanism among the Altaians]. Gorno-Altaiisk, Ak Chechek Publ., 1994, 152 p. (in Russ.)
- Baskakov N. A.** Dialekt kumandintsev (kumandy-kizhi): grammat. ocherk, teksty, per., slov. [Dialect of the Kumandins (Kumandy-Kizhi): grammar. essay, texts, trans., words]. Moscow, Nauka, 1972, 279 p. (in Russ.)
- Baskakov N. A.** Severnye dialekty altaiskogo (oirotskogo) yazyka: dialekt lebedinskikh tatar-chalkantsev (kuu-kizhi): grammat. ocherk, teksty, per., slov. [Northern dialects of the Altai (Oirots) language: the dialect of the Lebedinsky Tatar-Chalkans (Kuu-Kizhi): grammar. essay, texts, trans., words]. Ed. by K. M. Musaev. Moscow, Nauka, 1985, 231 p. (in Russ.)
- Erlenbaeva N. V.** Nazvaniya ptits, motivirovannye kharakternymi deistviyami i povedeniem ptits, v altaiskom yazyke i ego dialektakh [Names of birds, motivated by the characteristic actions and behavior of birds, in the Altai language and its dialects]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya* [Scientific Review of Sayano-Altai], 2018, no. 3 (23), pp. 30–32. (in Russ.)
- Krasilnikova P. Yu.** Sootnoshenie konnotativnogo i denotativnogo komponentov v semantike nekotorykh grupp abstraktnoi leksiki i v semantike leksem tematicheskoi gruppy zoonimov (na primere zoonima “korova”) [Correlation of connotative and denotative components in the semantics of some groups of abstract vocabulary and in the semantics of lexemes of the thematic group of zoonyms (on the example of the zoonym “cow”)]. *Prepodavatel'. XXI vek* [Lecturer. 21st century], 2020, no. 2-2, pp. 359–370. (in Russ.)
- Kuchin A. P.** Flora i fauna Altaya: monografiya [Flora and fauna of Altai: monograph]. Gorno-Altaiisk, 2001, 264 p. (in Russ.)
- Oinotkinova N. R.** Konnotativnye znacheniya zoonimov, oboznachayushchikh dikikh zivotnykh, v altaiskom yazyke [Connotative meanings of zoonyms denoting wild animals in the Altai language]. *Eposovedenie* [Epic Studies], 2023, no. 4, pp. 76–87. (in Russ.)
- Oinotkinova N. R.** Predstavleniya o vydre v yazyke i fol'klоре altaitsev [Ideas about the Otter in the Language and Folklore of the Altaians]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture], 2023, no. 4, pp. 91–98. (in Russ.)

- Potapov L. P.** Okhotnich'i pover'ya i obryady u altaiskikh turkov [Hunting beliefs and rituals among the Altai Turks]. In: Kul'tura i pis'mennost' Vostoka [Culture and writing of the East]. Baku, 1929, vol. 5, pp. 123–149. (in Russ.)
- Shcherbak A. M.** Nazvaniya dikikh i domashnikh zhivotnykh v turkskikh yazykakh [Names of wild and domestic animals in the Turkic languages]. In: Istoricheskoe razvitie leksiki turkskikh yazykov [Historical development of the vocabulary of the Turkic languages]. Moscow, AS USSR Publ., 1961, pp. 82–172. (in Russ.)
- Tenishev E. R., Blagova G. F., Dobrodomov I. G. et al.** Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika [Comparative historical grammar of the Turkic languages. Lexics]. 2nd ed. Moscow, Nauka, 2001, 822 p. (in Russ.)
- Tybykova L. N.** Simvolika krasoty v altaiskikh zoomorfizmakh [Beauty symbolism in Altai zoomorphisms]. In: Etnokul'turnoe nasledie narodov Altaya [Ethno-cultural heritage of the peoples of Altai]. Gorno-Altai, 2022, pp. 339–353. (in Russ.)
- Yaimova N. A.** Tabuirovannaya leksika i evfemizmy v altaiskom yazyke [Taboo vocabulary and euphemisms in the Altai language]. Gorno-Altajsk, Gorno-Altayskaya tipografiya, 1990, 169 p. (in Russ.)

List of Sources

- Altayskie narodnye pesni [Altai folk songs]. Gorno-Altai, 1972, 239 p. (in Alt.)
- Akulova T.** Charas Bazhy – Chorochok kabaiy. Gorno-Altai, 2003, 376 c. (in Alt.)
- Kandarakova E. P.** (comp.). Altayskii fol'klor [Altai folklore]. Gorno-Altai, 1988, 216 p. (in Alt.)
- Obryadnost' v traditsionnoi kul'ture altaitsev [Ritualism in the traditional culture of the Altaians]. Gorno-Altai, 2019, 704 p. (in Russ.)
- Sadalova T. M.** (comp.). Altayskie narodnye skazki [Altai folk tales]. Novosibirsk, Nauka, 2002, 455 p. (in Russ.) (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Folklore monuments of the peoples of Siberia and the Far East], vol. 21).
- Sanina N. N., Sanina L. V.** (comp.). Ulagannyn ukaalu sozi [Ulagan's instructive word]. Barnaul, ART Publ., 2010, 320 p. (in Alt.)
- Tepukov K.** Altai jeris agaru. Gorno-Altai. (in Alt.) URL: <http://azatpai.ru/d/altay-eris-agaru.pdf> (accessed 24.04.2023).
- Ukachina K. E.** (comp.). Altayskie zagadki [Altai riddles]. Gorno-Altai, 1981. 176 p. (in Alt.)

List of Dictionaries

- Chumakaev A. E.** (ed.). Altaysko-russkii slovar' [Altai-Russian Dictionary]. Gorno-Altai, 2018, 936 p. (in Alt. and Russ.)
- Kuchukova A. S.** (comp.). Russko-tubalarskii slovar' [Russian-Tubalarian Dictionary]. Ed. by S. B. Sarbasheva. Gorno-Altai, Altyn-Tuu Publ., 2019, 384 p. (in Russ.)
- Nadelyaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M.** Drevnetyurkskii slovar' [Ancient Turkic Dictionary]. Leningrad, Nauka, 1969. (in Russ.)
- Oinotkinova N. R.** (comp.). Mifologiya altaitsev. Slovar' [Mythology of the Altaians. Dictionary]. In 2 vols. Novosibirsk, NSU Press, 2022, vol. 2, 464 p. (in Russ.)
- Petrushova M. B., Danilov V. M.** (comp.). Russko-kumandinskii slovar' [Russian-Kumandin Dictionary]. Ed. by N. A. Dayym. Gorno-Altai, Altyn-Tuu Publ., 2021, 504 p. (in Russ.)
- Ryumina-Syrkasheva L. T., Kuchigasheva N. A.** (comp.). Teleutsko-russkii slovar' [Teleut-Russian Dictionary]. Kemerovo, 1995, 119 p. (in Russ.)
- Tukmachev L. M., Petrushova M. B., Tukmacheva E. I.** (comp.). Kumandinsko-russkii slovar': ok. 10 000 slov [Kumandin-Russian Dictionary: approx. 10,000 words]. Biysk, Biyskii Kotelshchik Publ., 1995, 150 p. (in Kum.)

Tydykova N. N. (comp.). Slovar' govorov Kosh-Agachskogo i Ulaganskogo raionov [Dictionary of dialects of Kosh-Agach and Ulagan districts]. Gorno-Altaysk, Tipogr. IPBOYuL Vysotskaya G. G., 2006, 134 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Надежда Романовна Ойноткинова, доктор филологических наук
Scopus Author ID 57208207533
SPIN 3502-7317

Information about the Author

Nadezhda R. Oinotkinova, Doctor of Sciences (Philology)
Scopus Author ID 57208207533
SPIN 3502-7317

*Статья поступила в редакцию 26.04.2023;
одобрена после рецензирования 11.09.2023; принята к публикации 12.09.2023
The article was submitted on 26.04.2023;
approved after reviewing on 11.09.2023; accepted for publication on 12.09.2023*

Научная статья

УДК 811.512.153

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-80-91

Социально-экономический аспект репрезентации образа человека в хакасской пословичной картине мира

Алена Николаевна Чугунекова¹

Карина Александровна Покоякова²

^{1,2} Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова
Абакан, Россия

¹ Chugunekowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1046-5699>

² karina_p.84@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6318-9435>

Аннотация

Статья посвящена описанию хакасских пословиц и поговорок, репрезентирующих социально-экономические отношения человека в обществе. В настоящее время многие вопросы, касающиеся описания образа человека через паремические выражения в хакасском языке еще не получили должного освещения, чем и определяется актуальность данного исследования. Авторы приходят к выводу, что социально-экономический аспект широко представлен в хакасских пословицах и поговорках. Он реализуется в образах народа, родственников, детей, друзей, врагов, хозяев, гостей, соседей, а также мужчин и женщин. Представления о материальном состоянии человека, его трудовой деятельности, а также товарно-денежной сфере ярко отражаются в экономических отношениях. В хакасском социуме залогом успеха человека является соблюдение принципов коллективизма, терпимость, взаимовыручка, стойкость, бережное отношение друг к другу и воспитание подрастающего поколения.

Ключевые слова

репрезентация внешнего мира, человек, пословицы и поговорки, социальные отношения, экономические отношения, семейные отношения, родственные отношения, хакасский язык

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ), проект № 23-28-10064 «Хакасские пословицы и поговорки: язык и поэтика» (при паритетной финансовой поддержке Правительства Республики Хакасия)

Для цитирования

Чугунекова А. Н., Покоякова К. А. Социально-экономический аспект репрезентации образа человека в хакасской пословичной картине мира // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 9: Филология. С. 80–91. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-80-91

Socio-Economic Aspect of a Person's Image Representation in the Khakass Proverbial Picture of the World

Alena N. Chugunekova¹, Karina A. Pokoiakova²

^{1,2} Katanov Khakass State University
Abakan, Russian Federation

¹ Chugunekowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1046-5699>

² karina_p.84@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6318-9435>

Abstract

Purpose. The article describes Khakass proverbs and sayings that represent the socio-economic relations of a person in society. Currently, many issues relating to the description of a person's image through paremic expressions in the Khakass language have not yet received proper coverage, which determines the relevance of this study.

© Чугунекова А. Н., Покоякова К. А., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 9: Филология. С. 80–91

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 9: Philology, pp. 80–91

Results. The authors have come to the conclusion that the socio-economic aspect is widely represented in Khakass proverbs and sayings. It is realized in the images of people, relatives, children, friends, enemies, masters, guests, neighbors, as well as men and women. The image of the people affirms the norms and rules of collectivism and peaceful coexistence in society. Children, parents and relatives are the main components of family relationships and always come to the aid of each other. The host is distinguished by his hospitality, and the guest, in turn, does not abuse this. As a rule, neighbors are endowed with such qualities as kindness and responsiveness. Based on the analyzed linguistic material, a man is endowed with a higher proportion of stereotypical characteristics: strength, stamina, strength of character, etc. And a woman appears as a kind, gentle and strong person.

Conclusion. Economic relations reflect the ideas about a person's financial condition, their work activity and the commodity-money sphere. The key to a person's success in the Khakass society is adherence to the principles of collectivism, mutual assistance, tolerance, perseverance, education of the younger generation and caring attitude towards each other.

Keywords

representation of the outside world, person, proverbs and sayings, social relations, economic relations, family relations, kinship relations, Khakass language

Acknowledgements

The research was financially supported by the grant from the Russian Science Foundation (RSF), project no. 23-28-10064 "Khakass proverbs and sayings: language and poetics" (with equal financial support from the Government of the Republic of Khakassia)

For citation

Chugunekova A. N., Pokoiakova K. A. Socio-Economic Aspect of a Person's Image Representation in the Khakass Proverbial Picture of the World. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 9: Philology, pp. 80–91. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-80-91

Введение

В последние годы в рамках антропоцентрической парадигмы лингвистики на материале разных языков большое внимание исследователями уделяется описанию образа человека через языковые единицы. К особым языковым единицам, отражающим образ человека, следует относить пословицы и поговорки, которые «представляют собой богатейший пласт языковой системы, веками хранящий в себе народные наблюдения, умозаключения и представления о мире, человеке, этические и эстетические нормы, сведения об образе жизни, традициях и обычаях народа» [Леднёва, 2015, с. 2]. Кроме того, в пословицах и поговорках отражается опыт хозяйствования, взаимоотношения людей в обществе и семье.

Различные типы языковых экспликаций концепта *ЧЕЛОВЕК* были объектом внимания многих исследователей. Так, на материале русского языка комплексному описанию логической структуры и семантики паремий тематической группы «Человек» посвящена диссертация Л. А. Джелаловой [2015]. Исследование А. В. Леднёвой [2015] посвящено описанию «структурно-семантических и лингвокультурологических особенностей паремиологических единиц тематического блока "Человек" в русском и немецком языках». Оценка человека в пословицах и поговорках русского, английского, испанского и табасаранского народов (морально-нравственная сфера) получила описание в кандидатской диссертации Т. А. Мирзаевой [2008]. На материале тюркских языков лексические средства экспликации концепта *ЧЕЛОВЕК* описаны для карачаево-балкарского [Геляева, 2002] и башкирского [Хайруллина, 2000] языков. Что касается сибирских тюркских языков, то нужно отметить комплексное исследование макроконцепта *КИЖИ* 'человек' для алтайского языка. Данному макроконцепту Н. Р. Ойноткинова посвятила целую главу в монографии [2012]. Характеристика человека на материале паремических выражений тувинского и русского языков получила описание в сопоставительно-сравнительном плане в статье Р. С. Бытовой [2020].

В настоящее время многие вопросы, касающиеся описания образа человека через пословицы и поговорки в хакасском языке еще не получили должного освещения, чем и определяется актуальность данного исследования. На материале хакасских паремий подробно описан только образ трудолюбивого и ленивого человека [Чертыкова, 2021]. Новизна нашего исследования заключается в том, что впервые анализируется социально-экономический аспект репрезентации образа человека в хакасской пословичной картине мира.

Цель нашего исследования – выявление и описание хакасских пословиц и поговорок, характеризующих внешний мир человека, а именно его социальные и экономические отношения.

Материалом исследования послужили хакасские паремии, извлеченные путем сплошной выборки примеров из сборника Хыйга сӧс «Мудрое слово» (2021), «Хакасско-русского словаря» (ХРС, 2006) и художественных произведений на хакасском языке.

Основным методом исследования является метод компонентного анализа, главная цель которого состоит в изучении содержательной составляющей языковых структур.

Результаты исследования

Пословицы и поговорки всегда направлены на человека – его черты, характер и отношение ко всему, что его окружает. Как показывает собранный нами языковой материал, в хакасских паремиях репрезентируются «внешний» и «внутренний» мир человека. «Внешний мир человека – это мир, подвластный непосредственным ощущениям, открытый для восприятия другими людьми, внутренний – это мир невидимый, идеальный» [Ойноткинова, 2012, с. 210].

1. Социальные отношения

Человек, являясь по своей природе существом социальным, принимает различные социальные роли. Отношения, возникающие между людьми при их взаимодействии друг с другом, определяются как социальные отношения, которые могут быть родственными, дружескими, трудовыми, соседскими и т. д.

Для тюркских народов «важным считается социальное происхождение в обществе, прежде всего деление по родам» (хак. *сӧӧк*¹), которые служат «регулятором между и внутриродовых отношений» [Там же, с. 211]. Например: *Атты таңмазынаң танычаң, кізіні родынаң пілчең* ‘Коня узнают по клейму, человека по роду’ (ХРС, 2006, с. 590).

Родство между людьми бывает прямое (кровное) и не прямое (некровное). Каждый член рода (*сӧӧк*) или семьи обязан выполнять в обществе определенные социальные роли. Все эти отношения достаточно широко представлены в хакасских пословицах и поговорках.

Как показывает собранный нами паремический материал, представления о социальных отношениях отражаются следующими лексическими репрезентантами: *чон* ‘народ’, *туғаннар* ‘родственники’, *пала* ‘ребёнок’, *нанчы* ‘друг’, *ыырчы* ‘враг’, *ээзі* ‘хозяин’, *аалчы* ‘гость’, *аалхончы* ‘соседи’, *ир кізі* ‘мужчина’, *ипчі кізі* ‘женщина’.

1.1. Пословицы, репрезентирующие образ народа (*чон*)

Образ народа в хакасской паремике проходит главной нитью, связывающей разных людей внутри одного общества.

В хакасских пословицах народ выступает прежде всего как сила: *Чоннаң күстіг ние чоғыл* ‘Сильней народа силы нет’ (Хыйга сӧс, 2021, с. 62).

Жизнь в обществе является одним из важнейших показателей человеческой сущности. Жизнь одинокого человека не поощряется: *Кізі кізінең күнниг, / Аң тайганаң күнниг* ‘Человек человеком жив, / Зверь тайгою живет’ (Хыйга сӧс, 2021, с. 135); *Пір турун отта кӧйбес* (Кильничиков и др., 1991, с. 115) ‘Одна головня не горит’.

Одиночество является одним из страхов человека: *Чалгыс агас чилдең хортых, / Чалгыс кізі аңнаң хортых* ‘Одинокое дерево от ветра гнётся, / Одинокий человек зверя боится’ (Хыйга сӧс, 2021, с. 46); *Чалгыс кізі чоннаң хортых, / Чалгыс агас чилдең хортых* ‘Одинокий человек людей боится, / Одинокое дерево ветра боится’ (Хыйга сӧс, 2021, с. 986).

Человеку, отделившемуся от общества, грозит гибель: *Чоннаң чарылган кізі ӧл халадыр* ‘Человек, отошедший от народа, погибает’ (Хыйга сӧс, 2021, с. 48); *Ӗӧрдең чарылган мал*

¹ *Сӧӧк* – ист. *сеок* (группа людей, связанных кровным родством); род; племя (ХРС, 2006, с. 505).

пүүрге чидиртедир, чоннаң чарылган кизи чобаладыр (Кильчичаков и др., 1991, с. 112) ‘Скотину, отделившуюся от стада, съедает волк, человек, отошедший от народа, страдает’.

Первостепенной особенностью жизни человека является возможность коммуникации, которая позволяет ему контактировать с миром: *Мал танысча, чыстазын, / Кизи чоохтазын* ‘Скотина знакомится, обнюхивая, / Человек – общаясь’ (Хыйга сөс, 2021, с. 60); *Пүүр киспеен көл пар ни? / Пилистин өскен кизи пар ни?* ‘Есть ли озеро, которое не переплыл бы волк? / Существует ли человек, выросший без общения’ (Хыйга сөс, 2021, с. 117).

В хакасском обществе человек обязан вести себя достойно: *Ил чонның аразында иптиг пол* ‘Среди хороших людей будь скромн’ (Хыйга сөс, 2021, с. 84).

1.2. Пословицы, репрезентирующие образ ребёнка (*пала*) / родителей (*иче-паба*)

В пословицах этой группы яркое отражение находят семейные отношения. Семья (*сөбіре*) – общество людей, связанных между собой родственной нитью. Взаимоотношения в семье, вопросы роли семьи и понятия семейного счастья всегда волновали людей, так как семья на протяжении всей жизни человека являлась местом силы. С помощью пословиц и поговорок люди отражали сформированные семейные ценности, чтобы в дальнейшем передать их новым поколениям.

В этой группе представлены пословицы и поговорки, в которых отражены нормы взаимодействия родителей (*иче-паба*) и детей (*палалар*). Мама для ребёнка – это самый близкий и добрый человек в отличие от отца. Например: *Иче паары – хорты паар, / паба паары хатыг – аба паары* ‘Сердце матери – сердобольно, / Сердце отца – безжалостно’ (Хыйга сөс, 2021, с. 22).

Кроме того, хакасские пословицы показывают внешнюю красоту и гармонию матери в детях: *Ичезиниң силии палада* ‘Достоинство матери в детях (букв. матери красота в детях)’ (Хыйга сөс, 2021, с. 14).

Каждому родителю свой ребёнок мил: *Хастың палазы хасха ирке, / Кизиниң палазы кизе ирке* ‘Гусёнок мил гусю, / Ребёнок – человеку’ (Хыйга сөс, 2021, с. 120); *Пала тили тадылыг полцаң* ‘Детский лепет сладок’ (Хыйга сөс, 2021, с. 125); *Паладаң тадылыг нимедир* ‘Что может быть слаще ребёнка’ (ХРС, 2006, с. 341); *Айлас таа полза, чол чакхсы, / Айлыг даа полза, хыс чакхсы* ‘Пусть с поворотами – всё же дорога, / Пусть беременная – Всё же дочь’ (Хыйга сөс, 2021, с. 147).

Отношения между родителями и детьми складывается по-разному. Дети могут иногда огорчать родителей: *Истинең сыхханы – исти агыриш* ‘Ребёнок [для родителей] – болезнь души’ (Хыйга сөс, 2021, с. 14); *Постың чобаа постаң төрпиче* ‘Свои беды от себя исходят (о детях)’ (ХРС, 2006, с. 384).

Обычно плохое поведение детей родители стараются не замечать: *Пала хомайны иче пилбеен, / Иче хомайны пала пилбеен* ‘Мать не видит плохое в детях, / Дети не видят плохое в матери’ (Хыйга сөс, 2021, с. 14).

Значима и роль матери, которая выражена в паремиях через тему сиротства: *Адазы чох пала чарым өкис, / Ичези чох пала саңай өкис* ‘Ребёнок без отца – полусирота, / Ребёнок без матери – круглый сирота’ (Хыйга сөс, 2021, с. 21).

Несмотря на трудную жизнь, ребёнок-сирота в процессе взросления нуждается в поддержке, а вырастая, становится полноправным членом общества: *Өкиске өөзиң ачызын* ‘Будь к сироте милосерден’ (ХРС, 2006, с. 322); *Өкис хулун ат өс парча, / Өкис олган ир өс парча* ‘Осиротевший жеребёнок конём вырастает, / Осиротевший мальчик мужчиной вырастает’ (ХРС, 2006, с. 322).

После ухода родителей дети, как правило, продолжают их дело: *Адазы чохта, оол настых, / Ичези чохта, хыс настых* ‘Когда нет отца, сын – глава; / Когда нет матери, дочь – глава’ (Хыйга сөс 2021, с. 119).

Хакасы в разговоре, в поведении ведут себя осторожно, боясь навлечь на кого-либо несчастье или болезнь, всегда предостерегаются от этого. Такое значение передает глагол *азанарга / астанарга*: *Төбир-төребес палаа / Пизик чазабацаң* ‘Ребёнку, который ещё не родился, / Не нужно готовить колыбель’ (Хыйға сөс, 2021, с. 36).

Зафиксирована пословица, посвященная теме бездетности: *Оорлап халар оолгым чогул, / Хысхыр халар хызым чогул* ‘Нет сына, чтоб печалиться немало, / Нет дочери, чтоб горестно рыдала’ (Хыйға сөс, 2021, с. 140).

1.3. Пословицы, репрезентирующие образ родственников (туганнар / харындастар)

Пословицы и поговорки данной группы определяют отношения между родственниками. Например: *Чаксы харындас полганы най полганынаң артых* ‘Лучше иметь хорошего брата, чем быть богатым’ (ХРС, 2006, с. 818); *Көглезерде – аал-хончык чаксы, чобагда – туған чаксы* ‘В веселье – соседи хороши, в горе – родня хороша’ (ХРС, 2006, с. 17).

Если родственники дружные, то между ними всегда будет лад: *Ынаг харындастар аразында / Сөс түспечең* ‘Между дружными родственниками / Ссоры не бывает’ (Хыйға сөс, 2021, с. 28); *Пиче-туңма тогасса, пит ылгазадыр* ‘Если встретятся сестры, вошь плачет’ (Хыйға сөс, 2021, с. 104).

Родственники поддержат и в горести: *Сарназарга чат чаксы, / Чобалыбыссаң, туған чаксы* ‘В веселье хорошо быть с чужими, / А в горе хорошо быть с родными’ (Хыйға сөс, 2021, с. 98).

Наличие родственников у хакасов, как и у других народов, всегда приветствуется. Но, как заведено, родственники, живущие далеко, освобождают свою родню от всяких житейских проблем, хлопот, поэтому им всегда рады: *Чагынгы туған чаалыг полцаң, ыраххы туған ынаг полцаң* ‘Близкие (близко живущие) родственники враждуют, далекие (далеко живущие) родственники дружат’ (ХРС, 2006, с. 669).

Для определения связи между родственниками используются именно те пословицы, которые указывают либо на близкое родство, либо на дальнейшее как по линии отца, так и по линии матери.

У хакасов, как и других тюркских народов, близкими родственниками считаются дети двух сестёр (*пөле*). Отношения между ними должны быть очень дружелюбными: *Икі пөле пөліспес, пөрік піле сабыспас, суға кірзе, тартыспас* ‘Два двоюродных брата (сестры) не делятся, шапками друг на друга не кидаются, войдя в воду, друг с другом не тягаются’ (ХРС, 2006, с. 387).

Сестра обычно бывает мягкой, а у брата характер потверже: *Пичеңің паары чаглыг, харындастың паары хатыг полцаң* ‘У сестры сердце доброе, у брата сердце холодное’ (ХРС, 2006, с. 363).

1.4. Пословицы, репрезентирующие образ друга (нанчы) / врага (ыырчы)

В хакасском языке *друг / подруга* передается разными лексемами: *нанчы* ‘друг’, *аргыс* ‘товарищ’, *өöre* ‘подруга’, *таныс* ‘приятель, знакомый’.

В хакасских пословицах богатство человека исчисляется большим количеством друзей: *Нанчылыг кізі най полцаң* ‘Богат тот, у кого много друзей’ (Хыйға сөс, 2021, с. 18).

Настоящая дружба проверяется в беде: *Обал чохта нанчыны піл полбассың* ‘Друзья познаются в беде’ (Хыйға сөс, 2021, с. 19); *Хыйал чохта нанчыны таппасың* ‘Друзья познаются в беде’ (Хыйға сөс, 2021, с. 41); *Хара күнге түс парза, / Таныс пары ол чаксы* ‘В тяжелые дни хорошо, / Если есть друзья’ (Хыйға сөс, 2021, с. 33).

Проверенный, старый друг лучше, чем новый: *Пір иргі нанчы / Икі нанчыдаң артых* ‘Старый друг, / Лучше новых двух’ (Хыйға сөс, 2021, с. 59).

Дружба дороже денег: *Чүс мандың полганца, / Чүс нанчың ползын* ‘Не имей сто рублей, / А имей сто друзей’ (Хыйға сөс, 2021, с. 59).

Дружба служит залогом взаимопомощи: *Аргыснаң көдірген төге ниик, / Оменең иткен тогыс ниик* 'Бревно, поднятое с другом, / Бывает лёгким, / Работа, сделанная сообща, / Бывает лёгкой' (Хыйға сөс, 2021, с. 59).

Поддержка друг друга может быть в моральном плане: *Хада астан, хада сухсап чөр, / Че аргызыңны тастаба* 'Вместе нужду испытывай, / Но друга не бросай' (Хыйға сөс, 2021, с. 84); *Агас чилегелерінең тудылча, кізі-нанчыларынаң* (Кильчичаков и др., 1991, с. 173) 'Дерево держится на корнях, человек – на друзьях'.

Настоящие друзья бывают неразлучны: *Ат хулагы ікі нанчы* 'Друзья неразлучны, / Как уши лошади' (Хыйға сөс, 2021, с. 40).

В хакасском языке пословиц, репрезентирующих враждебные отношения между людьми, немного: *Пабаның ыырчызы оолгына нанчы пол полбас* 'Враг отца не сможет / Стать другом сыну' (Хыйға сөс, 2021, с. 22); *Чоным ыырчызы – минің ыырчым* 'Враг народа – мой враг' (Хыйға сөс, 2021, с. 35).

1.5. Пословицы, репрезентирующие образ хозяина (эзі) / гостя (аалчы)

К следующей категории социальных отношений следует отнести образы *хозяина* и *гостя*. Для хакасов, как и для других народов, гостеприимство является одним из важных этических правил.

Хакасы очень радушно относятся к гостю: *Аалчының ады аарлыг* 'Имя гостя свято' (Хыйға сөс, 2021, с. 17); *Кірген кізіні аалчы идерге* (Кильчичаков и др., 1991, с. 113) 'Гостя следует уважить'; *Кірген чирде аалчы пол, одыртхан столга одырып ал* (Кильчичаков и др., 1991, с. 94) 'Будь гостем, коль зашел, садись за стол'.

К щедрому хозяину, когда приезжает гость, приходят и соседи: *Аалчының ады – аал-хончының харны* 'Приезд гостя соседям повод для пиршества (букв. *гостя имя – соседей желудок*)' (Хыйға сөс, 2021, с. 17).

У хакасского народа не приветствуется злоупотреблять гостеприимством хозяев, о чем можно судить по следующим пословицам: *Одырган чирде он хонмачаң* 'Там, где сел, не ночуют десять дней' (Хыйға сөс, 2021, с. 20); *Тосхан чирде тогыс хонмачаң* 'Где досыта наелся, девять дней не ночуют' (Хыйға сөс, 2021, с. 75).

1.6. Пословицы, репрезентирующие образ соседей (аал-хончы)

Важную роль в жизни человека играют соседи. В хакасских пословицах и поговорках соседи всегда находят общий язык: *Аал-күннің абы пір, / Аал-хончының чөбі пір* 'У односельчан охота общая, / У соседей совет общий' (Хыйға сөс, 2021, с. 8). Соседи вместе в радости: *Көглезерде – аал-хончың чахсы, чобагда – туган чахсы* 'В веселье – соседи хороши, в горе – родня хороша' (ХРС, 2006, с. 17).

Взаимовыручка соседей прослеживается в пословице *Хончыхта пар ниме минде пар полар, минде пар ниме хончыхта полар* (Кильчичаков и др., 1991, с. 128) 'То, что есть у соседа, будет у меня, то, что есть у меня, будет у соседа'.

1.7. Пословицы, репрезентирующие образ мужчины (ир кізі) / женщины (ипчі кізі)

В пословицах и поговорках образ мужчины и женщины раскрывается с помощью характеристик их социальных качеств.

Мужчина считается защитником, от природы имеющим крепкую силу и волю. Его слово обычно закон: *Ирнің холы хатыг полчаң* 'Рука мужчины бывает крепкой' (Хыйға сөс, 2021, с. 12); *Изер пазы ікі полчаң, / Ирнің чоогы сын полчаң* 'У седла две луки бывает, / Слово мужчины верным бывает' (Хыйға сөс, 2021, с. 90).

Также непременным условием формирования и взросления мужчины является преодоление жизненных трудностей: *Ир кізінің істінде изерліг ат чызаан* 'Мужская стойкость не знает предела' (букв. *внутри мужчины осёдланная лошадь разлагается*) [Покаякова, 2023, с. 90];

Иреені көрбеен ир чоғыл ‘Нет мужчины, / Не испытывавшего тяжестей жизни’ (Хыйға сөс, 2021, с. 13); *Чазыда чортпаан ат чоғыл, / Чазыбин өскен ир чоғыл* ‘Нет лошади, которая не пробегала бы рысью по степи, / Нет мужчины, который не испытал бы тяготы жизни’ (Хыйға сөс, 2021, с. 45).

Почет и уважение воздается мужчине, который держит свое слово: *Ир кізінің сөзі хар нимес хайыл парарга* (Кильчичаков и др., 1991, с. 160) ‘Слово мужчины не снег, чтобы растаять’.

В хакасской культуре осуждается пустословие мужчины: *Ир кізі хоп чоох таратпаан* ‘Мужчины сплетнями не занимаются’ (Хыйға сөс, 2021, с. 12); *Ир кізі хоп чоох таратпаңаң* ‘Мужчине недостойно пересудами заниматься’ (Хыйға сөс, 2021, с. 68).

Кроме того, отмечается слабость характера у мужчин: *Чабал мал ибге айланминча, / Чөскін оол ибде хонминча* ‘Дурная скотина своего двора не знает, / Гуляющий мужчина ночует не дома’ (Хыйға сөс, 2021, с. 91).

Образ женщины в хакасской паремииологии представлен достаточно узко и касается определенного периода ее жизни, связанного с уходом из отчего дома в связи с замужеством: *Хыс – кізі пайы* ‘Дочь – это чужое богатство’ (Хыйға сөс, 2021, с. 902); *Хызым пір – хынар кізі чүс* ‘Дочь одна – женихов сто’ (Хыйға сөс, 2021, с. 123).

Женщине не следует всегда рассчитывать на мужчину: *Адым чабас тіп, адыңа ізенме, / Ирім чахсы тіп, иріңе ізенме* ‘Не надейся на своего коня, мол, смиренный, / Не надейся на мужа, мол, хороший’ (Хыйға сөс, 2021, с. 144).

Отметим, что в хакасских пословицах и поговорках зафиксированы семейные отношения между мужчиной и женщиной с позитивной оценкой: *Аат ирепчи осхас, ынаглар* ‘Дружны как турпанья пара’ (Хыйға сөс, 2021, с. 59); *Азырылбас-парбас аат ирепчи* ‘Неразлучная пара огарей (о дружных супругах)’ (ХРС, 2006, с. 132).

1.8. Пословицы, репрезентирующие образ богатого (*пай*) / бедного (*чох*) человека

В хакасских паремиях, связанных с богатством и бедностью, осуждаются пороки богачей: *Пай пазынадыр, чох чобаладыр* ‘Бай угнетает, бедняк страдает’ (ХРС, 2006, с. 339).

Некоторые пословицы свидетельствуют о том, что не стоит надеяться на богатого человека: *Пайдаң сурба, чахсы кізідең сур* ‘Спроси не у богача, а у хорошего человека’ (ХРС, 2006, с. 339); *Суга тайанма, пайга ізенме* ‘На воду не опирайся, / На богатого не надейся’ (Хыйға сөс, 2021, с. 32); *Пайга паарсаба, чохха чол көзіт* ‘Не проявляй ласку богатому, лучше покажи дорогу бедному’ (Хыйға сөс, 2021, с. 32).

Бедный человек всегда несчастный: *Чохтың чобаа улуг* ‘У бедняка много забот’ (Хыйға сөс, 2021, с. 49); *Чохтың чолы хатыг* ‘У простака – дорога нелегка’ (Хыйға сөс, 2021, с. 94); *Чох кізінің пайы – пай кізінің изі* ‘Труд бедняка – это богатство бая’ (ХРС, 2006, с. 992).

1.9. Пословицы, репрезентирующие образ родной земли (*төрөөн чир*)

Для любого человека самое ценное – это родина. «В основе мировоззрения сибирских тюркских народов лежит любовь к родной земле и особая привязанность к ней. Человек находится под защитой родной земли, реки, горы, своего рода и предков. Он живет в гармонии с окружающими его природой и духами, ведя с ними постоянный диалог» [Жизненное пространство..., 2021, с. 214].

В хакасском языке концепт *РОДНАЯ ЗЕМЛЯ* репрезентируется большим количеством пословиц и поговорок, в которых доминируют имена прилагательные: *погда* ‘красивый, видный, представительный’, *күстіг* ‘сильный’, *сигбін* ‘питательный’: *Кізі чирі күстіг полчаң, / Постың чирі погда полчаң* ‘Чужая земля сильная, / Своя земля красивая’ (Хыйға сөс, 2021, с. 124); *Пос чирінде пуға даа күстіг* ‘На своей земле и бык силен’ (Хыйға сөс, 2021, с. 135); *Пос чирі сигбін полчаң* ‘Своя земля – улада’ (Хыйға сөс, 2021, с. 27).

«Родной земле противопоставляется чужая земля» [Чугунекова, 2017, с. 340], которая в хакасском языке передается через пословицу *Kızı çiri kişlig polçañ / Кииктиң оды оолыг* ‘Чужбина горька, / Трава, что ест косуля, ядовита’ (Хыйга сөс, 2021, с. 90).

Часто в хакасских пословицах маркерами *родной земли* выступают лексемы *суз* ‘река’, *таг* ‘гора’ и *чирим* ‘родная земля’: *Чабыс таа полза, таам пар, тайыс таа полза, суум пар* ‘У каждого своя родина (букв. хоть и низкая, но своя гора у меня есть, хоть и неглубокая, но своя река у меня есть)’; *Суглыг кизи сууна айланчаң, / Иблиг кизи ибге айланчаң* ‘Имеющий реку, / К реке возвращается, / Имеющий дом, / Домой возвращается’ (Хыйга сөс, 2021, с. 104); *Суглыг кизи суума сужсапчам, чирлиг кизи чириме чирсипчем* ‘[я], имеющий свою реку, тоскую по [своей] реке, [я], имеющий свою землю, тоскую по [своей] земле’ (Хыйга сөс, 2021, с. 516); *Чирим пар тин, / Чирсип турадыр, / Суум пар тин, / Сужсап турадыр* ‘Говоря, что имею свою землю, / Тоскую по [своей] земле, / Говоря, что имею [свою], реку, / тоскую по [своей] реке’ (Хыйга сөс, 2021, с. 112).

В хакасских пословицах концепт *ТӨРЕЕН ЧИР* ‘родная земля’ имеет неразрывную связь с концептом *ЧУРТ* ‘дом’. «Дом метафорически ассоциируется с гнездом, а сам человек – с птицей» [Ойноткинова, 2012, с. 229]: *Уйалыг хус уйазынзар тартынчаң, / Чурттыг кизи ибінзер айланчаң* ‘Птица, имеющая гнездо, / В гнездо возвращается, / Человек – домой возвращается’ (Хыйга сөс, 2021, с. 103).

2. Экономические отношения

2.1. Пословицы, репрезентирующие труд / работу (*тогыс*)

На материале русской паремиологии концепт *ТРУД* описан в кандидатской диссертации Л. В. Басовой [2005]. Кроме того, концепт *ТРУД* на примере пословиц и поговорок немецкого, английского, русского, башкирского и татарского языков был объектом внимания в работе Р. Х. Караимовой [2004]. На хакасском паремическом материале имеется подробное исследование образа трудолюбивого / ленивого человека [Чертыкова, 2021]. Автор статьи характеризует трудолюбивого человека как надежного, добросовестного, усердного, основательного работника, который благодаря своему трудолюбию обеспечивает питанием себя и свою семью. Ленивый человек отмечен такими мотивационными признаками, как «бестолковость, склонность ко сну, малоподвижный образ жизни, пустая и бесцельная трата времени, проживание и питание за чужой счёт». Однако, как считает М. Д. Чертыкова, «лентяй в народном сознании не воспринимается совсем как безнадёжный и пропащий человек, о чём свидетельствуют пословицы, предупреждающие о негативных последствиях лени и имеющие воспитательный характер» [Там же, с. 79].

2.2. Пословицы, репрезентирующие образ денег (*ахча*) и долга (*алым*)

Деньги – это особый товар, занимающий значительное место в жизни человека. В любом обществе существуют отношения взаимовыручки, взаимопомощи.

Анализ паремий, семантически основанных на описании и оценке ключевого понятия *ахча* ‘деньги’ в хакасском языке, показывает, что финансово состоятельный человек притягивает к себе людей: *Ахчалыг таныстыг полчаң* ‘У богатого много знакомых’ (Хыйга сөс, 2021, с. 33).

Деньги могут поссорить даже самых близких друзей: *Нанчы нанчыдаң – Сан саннаң* ‘Дружба дружбой, / А деньги – врозь’ (Хыйга сөс, 2021, с. 104).

Не всегда деньги несут в себе ценность: *Астаан кизе алтын кирек чох* ‘Голодному и золоту не на пользу’ (ХРС, 2006, с. 57).

Взятые в долг деньги подлежат обязательному возврату: *Ахча санныг полчаң, / Алым төлеглиг полчаң* ‘Деньги любят счет, / Долг подлежит возврату’ (Хыйга сөс, 2021, с. 11); *Одісті өріндіре пирчең* ‘Долг платежом красен (букв. долг с радостью отдаётся)’ (Хыйга сөс, 2021, с. 20); *Одіс өлбечең* ‘Что отдано в долг, возвращается (букв. долг не умирает)’ (Хыйга сөс, 2021, с. 20).

Деньги, взятые в долг, – это чужое добро, которое не принесет пользы: *Алымнаң өделен полбассын* ‘В долгах не разбогатеешь’ (Хыйга сөс, 2021, с. 91).

2.3. Пословицы, репрезентирующие образ пьяницы / пьющего человека (*изеечі*)

В хакасском паремическом фонде имеются пословицы, осуждающие пьянство: *Арага хыйганы даа түзірче* ‘Водка и умного свалит’ (Хыйга сөс, 2021, с. 9); *Арага іскен кізі айнаа төбөй* ‘Пьяный человек похож на чёрта’ (Хыйга сөс, 2021, с. 135); *Арага ардатча, / Агыл-сагысты сайбапча* ‘Водка портит человека, / Разум расстраивает’ (Хыйга сөс, 2021, с. 100).

Пьяный человек является источником бед для своих родных и окружающих его людей: *Ыгырос изер атха чобаг, / Изірік кізі чонга харыг* ‘Скрипучее седло забота коня, / Пьяный человек народу обуза’ (Хыйга сөс, 2021, с. 126); *Іскеннің тілі сыхча* ‘У выпившего язык развязывается’ (Хыйга сөс, 2021, с. 14).

В хакасском языке много пословиц, пропагандирующих трезвый образ жизни: *Арага іскенче, / Ачыг айран² іс тур* ‘Чем араку пить, / Лучше крепкий айран пей’ (Хыйга сөс, 2021, с. 79); *Араганы іскенче, / Пу ахчатхан сугны іс* ‘Чем араку пить, / Лучше проточную воду пей’ (Хыйга сөс, 2021, с. 79); *Арачыны синінче іс, / Ас-тамахты тосханча чі* ‘Вино пей в меру, / Пищу ешь досыта’ (Хыйга сөс, 2021, с. 79). Раньше хакасы употребляли некрепкий алкогольный напиток, который называется *айран арагазы* ‘вино из айрана, айранная водка’ или *тадар³ арагазы* ‘хакасская водка, приготовленная из молока’. В составе пословиц также встречаются эти лексемы: *Айран арагазы іскенче, / Абыртхы⁴ іс чөр* ‘Чем крепкий айран пить, / Лучше абыртхы пей’ (Хыйга сөс, 2021, с. 79).

Заключение

Всё вышеизложенное позволяет заключить, что в хакасском паремическом фонде широко репрезентированы социально-экономические отношения человека.

Социальный аспект реализуется через паремические выражения, в которых отражены образы народа, родственников, детей, друзей, врагов, хозяев, гостей, соседей, а также мужчин и женщин. Образ народа утверждает нормы и правила коллективизма, мирного сосуществования в обществе. Дети, родители и родственники являются главными составляющими семейных отношений, всегда приходят на помощь друг другу. Хозяин отличается гостеприимством, а гость, в свою очередь, не злоупотребляет этим. Соседи, как правило, наделяются такими качествами, как доброта и отзывчивость. Из проанализированного языкового материала видно, что мужчина наделяется более высокой долей стереотипных характеристик: силой, стойкостью, твердостью характера и т. д., а женщина выступает как добрая, нежная, но в то же время сильная.

Экономические отношения в хакасских пословицах и поговорках отражают представления о материальном состоянии человека, его трудовой деятельности и товарно-денежной составляющей. Богатство является пороком и осуждается, а бедность вызывает сострадание. Труд человека находит выражение в рамках оппозиции *труд – лень*. Денежные отношения представлены как антиценность и противопоставляются ценности *человек*.

² *Айран* – кислый молочный напиток особой закваски (ХРС, 2006, с. 44).

³ *Тадар* – разг. хакас // хакасский (народное самоназвание хакасов) (ХРС, 2006, с. 572).

⁴ *Абыртхы* – напиток, который готовится из пророщенного зерна пшеницы, ячменя или овса (ХРС, 2006, с. 23).

Список литературы

- Басова Л. В.** Концепт «труд» в русском языке: на материале пословиц и поговорок: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 244 с.
- Бытотова Р. С.** Человек и его характеристика в русских и тувинских пословицах и поговорках как отражение национально-ценностных ориентиров в языковой картине мира // Вестник Тув. гос. ун-та. 2020. Вып. 1: Социальные и гуманитарные науки, № 3 (64). С. 22–33.
- Геляева А. И.** Человек в языковой картине мира. Нальчик: Кабардино-Балкар. ун-т, 2002. 177 с.
- Джелалова Л. А.** Образ человека когнитивном пространстве русских паремий (опыт исследования): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2015. 24 с.
- Жизненное пространство и духовный мир человека через призму языков Сибири / Отв. ред. Н. Б. Кошкарева, Е. В. Тюттешева; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии. Новосибирск: Академиздат, 2021. 300 с.**
- Караимова Р. Х.** Концепт «труд / лень» в паремиологии неродственных языков: на примере немецкого, английского, русского, башкирского и татарского языков: Дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004. 202 с.
- Леднёва А. В.** Паремиологическая картина мира в русском и немецком языках (тематический блок «Человек»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2015. 24 с.
- Мирзаева Т. А.** Оценка человека в пословицах и поговорках русского, английского, испанского и табасаранского народов: морально-нравственная сфера: Дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2008. 211 с.
- Ойноткинова Н. Р.** Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров: Монография / Отв. ред. О. Н. Лагута. Новосибирск, 2012. 354 с.
- Покоякова К. А.** Семантика зоонимов в хакасских пословицах и поговорках // Эпосоведение. 2023. № 3. С. 70–78.
- Хайруллина Р. Х.** Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию. Уфа: Изд-во Башк. гос. пед. ун-та, 2000. 285 с.
- Чертыкова М. Д.** Образ трудолюбивого / ленивого человека в хакасской пословичной картине мира // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. № 2 (32). С. 79–92.
- Чугунекова А. Н.** Концепт *чир* ('земля') в языковой картине мира хакасов // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 3 (64). С. 338–342.

Список источников

- Кильчичаков М. Е., Шулбаева В. Г., Митхас Туран, Котожеков Г. Г.** Пьесалар. «Всходы»: Сб. пьес. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1991. 264 с.
- ХРС – Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк.** Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
- Хыйҕа сөс: сиспектер, сөспектер паза таптырҕастар = Мудрое слово: хакасские пословицы, поговорки и загадки / ГБНИУ РХ «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории»; сост., ред.: У. Н. Кирбижекова, Ю. И. Чаптыкова, Н. С. Чистобаева. 4-е изд., доп. Абакан: Хак. кн. из-во им. В. М. Торосова, 2021. 188 с.**

References

- Basova L. V.** Kontsept “trud” v russkom yazyke: na materiale poslovits i pogovorok [The concept of “labor” in the Russian language: on the material of proverbs and sayings]. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2005, 244 p. (in Russ.)

- Bytotova R. S.** Chelovek i ego kharakteristika v russkikh i tuvinskikh poslovitsakh i pogovorkakh kak otrazhenie natsional'no-tsennostnykh orientirov v yazykovoii kartine mira [Man and his characteristics in Russian and Tuvan proverbs and sayings as a reflection of national-value orientations in the linguistic picture of the world]. *Bulletin of Tuva State University*, 2020, iss. 1: Social and Humanitarian Sciences, no. 3 (64), pp. 22–33. (in Russ.)
- Chertykova M. D.** Obraz trudolyubivogo / lenivogo cheloveka v khakasskoi poslovichnoi kartine mira [The image of a hardworking / lazy person in the Khakass proverbial picture of the world]. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy* [Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research], 2021, no. 2 (32), pp. 79–92. (in Russ.)
- Chugunekova A. N.** Kontsept *chir* ('zemlya') v yazykovoii kartine mira khakasov [Concept *chir* ('earth') in the linguistic picture of the Khakass world]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of Science, Culture, Education], 2017, no. 3 (64), pp. 338–342. (in Russ.)
- Dzhelalova L. A.** Obraz cheloveka v kognitivnom prostranstve russkikh paremii (opyt issledovaniya) [The image of a person in the cognitive space of Russian paremias (research experience)]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Ufa, 2015, 24 p. (in Russ.)
- Gelyaeva A. I.** Chelovek v yazykovoii kartine mira [Man in the linguistic picture of the world]. Nalchik, Kabardino-Balkar Uni. Press., 2002, 177 p. (in Russ.)
- Karaimova R. Kh.** Kontsept "trud / len" v paremiologii nerodstvennykh yazykov: na primere nemetskogo, angliiskogo, russkogo, bashkirskogo i tatarskogo yazykov [The concept of "labor / laziness" in the paremiology of unrelated languages: On the example of German, English, Russian, Bashkir and Tatar languages]. Cand. Philol. Sci. Diss. Ufa, 2004, 202 p. (in Russ.)
- Khairullina R. Kh.** Frazeologicheskaya kartina mira: ot mirovideniya k miroponimaniyu [Phraseological picture of the world: from worldview to worldview]. Ufa, BSPU Press, 2000, 285 p. (in Russ.)
- Koshkareva N. B., Tyuntешеva E. V.** (eds.). Zhiznennoe prostranstvo i dukhovnyi mir cheloveka cherez prizmu yazykov Sibiri [Living space and the spiritual world of man through the prism of the languages of Siberia]. Novosibirsk, Akademizdat Publ., 2021, 300 p. (in Russ.)
- Ledneva A. V.** Paremiologicheskaya kartina mira v russkom i nemetskom yazykakh (tematicheskii blok "Chelovek") [Paremiological picture of the world in Russian and German (thematic block "Man")]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Ufa, 2015, 24 p. (in Russ.)
- Mirzaeva T. A.** Otsenka cheloveka v poslovitsakh i pogovorkakh russkogo, angliiskogo, ispan-skogo i tabasaranskogo narodov: moral'no-nravstvennaya sfera: [Evaluation of a person in proverbs and sayings of the Russian, English, Spanish and Tabasaran peoples: moral sphere]. Cand. Philol. Sci. Diss. Stavropol, 2008, 211 p. (in Russ.)
- Oinotkinova N. R.** Altaiskie poslovitsy i pogovorki: poetika i pragmatika zhanrov [Altai proverbs and sayings: poetics and pragmatics of genres]. Monograph. Ed. by O. N. Laguta. Novosibirsk, 2012, 354 p. (in Russ.)
- Pokoyakova K. A.** Semantika zoonimov v khakasskikh poslovitsakh i pogovorkakh [Semantics of zoonyms in Khakass proverbs and sayings]. *Eposovedenie* [Epic Studies], 2023, no. 3, pp. 70–78. (in Russ.)

List of Sources

- Kilchichakov M. E., Shulbaeva V. G., Mithas Turan, Kotozhkov G. G.** P'esalar. "Vskhody" [Plays "Shoots"]. Collection of plays. Abakan, Khakass Book Publ., 1991, 264 p. (in Khakass)
- Khakassko-russkii slovar' [Khakass-Russian Dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 1114 p. (in Khakass and Russ.)
- Kirbizhekova U. N., Chapt'ykova Yu. I., Chistobaeva N. S.** (eds.). Hyjra sös: sispekter, söspekter paza taptyrǵastar = Mudroe slovo: khakasskie poslovitsy, pogovorki i zagadki [Wise word: Khakass proverbs, sayings and riddles]. 4th ed. Abakan, V. M. Torosov Khakass Book Publ., 2021, 188 p. (in Khakass)

Информация об авторах

Алена Николаевна Чугунекова, доктор филологических наук, доцент

WoS Researcher ID M-6869-2018

Scopus Author ID 57219597991

RSCI Author ID 475064

Карина Александровна Покоякова, кандидат филологических наук

WoS Researcher ID M-4341-2016

RSCI Author ID 820512

Information about the Authors

Alena N. Chugunekova, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor

WoS Researcher ID M-6869-2018

Scopus Author ID 57219597991

RSCI Author ID 475064

Karina A. Pokoiakova, Candidate of Sciences (Philology)

RSCI Author ID 820512

Вклад авторов:

А. Н. Чугунекова – введение, результаты исследования (1, 1.1–1.9).

К. А. Покоякова – аннотация, результаты исследования (2, 2.1–2.3), заключение.

Contribution of the Authors:

Alena N. Chugunekova – introduction, research results (1, 1.1–1.9).

Karina A. Pokoiakova – abstract, research results (2, 2.1–2.3), conclusion.

*Статья поступила в редколлегию 10.10.2023;
одобрена после рецензирования 23.11.2023; принята к публикации 25.11.2023
The article was submitted on 10.10.2023;
approved after reviewing on 23.11.2023; accepted for publication on 25.11.2023*

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-92-101

Псалтирь с Часословцем Ивана Федорова как сборник: структура и источники

Алексей Александрович Юдин¹

Василий Вячеславович Подопригора²

Инна Александровна Шилова³

Антон Николаевич Коваленко⁴

¹⁻⁴ Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ yudin@gpntbsib.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1389-6806>

² podoprigora@gpntbsib.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8655-3217>

³ shilova@gpntbsib.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1434-312X>

⁴ kovalenko@gpntbsib.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5127-0962>

Аннотация

Статья посвящена изучению особенностей состава и структуры издания Ивана Федорова Псалтирь с Часословцем (Заблудов, 1570 г.), которое рассматривается как вариант сборника Псалтирь с воследованием. Анализируются составные части книги (Часословец, предисловия к тексту Псалтири, надписания к псалмам) с точки зрения их соответствия рукописной и печатной традиции следованных псалтирей XV–XVI вв. и возможных источников. Авторы приходят к выводу о том, что издание Псалтири с Часословцем выделяется среди современных ему рукописных и печатных аналогов оригинальной композицией предисловной части и особой редакцией надписаний.

Ключевые слова

Псалтирь с Часословцем, Иван Федоров, Псалтирь с воследованием, надписания к псалмам, сборник

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-01495 «Книги кириллической традиции сибирских епархиальных собраний Русской Православной Церкви: изучение и сохранение культурного наследия»

Для цитирования

Юдин А. А., Подопригора В. В., Шилова И. А., Коваленко А. Н. Псалтирь с Часословцем Ивана Федорова как сборник: структура и источники // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 9: Филология. С. 92–101. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-92-101

Ivan Fyodorov's Psalter with Book of Hours as a Miscellany: Composition and Sources

Aleksei A. Yudin¹, Vasilii V. Podoprighora²
Inna A. Shilova³, Anton N. Kovalenko⁴

¹⁻⁴ State Public Scientific Technological Library
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ yudin@gpntbsib.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1389-6806>

² podoprighora@gpntbsib.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8655-3217>

³ shilova@gpntbsib.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1434-312X>

⁴ kovalenko@gpntbsib.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5127-0962>

Abstract

Purpose. The article studies the features of composition and structure of Ivan Fyodorov's edition the Psalter with Book of Hours, which is considered as a particular version of the Augmented Psalter miscellany.

Results. Authors analyze main components of the edition from the point of view of their correspondence to the manuscript and early printed tradition of the Augmented Psalter of the 15th – 16th centuries and search for their possible sources. The article reveals peculiarities of composition of the texts in the Horologion part and suggests that the miscellany was specially adapted to the needs of parish churches, in which there was no need or possibility to celebrate the daily divine worship prescribed by the Jerusalem Typicon. The article identifies possible sources of the foreword part to the Psalter and concludes that Ivan Fyodorov was guided by the contemporary manuscript tradition of Augmented Psalter, but the selection and composition of the texts are original and do not yet find exact correlations in manuscripts and early printed miscellanies. The article analyses the features of composition of the superscriptions to psalms and their sources that were the commentaries of pseudo-Athanasius of Alexandria and superscriptions probably based on the glosses reflecting the exegesis of Theodoret of Cyrus.

Conclusion. The authors conclude that the edition of Psalter with the Book of Hours stands out among its contemporary manuscript and early printed analogues by its original compositions of the foreword part and particular edition of the superscriptions to psalms.

Keywords

Psalter with the Book of Hours, Ivan Fyodorov, Augmented Psalter, psalm superscriptions, miscellany

Acknowledgements

The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 23-28-01495 "Books of the Cyrillic Script in Siberian Diocesan Repositories of the Russian Orthodox Church: Study and Preservation of the Cultural Heritage"

For citation

Yudin A. A., Podoprighora V. V., Shilova I. A., Kovalenko A. N. Ivan Fyodorov's Psalter with Book of Hours as a Miscellany: Composition and Sources. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 9: Philology, pp. 92–101. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-92-101

Введение

В 2022 г. в библиотеке Новосибирской православной духовной семинарии нашим коллективом был обнаружен экземпляр Псалтири с Часословцем (Заблудов, 1570). Книга поступила в семинарскую библиотеку из Никольской церкви села Новолуговое и стала известна как пятый сохранившийся экземпляр издания.

Исследователей Псалтири с Часословцем интересовали исторические обстоятельства появления этой книги (Е. Л. Немировский. Ю. А. Лабынцев, Л. Л. Щавинская), ее полиграфические особенности и следы бытования экземпляров (В. Ф. Шматов, В. И. Свенцицкая, А. П. Запаско). Отдельной задачей стало создание полноценного описания по сохранившимся дефектным экземплярам (см.: [Cyrillic Books..., 2000, p. 22–24; Гусева, 2003, с. 368–370; Вознесенский, Николаев, 2019, с. 21–23] и др.). Проблема источников книги, ее связь с рукописной традицией псалтирей разных типов не становились еще предметом исследования.

Структура Псалтири с Часословцем как Псалтири с воследованием

Заблудовское издание Ивана Федорова относится к типу псалтири с воследованием, главным отличием которого является наличие Часослова (и шире: Канонника и Месяцеслова) [Алексеев, 1999, с. 22–23; Вознесенский, 2010, с. 86; Семячко, 2011, с. 60]. Между тем Следованная псалтирь как сборник постоянного состава характеризуется вариативностью ее компонентов [Лихачева, 1981, с. 224, 226]. Исследование такого сборника с «наличием в нем некоего текстового ядра, определяющего общее направление его развития и специфику приложений», предполагает осмысление особенностей его «концептуального варьирования» [Дергачева-Скоп, 2011, с. 219, 216].

Наиболее точная реконструкция состава Псалтири с Часословцем принадлежит А. В. Вознесенскому [Вознесенский, Николаев, 2019, с. 21]. В издании нет текстов Канонника и Месяцеслова. Часть с Часословцем по порядку расположения чтений суточного круга соответствует Часовнику, в том числе московским изданиям самого Ивана Федорова и Петра Мстиславца 1565 г.: вечерня, часы, утренняя, повечерие. Этим заблудовское издание отличается от рукописных Часословцев в виде отдельной книги и в составе Следованной псалтири с иным порядком чтений (полунощница, утренняя, часы, вечерня, повечерие) [Андреев, Мольков, 2023, с. 19, 21]. Отметим, что Иван Федоров помещает полунощницу в отдельный раздел, о чем сказано в Предисловии Г. А. Ходкевича: «4-е. Полунощ[ица по вся] дни и по вся субо[ты]» (л. [5]).

При этом в московских изданиях Часовника и в заблудовском нет таких распространенных статей, как малая павечерница, воскресная полунощница и почасий. Такой состав, как мы считаем, был специально адаптирован под нужды приходских храмов, в которых не было необходимости или возможности совершения ежедневного богослужения¹. В таком случае действительно нет потребности печатать малую павечерницу как келейную службу периода пения Октоиха или воскресную полунощницу, которая с точки зрения Иерусалимского устава является анахронизмом², но традиционно входит в постоянный состав Часословов. О таком назначении заблудовского издания свидетельствует и состав Предисловия, в котором отсутствуют статьи сугубо аскетического характера, такие как «Чин, како подобает иноку пети Псалтирь», «Устав святых отец Богом прѣдан всѣм хотящимъ дръжати Псалтырь...» и т. п.

Предисловная часть к тексту Псалтири

Особого внимания заслуживают начальные тексты, расположенные после вступления Г. А. Ходкевича и рубрицированные с помощью орнаментики на два раздела – «Предисловие в книгу сию глаголемую Псалтырь» (далее – Предисловие) и «Чин како подобает пѣти Псалтырь». Текст Предисловия неоднороден и состоит из пяти частей: 1) Без заглавия. Нач.: «Всяко Писание богодуховенно...»; 2) Без заглавия. Нач.: «Давид великий Богоотец царь и пророк бѣ...»; 3) Василия Великого. Нач.: «Никия же бо иныя книги тако Бога славят...»; 4) «Вопрошен бысть великий Иоан Златаустый...»; 5) «Толкование о неразумных словесѣх псалтырных».

Отмечались оригинальность и отсутствие точных аналогов Предисловия в предшествующей рукописной и печатной традиции следованных псалтирей, автором которого мог быть книжник-нестяжатель старец Артемий [Немировский, 1979, с. 133]. Для первой части Предисловия П. В. Владимировым было найдено соответствие уже в раннем кириллическом книго-

¹ Аналогично тому, как в начале христианства в Древней Руси были популярны краткие Евангелия-апракосы, хранившие чтения только для суббот и воскресений [Пентковский, 2015, с. 382].

² Согласно Иерусалимскому уставу каждое воскресенье служится многочасовое бдение, которое состоит из вечерни, утрени и первого часа [Желтов, Ткаченко, 2005].

печатании – в цетиньской Псалтири с воследованием 1495 г.³ В ней имеется текст с заглавием «Иже в святых отца нашего Василия Великого, прѣдисловие в начело псалмом»⁴ (нач.: «Всяко Писание богодухновенно...») [Владимиров, 1888, с. 83].

При сравнении этого отрывка предисловия в черногорской Псалтири с первой частью Предисловия Ивана Федорова (без заглавия) оказывается, что эти сочинения текстуально близки. Если учесть рукописную традицию, к которой не обращались исследователи, вопрос о заимствовании Иваном Федоровым слова Василия Великого представляется более сложным. Так, для первой части федоровского Предисловия есть соответствие в рукописных псалтирях, сохранивших указание на авторство текста. Например, в списке Псалтири с воследованием XVI в. из собрания М. А. Оболенского читается статья «Иже в святых отца нашего Василия Великого, предисловие в начало псалмом»⁵. Ее сравнение с текстом заблудовской Псалтири с Часословцем обнаруживает незначительные разночтения: лексико-грамматические замены глагольных форм, например, *приемлют, повѣдует, умягчает* в рукописи – *избирают, воспоминает, умягчает* в издании. Выявленные разночтения сближают издание с цетиньской Псалтирью. Вместе с тем в Предисловии есть общие чтения с рукописной Псалтирью из собрания М. А. Оболенского, которые не совпадают с черногорским изданием 1495 г. Просмотр рукописей следованных Псалтирей XVI в. пока не позволил определить протограф Предисловия, сам печатник сообщает, что работал с несколькими списками, что ясно из его слов: «[...] зыными псалтырми и поправивши, где в чом помылка была» (л. [4] об.).

Отметим также, что предисловная часть цетиньского издания 1495 г. отличается от подобной в Псалтири с Часословцем. Она открывается разделом «Прѣдисловие и сказ како съставлень бысть псалтирь», заблудовское же издание открывается сочинением Василия Великого, в цетиньском сборнике оно идет вторым. Отсутствие имени автора у первого сочинения в черногорской Псалтири сближает ее с заблудовским изданием.

Если обратиться ко второй части федоровского Предисловия, начинающейся словами «Давид великий богоотец...», то ее обнаружение в рукописях следованных псалтирей указывает на прямую связь Предисловия заблудовского издания с начальным сочинением «Прѣдисловие и сказ» черногорской Псалтири. Например, в списке из собр. М. А. Оболенского у него есть киноварное заглавие: «Евсевия архиепископа Памфилийскаго, сказание о составлении Псалтири...»⁶. По сравнению с ним, эта часть Предисловия в издании 1570 г. существенно сокращена: выпущена сцена с уничтожением Мелхолой пляшущего при обретении Ковчега Завета Давида и, далее, отрывок о назначении Давидом певцов для восхваления имени Господа перед Ковчегом. При этом оставлено начало этого предисловия Евсевия, введена краткая информация об авторстве отдельных псалмов и сохранена концовка сочинения о собирании Ездрой псалмов в единую книгу. Переработанный печатный текст более краток, направлен на понимание читателем устройства книги, без темных мест и упоминания персонажей, напрямую не связанных с созданием Псалтири. Обращает на себя внимание и различие в порядке следования фрагментов сочинений Василия Великого и Евсевия Памфила в рукописи и печатной книге. Если в псалтирном сборнике из собрания М. А. Оболенского сочинение Евсевия Памфила помещено перед предисловием Василия Великого, то в Псалтири 1570 г. его переработка следует за ним. Объяснить это можно логикой текста обоих сборников, рукописного и печатного, в первом случае сочинение Евсевия Памфила предваряют два Сказания о Давиде царе [Каталог славяно-русских рукописных книг, с. 301]. Поэтому логичным представляется расположение в рукописной Псалтири вначале сочинений о царе

³ Псалтирь с воследованием. Цетинье: тип. Джурджа Црноевича, печатник Макарий, 1495 г. [Лукьяненко, 1989, с. 16–19].

⁴ Сочинение известно как Беседа на первую часть первого псалма, открывающая Беседы на псалмы Василия Великого [Василий Великий, 2008, с. 461–471].

⁵ РГАДА. Ф. 201. № 78. Л. 16 об.

⁶ Там же. Л. 12 об.

Давиде и его роли в создании книги, а затем сочинения, восхваляющего книгу Псалтирь, каким является «Предисловие в начало псалмом Василия Великого». Такое последовательное расположение этих двух произведений встречается во многих рукописях с Псалтирью⁷. Эту рукописную традицию отражает цетинское издание, так как сочинение Евсевия Памфила открывает его «Прѣдисловие и сказ», вернее, та его часть, которую Иван Федоров не включил в Предисловие.

Что касается остальных частей Предисловия (тексты 3–5), то они встречаются в рукописях Псалтирей в разных ее местах и в композиции с другими текстами. В этой связи следует назвать сборник Матфея Десятого (БАН, Срезн. II.75), Новоспасскую Толковую Псалтирь (ГИМ, Новоспас. I) и другие списки Псалтирей с воследованием (РНБ, Соф. 54; Соф. 74; Сол. 296/316 и др). Упомянутые Л. С. Ковтун при исследовании «Толкования о неразумных словесех» «годуновские» Псалтири [Ковтун, 1963, с. 186], по нашим наблюдениям, восходят к заблудовскому изданию.

На наш взгляд, одной из задач Ивана Федорова при подготовке издания 1570 г., предназначенного в первую очередь для богослужения, являлось формирование предисловной части, небольшой по объему и при этом содержащей все необходимые сведения об истории, структуре и назначении книги, подкрепленные выдержками из сочинений отцов церкви. Избавление от киноварных заглавий с упоминанием авторов сочинений в печатном тексте также подчинено определенной цели: заглавие сочинения Евсевия Памфила в рукописях – это некий синопсис всего произведения, от которого печатник избавился при редактировании, а заголовок, предваряющий сочинение Василия Великого, «Иже в святых отца нашего Василия Великого, *предисловие в начало псалмом*», которое открывает предисловную часть заблудовского издания, был преобразован Иваном Федоровым в предуведомление ко всей книге: «*Предисловие в книгу сию глаголемую Псалтирь*». Такого соединения текстов в рукописях не встречается.

Иван Федоров опирался на современную ему рукописную традицию следованных псалтирей, имеющих в своем составе предисловия-предуведомления разного объема к псалмам. Он создал новый тип сборника, не находящий точных соответствий в рукописях и печатных сборниках, в котором изменен традиционный порядок следования предисловных статей Псалтири по сравнению с рукописной традицией, где изначально первый план отведен автору Псалтири, на более функциональную структуру предисловий, выстроенных от общего к частному – от словословий книге, каким является сочинение Василия Великого, к «резюме» предисловия Евсевия Памфила, где дается информация о царе Давиде, создании Псалтири, ее устройстве, далее, два кратких сочинения отцов церкви и, наконец, объяснение малоизвестных слов и порядка богослужебного использования книги.

Надписания к псалмам в структуре Псалтири с Часословцем

Характерную особенность заблудовского издания представляют пространные надписания к псалмам, фактически толковательные статьи, объясняющие их прообразовательный и нравоучительный смысл. Вопрос о редакциях этих надписаний, их образцах и источниках до сих пор остается открытым.

Е. Ф. Карский видел пример таких надписаний исключительно в западной, латинской традиции: краткие аннотации (*argumenta*) входили в состав Псалтири, а под влиянием польских изданий «такие *argumenta* заходят и в западнорусские псалтири, как рукописные, так и печатные» [Карский, 1896, с. 89]. Однако подобные аннотации, или «ὀρθόδοξος», были известны как в греческой традиции, так и в славянской, прежде всего в святоотеческой экзегезе.

Включение надписаний перед псалмами было одной из задач редакторской работы. В предисловии Г. А. Ходкевича сообщается, что он исправил ошибки рукописей и дополнил

⁷ Кроме извлеченных из таблиц С. А. Семячко в работе [Гордиенко и др., 2011, с. 42–45, 50, 51] десяти рукописей с подобным расположением этих статей нами найдены также: БАН, Солов. 9 (л. 2–6 и 6–9 соответственно); РНБ, Сол. 777/887 (л. 575 – 579 об., 583 об. – 587).

текст, «придавши к тому з книг греческого переводу, над кождым псалмом надписы 2, о чом в котором псалме пророк пророчествует» (л. [4] об.). В типографском оформлении это выглядит так: после указания на номер, авторство и т. п.⁸ помещены две рубрики толкований, начало каждой из них выделено заглавной буквой. В этом же предисловии первопечатник подчеркивает, что в известных ему рукописных Псалтирях таких надписаний «мало изобреталось». Не получили они широкого распространения и в кириллическом книгопечатании XV–XVI вв. [Немировский, 1979, с. 134]. П. В. Владимиров установил источник второй части надписаний к псалмам – венецианское издание Библии⁹ на чешском языке 1506 г. [Владимиров, 1888, с. 208]. Однако в Псалтири с Часословцем они несут следы редактуры, подчеркивающей божественную природу Христа наряду с человеческой в тех местах, где псалом толкуется как «глас Христов» (Пс. 3, 16, 21, 29, 34, 59), а также акцентирующей божественность Его учения (58, 59) и Его чудес (13, 90, 110). Надписания Псалтири с Часословцем 1570 г. или ее источника представляют своего рода «христологическую» редакцию надписаний чешской Библии 1506 г.

Ответ на вопрос, была ли это редакция Ивана Федорова, может дать рукопись Псалтири из собрания Е. Е. Егорова (далее – Егоровская Псалтирь)¹⁰. В ней тексты псалмов и библейских песней даны с надписаниями, практически дословно совпадающими с Псалтирью с Часословцем, тогда как надписания, восходящие к Библии 1506 г., здесь помещены в отдельной статье «Указ псалмом псалтирным...»¹¹. Возможно, при подготовке издания был привлечен сходный список Псалтири, о чем свидетельствует предисловие. Слова первопечатника можно понимать в том смысле, что он пользовался такой статьей и разместил каждое толкование перед текстом соответствующего псалма: «чтучи на местцах своих обрящещи» (л. [4] об.).

Соединение переводов надписаний из чешской Библии 1506 г. с другими, встречающимися в славянских списках Псалтири, были выявлены в рукописной традиции XVI–XVII вв. Е. Ф. Карским. Исследователю были известны две рукописи русского происхождения, где тексты псалмов сопровождаются надписаниями, сходными с Псалтирью Ивана Федорова: ГИМ, Син. 348¹² и РНБ Q.I.42 [Карский, 1896, с. 90–92]. Рукопись Q.I.42¹³ содержит только тексты надписаний и первые стихи псалмов. Ее вторичность по отношению к заблудовскому изданию оказывается очевидной: тексты надписаний копируются практически дословно.

Большого внимания заслуживает Син. 348, в которой надписания близки к Псалтири с Часословцем во второй части, восходящей к чешской Библии 1506 г. Например, надписание к Пс. 35 в издании и Син. 348 имеет усеченный вид, обрываясь на словах «а дружии горшкии», тогда как в Егоровской Псалтири есть продолжение: «кои своим мышлением без всякаго стыда и боязни беззаконствуют, яж о них глаголет сице»¹⁴.

Общим для всех трех Псалтирей источником стали надписания из сборника толкований на псалмы, приписываемого Афанасию Александрийскому или Исихию Иерусалимскому [Каталог памятников..., с. 27–28]. Они встречаются и в списках служебного типа, например в пергаменной Псалтири с воследованием конца XIV в.¹⁵

При составлении надписаний Псалтири с Часословцем 1570 г. и Егоровской Псалтири был использован дополнительный источник, не отразившийся в Син. 348. Большинство этих фрагментов обнаруживает смысловую близость с Толкованиями на псалмы Феодорита Кирского [Каталог памятников..., с. 28], древнейший список которых известен с XI в.¹⁶ Свиде-

⁸ О варьировании традиционных надписаний в московских изданиях простой Псалтири XVI–XVII вв. см.: [Вознесенский, 2010, с. 171–192].

⁹ Biblij Czeská w Benátkách tisštěná. Venetiis in edibus Petri Liechtenstein, 1506.

¹⁰ РГБ. Ф. 98. № 1684. Псалтирь. Конец XVI в.

¹¹ Там же. Л. 39–47.

¹² ГИМ. Син. 348. Псалтирь с толкованием Афанасия Александрийского, XVI в.

¹³ РНБ. ОСПК (Ф. 550), Q.I.42. Толкования на Псалтирь. XVII в.

¹⁴ РГБ. Ф. 98. № 1684. Псалтирь. Конец XVI в. Л. 40 об.

¹⁵ Там же. Ф. 304/III. № 7, посл. треть XIV в. Псалтирь Иоанна Грозного.

¹⁶ ГИМ. Чуд. 7. Псалтирь толковая Феодорита Кирского, XI в.

тельство бытования в рукописной традиции таких надписаний уже в конце XV – начале XVI в. дают список из собрания Троице-Сергиевой Лавры¹⁷ и список из собрания МДА¹⁸. Можно высказать предположение, что они возникли в результате внесения в надписания к псалмам глосс толкового характера, основанных на толкованиях Феодорита Кирского¹⁹.

Таким образом, при составлении надписаний была создана своего рода сводная редакция, основанная на «гипотезисах» Толковой Псалтири. В первую очередь это были толкования псевдо-Афанасия Александрийского и надписания, сложившиеся на основе глосс из толкований Феодорита Кирского. Обращался Иван Федоров и к традиции западно-славянского книгопечатания XVI в., однако сказать, что первопечатник ориентировался исключительно на западные образцы, нельзя, поскольку пространные надписания к псалмам известны в древнерусской рукописной традиции уже в XIV в. В своей редакции Иван Федоров проявил себя как книжник круга митрополита Макария, представляя в издании полноту традиций святоотеческой экзегезы.

Заключение

Иван Федоров создал вариант Псалтири, который, с одной стороны, содержал все основные структурные элементы, присущие этому сборнику в рукописной и ранней печатной традиции, с другой – имел оригинальную композицию предисловной части и надписаний к псалмам в сводной редакции, ранее не встречавшейся в кириллических печатных следованных Псалтирях. Состав Часословца косвенно свидетельствует о том, что создававшийся вариант книги предназначался для приходского богослужения. Особенности состава и структуры Псалтири с Часословцем позволяют охарактеризовать это издание как вариант Псалтири с воследованием, совмещающий богослужебную функцию с учительной, что согласуется с заявленным издателем назначением книги: «к чести и к хвале Божии, а к научению людем во Христа верующим» (л. [4]).

Список литературы

- Алексеев А. А.** Текстология славянской Библии. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 256 с.
- Андреев А. А., Мольков Г. А.** Часовник – Часословец – Часослов: эволюция названия книги в XI–XVIII вв. // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2023. Т. 6. С. 9–38.
- Василий Великий**, свт. Творения. М., 2008. Т. 1. 750 с.
- Владимиров П. В.** Доктор Франциск Скорина. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1888. 351 с.
- Вознесенский А. В.** К истории славянской печатной Псалтири: Московская традиция XVI–XVII веков: простая псалтирь. М.; СПб., 2010. 678 с.
- Вознесенский А. В., Николаев Н. В.** Каталог белорусских изданий кирилловского шрифта XVI–XVIII веков из собрания Отдела редких книг Российской национальной библиотеки. СПб., 2019. Вып. 1: 1523–1600 гг. С. 21–23.
- Гордиенко Э. А., Семячко С. А., Шибяев М. А.** Миниатюра и текст: К истории Следованной псалтири из собрания Российской национальной библиотеки F.I.738. СПб.: Пушкинский Дом, 2011. 248 с.
- Гусева А. А.** Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века: Сводный каталог. М., 2003. Кн. 1. 648 с.
- Дергачева-Скоп Е. И.** К проблеме концептуального варьирования печатных изданий. Простая Псалтирь // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, № 8: Филология. С. 216–221.

¹⁷ РГБ. Ф. 304.1 № 315. Псалтирь с воследованием. XV–XVI в.

¹⁸ РГБ. Ф. 173/1 № 69. Близкие (но не тождественные) варианты надписаний см. к Пс. 3–10, 23 (ошибочно заимствовано надписание Пс. 22), 24, 27.

¹⁹ См.: РГБ. Ф. 113. № 55 (140). Псалтирь с воследованием. 1550-е гг.

- Желтов Михаил**, диак., **Ткаченко А. А.** Всенощное бдение // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2005. Т. 9. С. 668–670.
- Карский Е. Ф.** Западнорусские переводы Псалтыри в XV–XVII вв. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1896. XIII, 444 с.
- Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв. (Рукописные книги) / Отв. ред. Д. М. Буланин. 2-е изд. СПб., 2019. 944 с.
- Ковтун Л. С.** Русская лексикография эпохи средневековья. М.; Л., 1963. 448 с.
- Лихачева О. П.** Служебная псалтирь как особого рода сборник // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности: Материалы Всесоюз. конф. Л., 1981. С. 222–241.
- Лукьяненко В. И.** Издания кириллической печати XV–XVII вв. (1494–1688) для южных славян и румын. Каталог книг из собрания Гос. публ. библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1989. 186 с.
- Немировский Е. Л.** Иван Федоров в Белоруссии. М.: Книга, 1979. 176 с.
- Пентковский А. М.** Лекционарий // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2015. Т. 40. С. 381–382.
- Семячко С. А.** К определению Следованной Псалтыри как сборника устойчивого состава // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, № 8. С. 59–68.
- Cyrillic Books printed before 1701 in British and Irish Collections: A Union Catalogue / Compiled by R. Cleminson, C. Thomas, D. Radoslavova, A. Voznesensky. London, 2000. 235 p.

References

- Alekseev A. A.** Tekstologiya slavyanskoi Biblii [Textology of the Slavic Bible]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1999, 256 p. (in Russ.)
- Andreev A. A., Molkov G. A.** Chasovnik – Chasoslovets – Chasoslov: evolyutsiya nazvaniya knigi v XI–XVIII vv. [Chasovnik – Chasoslovets – Chasoslov: The Evolution of the Book's Title in the 11th – 18th Centuries]. *Slavic Historical Lexicology and Lexicography*, 2023, vol. 6, pp. 9–38. (in Russ.)
- Basil the Great, saint. Tvoreniya [Works]. Moscow, 2008, vol. 1, 750 p. (in Russ.)
- Bulanin D. M.** (ed.). Katalog pamyatnikov drevnerusskoi pis'mennosti XI–XIV vv. (Rukopisnye knigi) [Catalogue of Monuments of Ancient Russian Writing of the 11th – 14th Centuries (Manuscript Books)]. 2nd ed. St. Petersburg, 2019, 944 p. (in Russ.)
- Cleminson R., Thomas C., Radoslavova D., Voznesensky A.** (comp.). Cyrillic Books printed before 1701 in British and Irish Collections: A Union Catalogue. London, 2000, 235 p.
- Dergacheva-Skop E. I.** K probleme kontseptual'nogo var'irovaniya pechatnykh izdaniy. Prostaya Psaltir' [On the question of concept variation of printed publications. The simple Psalms]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2011, vol. 10, no. 8: Philology, pp. 216–221. (in Russ.)
- Gordienko E. A., Semyachko S. A., Shibaev S. A.** Miniatiura i tekst: K istorii Sledovannoi psaltiri iz sobraniia Rossiiskoi natsional'noi biblioteki F. I. 738 [Miniature and Text: To the History of the Following Psalter from the Collection of the Russian National Library. F. I. 738]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2011, 248 p. (in Russ.)
- Guseva A. A.** Izdaniya kirillovskogo shrifta vtoroi poloviny XVI veka: Svodnyi katalog [Editions of the Cyrillic script of the second half of the 16th century: Union catalogue]. Moscow, Indrik Publ., 2003, pt. 1, 648 p. (in Russ.)
- Karsky E. F.** Zapadnorusskie perevody Psaltyri v XV–XVII vv. [Ruthenian translations of Psalter in 15th – 17th centuries]. Warsaw, Typography of Warsaw educational district, 1896. XIII, 444 p. (in Russ.)
- Kovtun L. S.** Russkaya leksikografiya epokhi srednevekov'ya [Russian lexicography of the medieval period]. Moscow; Leningrad, 1963, 448 p. (in Russ.)

- Likhacheva O. P.** Sluzhebnyaya psaltir' kak osobogo roda sbornik [The Augmented Psalter as a special kind of miscellany]. In: Problems of Scientific Description of Manuscripts and Facsimile Publication of Written Monuments: Proceedings of the All-Union Conference. Leningrad, 1981, pp. 222–241. (in Russ.)
- Lukiyanenko V. I.** Izdaniya kirillicheskoj pečati XV–XVII vv. (1494–1688) dlya yuzhnykh slavyan i rumyn. Katalog knig iz sobraniya Gos. publ. biblioteki im. M. E. Saltykova-Shchedrina [Editions of Cyrillic print of 15th – 17th centuries (1498–1688) for South Slavs and Romanians. Catalogue of books from collection of the State Public Library named after M. E. Saltykov-Shchedrin]. Leningrad, 1989, 186 p. (in Russ.)
- Pentkovsky A. M.** Lektsionarii [Lectionary]. In: Orthodox Encyclopedia. Moscow, Church Research Center “Orthodox Encyclopedia”, 2015, vol. 40, pp. 381–382. (in Russ.)
- Nemirovsky E. L.** Ivan Fedorov v Belorussii [Ivan Fedorov in Belarus]. Moscow, Kniga Publ., 1979, 176 p. (in Russ.)
- Semyachko S. A.** K opredeleniyu sledovannoi psaltiri kak sbornika ustoichivogo sostava [On Definition of the Augmented Psalter as a Miscellany of Constant Composition]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2011, vol. 10, no. 8: Philology, pp. 59–68. (in Russ.)
- Vladimirov P. V.** Doktor Frantsisk Skorina [Doctor Francysk Skaryna]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Press, 1888, 351 p. (in Russ.)
- Voznesensky A. V.** K istorii slavyanskoi pečatnoi psaltiri: Moskovskaya traditsiya XVI–XVII vekov: prostaya psaltir' [On the History of the Slavic printed Psalter: Moscow tradition of the 16th – 17th centuries: A simple Psalter]. Moscow; St. Petersburg, 2010, 678 p. (in Russ.)
- Voznesensky A. V., Nikolaev N. V.** Katalog belorusskikh izdaniy kirillovskogo shrifta XVI–XVIII vekov iz sobraniya Otdela redkikh knig Rossiiskoi natsional'noi biblioteki [Catalogue of Belarusian editions of Cyrillic type of 16th – 18th centuries from the collection of the Department of Rare Books of the Russian National Library]. St. Petersburg, 2019, iss. 1: 1523–1600, 224 p. (in Russ.)
- Zheltoy Mikhail**, deacon, **Tkachenko A. A.** Vsenoshchnoe bdenie [All-night vigil]. In: Orthodox Encyclopedia. Moscow, Church Research Center “Orthodox Encyclopedia”, 2005, vol. 9, pp. 668–670. (in Russ.)

Информация об авторах

Алексей Александрович Юдин, кандидат филологических наук

Scopus Author ID 57220777918
WoS Researcher ID AAE-3448-2021
RSCI Author ID 669542
SPIN 7703-9232

Василий Вячеславович Подопрigора, кандидат филологических наук

WoS Researcher ID AAX-2484-2020
RSCI Author ID 901051
SPIN 6401-6234

Инна Александровна Шилова, кандидат филологических наук

Scopus Author ID 35099425100
WoS Researcher ID ABA-3536-2020
RSCI Author ID 524005
SPIN 6472-9449

Антон Николаевич Коваленко, кандидат филологических наук

Scopus Author ID 57223023297
WoS Researcher ID HLH-0285-2023
RSCI Author ID 1020611
SPIN 4122-8120

Information about the Authors

Aleksei A. Yudin, Candidate of Sciences (Philology)

Scopus Author ID 57220777918

WoS Researcher ID AAE-3448-2021

RSCI Author ID 669542

SPIN 7703-9232

Vasilii V. Podoprigora, Candidate of Sciences (Philology)

WoS Researcher ID AAX-2484-2020

RSCI Author ID 901051

SPIN 6401-6234

Inna A. Shilova, Candidate of Sciences (Philology)

Scopus Author ID 35099425100

WoS Researcher ID ABA-3536-2020

RSCI Author ID 524005

SPIN 6472-9449

Anton N. Kovalenko, Candidate of Sciences (Philology)

Scopus Author ID 57223023297

WoS Researcher ID HLH-0285-2023

RSCI Author ID 1020611

SPIN 4122-8120

Вклад авторов:

А. А. Юдин – написание раздела «Предисловная часть к тексту Псалтири»; обобщение результатов исследования.

В. В. Подопригора – написание раздела «Надписания к псалмам в структуре Псалтири с Часословцем»; редактирование текста рукописи; обобщение результатов.

И. А. Шилова – редактирование текста рукописи; оформление метаданных статьи в соответствии с требованиями журнала.

А. Н. Коваленко – написание раздела «Структура Псалтири с Часословцем как Псалтири с воследованием».

Contribution of the authors:

Aleksei A. Yudin – writing the section “Foreword part to the Psalter”; generalization of the research results.

Vasilii V. Podoprigora – writing the section “Superscriptions to the psalms in the structure of the Psalter with the Book of Hours”; editing the paper; generalization of the results.

Inna A. Shilova – editing the paper; preparation of article metadata in accordance with the requirements of the journal.

Anton N. Kovalenko – writing the section “Structure of the Psalter with the Book of Hours as an Augmented Psalter”

*Статья поступила в редакцию 24.07.2024,
одобрена после рецензирования 09.08.2024; принята к публикации 10.08.2024
The article was submitted on 24.07.2024;
approved after reviewing on 09.08.2024; accepted for publication on 10.08.2024*

Научная статья

УДК 82-1

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-102-111

Роль святочного рассказа в жанровой диффузии: «Бедность не порок» А. Н. Островского

Елена Ивановна Зейферт

Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия

Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия

elena_seifert@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8117-7091>

Аннотация

Целью исследования стало рассмотрение роли святочного рассказа в поэтике пьесы А. Н. Островского «Бедность не порок», задачами – выявление святочных элементов в этой пьесе, анализ вставных объектов (художественные тексты – стихи и песни), сюжета, системы персонажей, реплик и др. Метод исследования – структурно-описательный. Гордыня становится переломным моментом в развитии интриги пьесы А. Островского «Бедность не порок». Эта комедия в первую очередь характеризуется положительным исходом интриги. Но святочное чудо здесь, происходящее в жанрово-родовой диффузии «драма (комедия) – святочный рассказ», не свадьба Мити и Любви Гордеевны, а примирение Гордея Карпыча с его братом Любимом, возвращение фабулы о блудном сыне в исконное библейское русло. Под влиянием святочной истории близкая к драматизму и даже трагизму пьеса превращается в комедию.

Ключевые слова

жанровая диффузия, комедия, святочный рассказ, А. Н. Островский, «Бедность не порок»

Для цитирования

Зейферт Е. И. Роль святочного рассказа в жанровой диффузии: «Бедность не порок» А.Н. Островского // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 9: Филология. С. 102–111. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-102-111

The Role of the “Yuletide Story” in Genre Diffusion: *Poverty is Not a Vice* by A. N. Ostrovsky

Elena I. Seifert

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation

Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russian Federation

elena_seifert@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8117-7091>

Abstract

Purpose. The purpose of the study is to consider the role of the Yuletide story in the poetics of A. Ostrovsky’s play *Poverty is Not a Vice*, the tasks are to identify the Yuletide elements in this play, analyze inserted objects (artistic texts of poems and songs), plot, system of characters, lines, etc.

© Зейферт Е. И., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 9: Филология. С. 102–111

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 9: Philology, pp. 102–111

Results. Ostrovsky depicts a tragic situation (an irreconcilable enmity between an older brother and a younger brother who is an alcoholic; a father who gives his daughter to a rich old man without love) and leads it to a comedic outcome. The Christmas miracle has no logic, it happens suddenly - hence the implausibility of Gordey's forgiveness of the irreconcilable "enemy for life" Lyubim. Yuletide elements create a festive atmosphere on stage and in the text of the work, during which good magic is possible.

Conclusion. Pride becomes a turning point in the development of intrigue in A. Ostrovsky's play *Poverty is Not a Vice*. This play as a comedy is primarily characterized by a positive outcome of intrigue, enhanced by a Yuletide story so confident in genre diffusion. But the miracle here, in the genre-generic diffusion "drama (comedy) – Christmas story", is not the wedding of Mitya and Lyubov Gordeevna, but the reconciliation of Gordey Karpych with his brother Lyubim, the return of the plot of the prodigal son to its original biblical course. Under the influence of the Christmas story, the play, which is close to drama and even tragedy, turns into a comedy.

Keywords

genre diffusion, comedy, Christmas story, A. N. Ostrovsky, "Poverty is Not a Vice"

For citation

Seifert E. I. The role of the "Yuletide story" in genre diffusion: *Poverty is Not a Vice* by A. N. Ostrovsky. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 9: Philology, pp. 102–111. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-102-111

Введение

Написанная в 1853 г. пьеса А. Н. Островского «Бедность не порок. Комедия в трёх действиях» (сначала драматург хотел назвать ее цитатой из Библии «Гордым Бог противится») ¹ уже в 1854 г. вышла отдельным изданием и была поставлена на сцене Малого театра. Автор посвятил эту пьесу актеру Прову Садовскому ², с успехом выступавшему в роли разных персонажей Островского, в том числе Любима Торцова. Заявив сразу после списка действующих лиц о художественном времени святок («Действие происходит в уездном городе, в доме купца Торцова, во время святок» [Островский, 1949, с. 111–140]) ³, Островский прямо обозначил возможное святочное развитие интриги (положительный исход заложен и в жанре комедии, указанном в подзаголовке). Действительно, пьеса имеет удвоенный сказочный хеппи-энд – завершается двумя свадьбами. Важность святочных элементов в развитии пьесы неоспорима, несмотря на резко критическое мнение о них Н. Г. Чернышевского: «Все эти сцены с плясками, играми, песнями и так далее решительно лишние и не связаны с пьесой ничем, кроме воли автора». Объясняет «лишние» сцены критик «небрежением автора к требованиям искусства», называя «Бедность не порок» «слабой и фальшивой» пьесой [Чернышевский, 1949, с. 232–240].

Святки – славянский народный праздничный комплекс зимнего календарного периода «от звезды до воды», от Рождества до Крещения. Святки особенно насыщены магическими обрядами, гаданиями, прогностическими приметами. В это время световой день сдвигается от тьмы к свету. Святки символизируют начало нового. Святочный рассказ разработан теоретически [Старыгина, 1992; Миночкина, 2013] и исследован на материале произведений Ф. Достоевского [Сухих, Плющ, 2015], Л. Толстого [Фатюшина, 2014], М. Горького [Плющ, 2015], Д. Мамина-Сибиряка [Зырянов, 2023] и др. «В классическом святочном рассказе (например, у Диккенса в "Рождественской песне в прозе, или святочном рассказе о привидениях", "Часовых курантах", "Сверчке на шестке") "чудо" организует сюжет, предопределяет метаморфозу, происходящую с героем в рождественскую ночь» [Старыгина, 1992, с. 113].

«Бедность не порок» входит в ряд пьес Островского, названных идиоматическими выражениями (до этой пьесы драматург написал драмы «Свои люди – сочтёмся», 1849, и «Не в свои сани не садись», 1852). Безусловно, содержащаяся в названии истина влияет на всю пьесу: вложенная в уста Любима Торцова, фраза оправдывает себя в святочном финале, когда бед-

¹ Первая часть фразы «Бог гордым противится, а смиренным даёт благодать» (Послание Иакова 4:6).

² Аполлону Григорьеву принадлежит известная фраза: «Нет Бога, кроме Островского, и пророка его выше Садовского» [Григорьев, 1876, с. 173].

³ В дальнейшем ссылки приводятся по этому изданию с указанием в скобках страницы.

ный Митя становится женихом Любви. Для пьесы «Бедность не порок» важно и первое ее название – «Гордым Бог противится». Действующие лица наделены говорящими именами и фамилиями – Гордей (страдает гордыней), Торцов (тупиковый, прямоугольный, упрямый), Любовь Гордеевна (олицетворение любви, любима и любит; близка и Любиму (Любовь), и отцу (Гордеевна), волю которого не смеет не выполнить), Коршунов (хищник), Разлюляев (праздный), Гуслин (музыкант), няня Арина (явно названа именем пушкинской няни) и др. Няня, наперсница Любви Гордеевны, говорит о Коршунове: «Налетел ястребом, как снег на голову, вырвал нашу лебедушку из стада лебединого, от батюшки, от матушки, от родных, от подружек» (с. 123). Островский начинает диалог с читателем и зрителем несложными, опирающимися на народную фразеологию приемами.

Творчество Островского, безусловно, многосторонне изучено – в монографических работах Н. Скатова [1987], А. Журавлёвой, И. Макеева, В. Некрасова [Журавлёва, Макеев, 1998; Журавлёва, Некрасов, 1986], В. Лакшина [1982] и др. Пьесе «Бедность не порок» критиками, литературоведами и театроведами уделяется должное внимание. Одним из первых об этой пьесе написал, осмеяв ее поэтику, Н. Чернышевский [1949]. Однако затем пьеса получила ряд положительных оценок и вызвала к жизни литературоведческие работы, продолжая интересовать и современных исследователей.

Изучено влияние западноевропейской комедии на эту пьесу Островского [Тихомиров, 1974]. Г. В. Старостина [1987; 1995] исследовала высокое и комическое в пьесе А. Островского «Бедность не порок» и влияние на нее древнерусской литературы. Глава под названием «“Бедность не порок”». Драматизм сюжета и обновленная система персонажей в историко-литературном и фольклорном контекстах» в диссертации Н. Музалевского «Ранняя драматургия А. Н. Островского и традиции комедийного жанра» посвящена, как видим, монографическому анализу исследуемой и нами пьесы. Литературовед сопоставляет пьесы Мольера «Мещанин во дворянстве» и Островского «Бедность не порок» по таким элементам и уровням, как сюжетобразующий мотив, общность конфликта, драматизм сюжета, система персонажей. «И Журден, и Гордей демонстративно отказываются от своего сословия, желая попасть в высший круг общества», – отмечает Н. Музалевский [2013, с. 187]. Истоком конфликта, по мнению исследователя, в обеих пьесах является стремление персонажа выйти за пределы своего социального поля, опираясь на внешние факторы – круг общения, богатство, лоск. Ко Ен Ран [2003] касается пьесы «Бедность не порок», рассматривая творческую личность в драматургии Островского. Театровед Д. А. Рыбакова [2013] упоминает о пьесе в аспекте театральной мифологии.

Несмотря на интерес ученых к пьесе А. Островского «Бедность не порок», она не становилась предметом монографического исследования в аспекте влияния на ее жанровый состав святочного рассказа, что указывает на актуальность исследования этого вопроса. Проблему жанровой диффузии по разным научным поводам в разное время ставили В. Аминова [2017], С. Матяш и ее ученики (Г. Бралина [2008] и др.). В монографическом исследовании жанровых процессов в поэзии российских немцев автор этой статьи уделяет пристальное внимание жанровой диффузии [Зейферт, 2009]. Интересно проследить роль эпического произведения (святочного рассказа) в жанровой диффузии в пьесе Островского «Бедность не порок». Это определяет **научную новизну** исследования. **Целью исследования** выступает рассмотрение роли святочного рассказа в поэтике пьесы А. Островского «Бедность не порок», **задачами** – выявление святочных элементов в этой пьесе, анализ вставных объектов (художественные тексты – стихи и песни), сюжета, системы персонажей, реплик и др. Метод исследования – **структурно-описательный**: автор статьи анализирует структуру святочного рассказа в пьесе, превращающую благодаря неправдоподобному счастливому финалу потенциальную драму в комедию.

Результаты исследования и обсуждение

В пьесе А. Островского «Бедность не порок» ряд святочных и в целом фольклорных элементов: ряженые («старик с балалайкой или гитарой, вожак с медведем и козой»), подлюбные, величальные, свадебные песни, патока (жидкий мёд) в руках Егорушки. Среди овеществленных предметов святочного календарного обряда – костюмы ряженых («Стремление изменить облик восходит к представлению о данном периоде как о времени, наиболее благоприятном для разгула нечистой силы» [Кимеева, Глушкова, 2015, с. 117]), музыкальные инструменты, упомянутая патока, колядки и др. «Атрибутикой ряженых являлись музыкальные инструменты (гармоники, балалайки)» [Там же, с. 118]: в пьесе у Разлюляева в руках гармония (Чернышевский, комментируя это, иронически отмечает: «на “гармонии” играют одни только дворовые люди и беднейший класс мещан» [Чернышевский, 1949, с. 238]), у ряженого – балалайка.

К святочной обрядности здесь относится также традиция вечерочных посиделок. Основной целью таких вечеров был выбор пары, для того чтобы в зимний мясоед сыграть свадьбу, поэтому вечерочные игры и танцы были основаны на принципе парности. На вечерки собирались в конце дня: играли в круговые игры, сопровождаемые песнями с поцелуями и направленные на выбор пары [ФКО, 1997]. В исследуемой пьесе Островского посиделки, на которые в начале произведения приглашает Митю Пелагея Егоровна («Зайди ужо вечерком к нам, голубчик. Поиграете с девушками, песенка попоёт» (с. 133)), действительно направлены на выбор пары для Любови Гордеевны: к ней ластится сговорившийся с ее отцом Коршунов, невесту ищет Разлюляев, тоже мечтающий жениться на Любови Гордеевне, томится от любви к ней Митя. Жениться хочет и Гуслин, любящий Анну Ивановну. Коршунов дарит Любови Торцовой кольцо с бриллиантом (кольцо – один из овеществленных предметов святок, предназначено для гадания и в этой роли тоже использовано в пьесе). На вечерках в доме Торцовых танцуют и целуются, как и принято на святках. Гуслин приглашает на танец старую няню Арину, а Анна Ивановна просит танцевать с ней, грубо насмехаясь над выбором молодого человека («да ты что старуху-то теребишь, давай со мной»). К святочному обряду относится и катание на лошадях, в котором участвует Люба (Гуслин: «Что народу было на катанье!.. И ваши были» (с. 113)). Дети – обязательные участники святок. В пьесе фигурирует Егорушка – на вечерках он пляшет с патокой как атрибутом святочного обряда.

В пьесе «Бедность не порок» содержится частичное описание обряда святочного гадания (указанием на него здесь служат, к примеру, подблюдные песни: «Любовь Гордеевна, Маша, Лиза и Анна Ивановна снимают кольца и кладут на блюдо; девушки запевают»), хотя избранник Любови Гордеевны Митя уже известен, как и известен желающий на ней жениться Коршунов. С другой целью (лоск) жгут свечи («Да вели зажечь свечи в гостиной, что новая небель поставлена. Там совсем другой эффект будет» (с. 130), – велит Гордей Карпыч). В пьесе не встречаются такие овеществленные предметы свадебного обряда, как используемые для гадания ложка, лента, повойник, зеркало, сапожок и др. Гадание на улице с сапожком не входит в пространство пьесы⁴, действие которой разыгрывается в «доме купца Торцова». В пьесе есть и описание гадания на праздник Ивана Купалы в песне, которую исполняет Гуслин:

Как все венки сверх воды.
А мой потонул,
Как все дружки домой пришли,
А мой не пришёл.
(с. 127)

⁴ В довольно традиционной комедии с единством места, времени и действия «Бедность не порок», как показывает исследование, ремарки не всегда драматургические. Егорушка, читающий вслух «Бову Королевича», «зажимает пальцем то место, где читает, чтоб не ошибиться». Этот жест слишком мелкий для театрального зрителя. Через небольшое время Егорушка «прячет сказку в карман», что говорит о миниатюрном формате издания и делает еще менее драматургической первую ремарку о книге.

Среди героев пьесы «Бедность не порок» – творческие люди. Митя написал песню в стиле Кольцова (текст ее приведен в пьесе), Гуслин сразу же кладет стихи Мити на музыку. Н. Чернышевский скептически отнесся к творчеству Мити: «“По окончании пения все молчат” – от глубокого чувства, по мнению г. Островского, а, по нашему мнению, от того, что песня плоха и хвалить ее совестно, хоть на это и решается наконец Разлюляев» [Чернышевский, 1949, с. 236]. Явление, в котором Митя своими стихами признаётся в любви Любви Гордеевне, Чернышевский мастерски осмеивает: «Нам казалось бы еще правдоподобнее объяснение полуграмотного русского парня с безграмотною девушкою, если бы они принялись (по примеру Шатобриана, см. его “Замогильные записки”) читать Ариосто, и на каком-нибудь патетическом месте их уста слились бы в поцелуй» [Там же, с. 237]. В пьесе много читают, поют и играют на музыкальных инструментах. В начале пьесы Егорушка читает «Бову-королевича», а влюбленный Митя, оставшись наедине, поет:

Красоты её не можно описать!..
Черны брови, с поволокою глаза.

Да, с поволокою. А как вчера в собольем салопе, покрывшись платочком, идёт от обедни, так что... ах!.. Я так думаю, и не привидано такой красоты! (с. 112).

Затем Митя, Гуслин и Разлюляев поют втроем, на что Гордей Карпыч замечает: «Что распелись! Горланят, точно мужичьё!» (с. 127). Он же называет книгу Кольцова «глупостями». Поют девушки, вожак (ряженный). Девушки поют подблюдную, величальную, свадебную песни. Гордей Карпыч подносит Коршунову вино, приказывает жене кланяться, а девушкам запевать величальную. Поют величальную:

Сей, мати, мучицу,
Пеки пироги.
Слава!
К тебе будут гости,
Ко мне женихи.
Слава!
К тебе будут в лаптях,
Ко мне в сапогах.
Слава!
Кому спели –
Тому добро.
Слава!
Кому вынется –
Тому сбудется.
Слава!

К о р ш у н о в: Вот и делу конец! Ну-ка, девушки, свадьбишную (с. 128).

Гордость (а точнее, гордыня) – важнейший мотив исследуемой пьесы. О гордости говорят Митя и Любовь:

М и т я. А уж коль любишь друга, так забудь гордость!
Л ю б о в ь Г о р д е е в н а: Какая гордость, Митенька! До гордости ли теперь! (с. 120)

В этом диалоге гордости (гордыне) противопоставлена любовь. (Митя и Люба часто говорят о любви друг к другу. Мы узнаём это от самих персонажей в их общении друг с другом и наперсниками: Митя признаётся в своей любви к Любви Гордеевне Гуслину и затем Пелагее Егоровне, Любовь Гордеевна – Анне Ивановне и затем матушке. «Ей бы теперь хоть беденького, да друга милого» (с. 127), – причитает няня Арина, беспокоясь за судьбу своей воспитанницы. В комедии обязательно фигурируют «низшие» слои общества: здесь в афише няня и прислуга).

Островский показывает купеческий слой общества. Коршунов и Разлюляев бахвалятся богатством («Вот важность! Денег, что ли, у нас нет? (Бьёт себя по карману) Звенят!» (с. 119)). В списке действующих лиц Гордей Карпыч Торцов заявлен как «богатый купец», а его брат Любим Карпыч как «промотавшийся». «Любим Торцов, который должен был стать в какой-

то степени ”идеальным” купцом, так как не был обделен талантами, образованием и совестью, но, как водится на Руси, потеряв веру в людей, мгновенно разорился и от горя спился», – пишет В. Бойко, рассуждая о купечестве в пьесах Островского [Бойко, 2017, с. 67]. Чернышевский осмеял Островского за рассказы Любима о его судьбе: «...как будто бы Митя, столько времени живший с ним в одном доме, не слышал уже их от него тысячу раз» [Чернышевский, 1949, с. 238]. Но здесь важно учесть, что, во-первых, перед нами пьяный человек (а даже если он бывает и трезв, то всё равно болен алкоголизмом), поэтому он говорит об одном и том же много раз, во-вторых, Митя чрезвычайно учтив, тем более с родными своего хозяина, и вежливо слушает не в первый раз, и, в-третьих, зрителю и читателю лучше узнать об истории Любима от него самого. Реплики пропойцы Любима Карпыча превосходят монолог Мармеладова, предлагающего себя не жалеть, а распять, унижающего и одновременно возвеличивающего пьяниц. Достоевский, кстати, вкладывает в уста Мармеладова такое признание: «Милостивый государь, – начал он почти с торжественностью, – бедность не порок, это истина. Знаю я, что и пьянство не добродетель, и это тем паче. Но нищета, милостивый государь, нищета – порок-с. В бедности вы ещё сохраняете своё благородство врождённых чувств, в нищете же никогда и никто. За нищету даже и не палкой выгоняют, а метлой выметают из компании человеческой, чтобы тем оскорбительнее было; и справедливо, ибо в нищете я первый сам готов оскорблять себя. И отсюда дело питейное» [Достоевский, 1989, с. 93]. Фразу «Бедность не порок» в пьесе произносит Любим: «Брат! И моя слеза до неба дойдёт. Что он беден-то! Эх, как бы я беден был, я бы и человек был. Бедность не порок» (с. 130), приравнивая бедность к добродетели. Отношение романиста к исследуемой пьесе Островского нуждается в развернутом уточнении в отдельной статье.

В произведении Островского прослеживается искаженная фабула возвращения блудного сына. Любим Карпыч рассказывает Мите историю своей жизни. Когда отец умер, Любиму было двадцать лет. Гордей взял себе заведение, а брату отдал деньгами и векселями. Любим Карпыч поехал в Москву получать по билетам деньги и с головой окунулся в московскую разгульную жизнь, прокутив наследство. То, что осталось, Любим Карпыч доверил своему приятелю Африкану Коршунову, который его и обманул. Остался Любим Карпыч ни с чем в Москве, стал скоморохом ходить. Той зимой он сильно простудился и попал в больницу. Решился он, как выздоровеет, сходить Богу помолиться и проситься потом к брату. Брат принял его неласково, стал стыдиться его, пенять на разгильдяйство. После пресловутого обеда, на котором Любим паясничал, Гордея взяла обида, он решил проучить брата («Ему, дураку, наука нужна»). После примирения братьев в финале пьесы библейская история о блудном сыне возвращается в исконное русло – брат (как отец) принимает заблудшего. Означает ли примирение, что Гордей Карпыч берет своего брата на довольствие и будет впредь закрывать глаза на его пьянство? Об этом Островский умалчивает. Однако фабула о блудном сыне реконструируется. «Русский драматург начинает развивать в сюжете психологическую сторону, выделяя нравственную константу в таком нетрадиционном персонаже, как Любим Торцов. Его активное участие в финале комедии доводит развитие действия до истинного драматизма, обеспечивая новизну», – утверждает Н. Музалевский [2013, с. 99].

Истинным святочным чудом в пьесе является примирение братьев, а не свадьба. Решение отдать дочь за Митю принимается как раз по причине гордыни Гордея Карпыча (в пьесе своеобразный гордиев узел), оскорбившегося из-за предложения Коршунова («Нет, ты теперь приди-ка ко мне да покланяйся, чтоб я дочь-то твою взял» (с. 124)). Свойственный святочному рассказу «утопический модус исторического будущего, предполагающий торжество присущих христианству нравственно-религиозных ценностей» [Зырянов, 2023, с. 29], реализуется в сцене примирения родных людей.

Гордей уступает просьбе своего брата Любима отдать Любушку за Митю, тем самым усиливая примирение. Возникнет новая супружеская пара. Ю. Брыкина высказывает следующее суждение: «В так называемых славянофильских пьесах драматурга нет ни одной молодой семейной пары. Но в том, что отношения Любими Гордеевны и Мити, Бородинки и Авдотьи

Максимовны будут сильно отличаться от других, нет никакого сомнения. Во-первых, потому, что их браки будут основаны на искренней взаимной любви, а во-вторых, потому, что их характеры и внутренний мир полностью противоположны образам Липочки, Подхалюзинных и Пузатовых» [Брыкина, 2017, с. 60]. Но так ли будет на самом деле? Счастлив ли союз Любви и Мити? Первое упоминание Митей Любви Гордеевны – о ее образе в собольем салопе и платочке и в целом так впечатлившей его ее внешности. Митя – человек очень неуверенный в себе, «обуянный тоской-кручиной», склонный к жалобам, на его попечении старая и больная матушка («Как же не тужить-то? Вдруг взойдут такие мысли: что я такое за человек на свете есть? Теперь родительница у меня в старости и бедности находится, её должен содержать, а чем? Жалованье маленькое, от Гордея Карпыча всё обида да брань, да всё бедностью попрекает, точно я виноват... а жалованья не прибавляет» (с. 129)). Трудно представить, что после женитьбы Гордей Карпыч перестанет упрекать Митю, возможно, его упреки возрастут. Чувство Любви Гордеевны к Мите совершенно бескорыстно, его достоинства – молодость и душевная мягкость (на доброту Мити надеются и Пелагея Егоровна, и Любим Карпыч: «Парень-то такой простой, сердцем мягкий, и меня-то бы, старуху, любил» (с. 113); «Брат, отдай Любушку за Митю – он мне угол даст. Назябся уж я, наголодался. Лета мои прошли, тяжело уж мне паясничать на морозе-то из-за куска хлеба; хоть под старость-то да честно пожить» (с. 129)). Ни о каких других его достоинствах в пьесе не говорится, творчество его по художественному качеству сомнительно.

Таким образом, свадьба (Митя – Любовь Гордеевна, Гуслин – Анна Ивановна) способствует сначала гордыня Гордея Карпыча и затем уступка его брату («Ну, дети, скажите спасибо дяде Любиму Карпычу» (с. 139), – говорит Пелагея Егоровна), а собственно примирению с братом – как раз смирение, Гордей преодолевает гордыню, чтобы наладить отношения с братом, который был «враг на всю жизнь». Островский изображает трагическую ситуацию (непримиримая вражда старшего брата с младшим, больным алкоголизмом; отец, отдающий дочь богатому старику без любви) и затем неправдоподобно (святочное чудо!) приводит ее к комедийному исходу. Именно в финале комедия начинает обильно играть шутками, обретает подчеркнуто комический тон.

Заключение

Гордыня становится переломным моментом в развитии интриги пьесы А. Островского «Бедность не порок». Эта пьеса как комедия в первую очередь характеризуется положительным исходом интриги, усиленным святочной историей, столь уверенной в жанровом составе пьесы. Но чудо здесь, происходящее в жанрово-родовой диффузии «драма (комедия) – святочный рассказ», не свадьба Мити и Любви Гордеевны, а примирение Гордея Карпыча с его братом Любимом, возвращение фабулы о блудном сыне в исконное библейское русло. Святочное чудо не имеет логики, происходит внезапно – отсюда и неправдоподобность в прощении Гордеем непримиримого «врага на всю жизнь» Любима. Святочные элементы создают на сцене и в тексте произведения атмосферу праздника, во время которого возможно волшебство. Таким образом, под влиянием святочной истории близкая к драматизму и даже трагизму драма на глазах у зрителя и читателя в финале превращается в комедию.

Список литературы

- Аmineва В. Р.** Хикая как литературный жанр // Учен. зап. Казан. ун-та. 2017. Т. 159, кн. 1. С. 7–26.
- Бралина Г. М.** Жанр инвективы в русской лирике середины XIX века: Дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2008. 254 с.
- Бойко В. П.** Русское купечество в пьесах А. Н. Островского и в статьях его критиков // Вестник Том. гос. ун-та. 2017. № 48. С. 61–73.
- Брыкина Ю. Я.** Супружеские отношения в купеческой семье в ранних произведениях А. Н. Островского // Человек и культура. 2017. № 2. С. 56–63.

- Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 т. Л.: Наука, 1989. Т. 5. 542 с.
- Григорьев Ап. А. Соч.: В 10 т. СПб.: Изд. Н. Н. Страхова, 1876. Т. 1. 316 с.
- Журавлёва А. И., Некрасов В. Н. Театр Островского. М.: Просвещение, 1986. 206 с.
- Журавлёва А. И., Макеев М. С. Островский. М.: Изд-во МГУ, 1998. 112 с.
- Зейферт Е. И. Жанр и этническая картина мира в поэзии российских немцев второй половины XX – начала XXI в. Lage: BMV Verlag Robert Burau, 2009. 534 с.
- Зырянов О. В. Футурологический аспект святочного нарратива Д. Н. Мамина-Сибиряка // Филологический класс. 2023. № 1. С. 21–43.
- Кимеева Т. И., Глушкова П. В. Овеществленные компоненты святочного календарного обряда русских как объект нематериального культурного наследия // Вестник Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. 2015. № 30. С. 113–122.
- Ко Ен Ран. Творческая личность и её судьба в пьесах А. Н. Островского: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 150 с.
- Лакшин В. Я. Александр Николаевич Островский. М.: Искусство, 1982. 568 с.
- Миночкина Л. В. «Святочные рассказы»: трансформация жанровой формы // Творческое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения / Под общ. ред. О. В. Зырянова. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2013. С. 181–201.
- Музалевский Н. Е. Ранняя драматургия А. Н. Островского и традиции комедийного жанра: Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2013. 218 с.
- Островский А. Н. Бедность не порок // Островский А. Н. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.: Гослитиздат, 1949. Т. 1. С. 111–140.
- Плющ В. Н. Жанровая специфика рассказа М. Горького «о мальчике и девочке, которые не замёрзли» // Евразийский союз ученых. 2015. № 4-8 (13). С. 116–119.
- Рыбакова Д. А. Театральная мифология в драматургии А. Н. Островского: Дис. канд. искусств. СПб., 2013. 200 с.
- Скатов Н. Н. Создатель народного театра // Далекое и близкое. М., 1987. С. 150–174.
- Старостина Г. В. Традиции древнерусской литературы в комедии А. Н. Островского «Бедность не порок» // Русская литература. 1987. № 2. С. 113–120.
- Старостина Г. В. «Бедность не порок»: «высокое» и «комическое» в пьесе // Старостина Г. В. Древнерусская литература и народная культура в пьесах А. Н. Островского. Ульяновск, 1995. С. 66–71.
- Старыгина Н. Н. Святочный рассказ как жанр // Проблемы исторической поэтики. 1992. Вып. 2: Художественные и научные категории. С. 113–127.
- Сухих О. С., Плющ В. Н. Святочный рассказ в художественном осмыслении Ф. М. Достоевского («Мальчик у Христа на ёлке») и М. Горького («о мальчике и девочке, которые не замёрзли») // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 4. С. 241–246.
- Тихомиров В. Н. Традиции западноевропейской просветительской комедии в пьесах Островского «Бедность не порок», «Не в свои сани не садись» // А. Н. Островский и русская литература. Кострома, 1974. С. 76–87.
- Фатюшина Е. Ю. «Святочная ночь» и «Альберт»: толстовское преломление традиции святочного рассказа // Вестник Тул. гос. ун-та. 2014. № 4 (1). С. 285–290.
- ФКО – Фольклор Кемеровской области / Сост. Е. И. Лутовинова. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 197 с.
- Чернышевский Н. Г. Бедность не порок. Комедия А. Островского // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1949. Т. 2. С. 232–240.

References

- Amineva V. R. Khikaya kak literaturnyi zhanr [Hikaya as a Literary Genre]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta [Scientific Notes of Kazan University]*, 2017, vol. 159, no. 1, pp. 7–26. (in Russ.)

- Bralina G. M.** Zhanr invektivy v russkoi lirike serediny XIX veka [The Genre of Inveective in Russian Lyrics of the mid-19th century]. Cand. Philol. Sci. Dis. Samara, 2008, 254 p. (in Russ.)
- Boiko V. P.** Russkoe kupechestvo v p'esakh A. N. Ostrovskogo i v stat'yakh ego kritikov [Russian Merchants in the Plays of A. N. Ostrovsky and in the Articles of his Critics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2017, no. 48, pp. 61–73. (in Russ.)
- Brykina Yu. Ya.** Supruzheskie otnosheniya v kupecheskoi sem'e v rannikh proizvedeniyakh A. N. Ostrovskogo [Marital Relations in a Merchant Family in the Early Works of A. N. Ostrovsky]. *Chelovek i kul'tura* [Man and Culture], 2017, no. 2, pp. 56–63. (in Russ.)
- Chernyshevsky N. G.** Bednost' ne porok. Komediya A. Ostrovskogo [Poverty is Not a Vice. Comedy by A. Ostrovsky]. In: Chernyshevsky N. G. Poln. sobr. soch. [Full Collection Works]. In 15 vols. Moscow, 1949, vol. 2, pp. 232–240. (in Russ.)
- Dostoevsky F. M.** Prestuplenie i nakazanie [Crime and Punishment]. In: Dostoevsky F. M. Sobr. Soch. [Collection Op.]. In 15 vols. Leningrad, Nauka, 1989, vol. 5, 542 p. (in Russ.)
- Fatyushina E. Yu.** “Svyatochnaya noch” i “Al'bert”: tolstovskoe prelomlenie traditsii svyatochnogo rasskaza [“Yuletide Night” and “Albert”: Tolstoy’s Refraction of the Tradition of the Yuletide Story]. *Vestnik Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tula State University], 2014, no. 4 (1), pp. 285–290. (in Russ.)
- Grigoriev Ap. A.** Sochineniya [Works]. St. Petersburg, N. N. Strakhov Publ., 1876, vol. 1, 316 p. (in Russ.)
- Kimeeva T. I., Glushkova P. V.** Oveshchestvlennyye komponenty svyatochnogo kalendarnogo obryada russkikh kak ob'ekt nematerial'nogo kul'turnogo naslediya [Embodied Components of the Russian Christmas Calendar Ritual as an Object of Intangible Cultural Heritage]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts], 2015, no. 30, pp. 113–122. (in Russ.)
- Ko En Ran.** Tvorcheskaya lichnost' i ee sud'ba v p'esakh A. N. Ostrovskogo [The Creative Personality and its Fate in the Plays of A. N. Ostrovsky]. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2003, 150 p. (in Russ.)
- Lakshin V. Ya.** Alexander Nikolaevich Ostrovsky. Moscow, Iskusstvo Publ., 1982, 568 p. (in Russ.)
- Lutovinova E. I.** (comp.). Fol'klor Kemerovskoi oblasti [Folklore of the Kemerovo Region]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 1997, 197 p. (in Russ.)
- Minochkina L. V.** “Svyatochnyye rasskazy”: transformatsiya zhanrovoi formy [“Yuletide Stories”: Transformation of the Genre Form]. In: Tvorcheskoe nasledie D. N. Mamina-Sibiriyaka: itogi i perspektivy izucheniya [Creative Heritage of D. N. Mamin-Sibiriyak: Results and Prospects of Studying]. Ekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii, 2013, pp. 181–201. (in Russ.)
- Muzalevsky N. E.** Rannyyaya dramaturgiya A. N. Ostrovskogo i traditsii komediinogo zhanra [Early Dramaturgy of A. N. Ostrovsky and the Traditions of the Comedy Genre]. Cand. Philol. Sci. Diss. Saratov, 2013, 218 p. (in Russ.)
- Ostrovsky A. N.** Bednost' ne porok [Poverty is Not a Vice]. In: Ostrovsky A. N. Polnoe sobranie sochinenii [Complete Works]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1949, vol. 1, pp. 111–140. (in Russ.)
- Plyushch V. N.** Zhanrovaya spetsifika rasskaza M. Gor'kogo “o mal'chike i devochke, kotorye ne zamerzli” [Genre specificity of M. Gorky’s story “about a boy and a girl who did not freeze”]. *Evrasijskij soyuz uchyonyh* [Eurasian Union of Scientists], 2015, no. 4-8 (13), pp. 116–119. (in Russ.)
- Rybakova D. A.** Teatral'naya mifologiya v dramaturgii A. N. Ostrovskogo [Theatrical mythology in dramaturgy A. N. Ostrovsky]. Cand. Art. Sci. Syn. Diss. St. Petersburg, 2013, 200 p. (in Russ.)
- Skatov N. N.** Sozdatel' narodnogo teatra [Creator of the People's Theater]. In: Dalekoe i blizkoe [Far and Close]. Moscow, 1987, pp. 150–174. (in Russ.)

- Starostina G. V.** Traditsii drevnerusskoi literatury v komedii A. N. Ostrovskogo “Bednost' ne porok” [Traditions of Old Russian Literature in the Comedy of A. N. Ostrovsky “Poverty is Not a Vice”]. *Russkaya literatura [Russian Literature]*, 1987, no. 2, pp. 113–120. (in Russ.)
- Starostina G. V.** “Bednost' ne porok”: “vysokoe” i “komicheskoe” v p'ese [“Poverty is Not a Vice”: “Lofty” and “Comic” in the Play]. In: Starostina G. V. *Drevnerusskaya literatura i narodnaya kul'tura v p'esakh A. N. Ostrovskogo [Old Russian Literature and Folk Culture in the Plays of A. N. Ostrovsky]*. Ulyanovsk, 1995, pp. 66–71. (in Russ.)
- Starygina N. N.** Svyatochnyi rasskaz kak zhanr [Yuletide Story as a Genre]. *Problemy istoricheskoi poetiki [Problems of historical poetics]*, 1992, no. 2, pp. 113–127. (in Russ.)
- Sukhikh O. S., Plyushch V. N.** Svyatochnyi rasskaz v khudozhestvennom osmyslenii F. M. Dostoevskogo (“Mal'chik u Khrista na elke”) i M. Gorkogo (“o mal'chike i devochke, kotorye ne zamerzli”) [A Christmas Story in the Artistic Interpretation of F. M. Dostoevsky (“The Boy at Christ’s Christmas Tree”) and M. Gorky (“about a boy and a girl who did not freeze”)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo [Bulletin of the Nizhny Novgorod University]*, 2015, no. 4, pp. 241–246. (in Russ.)
- Tikhomirov V. N.** Traditsii zapadnoevropeiskoi prosvetitel'skoi komedii v p'esakh Ostrovskogo “Bednost' ne porok”, “Ne v svoi sani ne sadis” [Traditions of Western European Educational Comedy in Ostrovsky’s Plays “Poverty is not a Vice”, “Don’t Sit in Not Your Own Sleigh”]. In: A. N. Ostrovsky i russkaya literatura [A. N. Ostrovsky and Russian literature]. Kostroma, 1974, pp. 76–87. (in Russ.)
- Zhuravleva A. I., Nekrasov V. N.** Teatr Ostrovskogo [Ostrovsky Theater]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1986, 206 p. (in Russ.)
- Zhuravleva A. I., Makeev M. S.** Ostrovsky. Moscow, Moscow State Uni Press, 1998, 112 p. (in Russ.)
- Seifert E. I.** Zhanr i etnicheskaya kartina mira v poezii rossiiskikh nemtsev vtoroi poloviny XX – nachala XXI v. [Genre and Ethnic Picture of the World in the Poetry of Russian Germans in the Second Half of the 20th – early 21st centuries]. Lage, BMV Verlag Robert Burau, 2009, 534 p. (in Russ.)
- Zyryanov O. V.** Futurologicheskii aspekt svyatochnogo narrativa D. N. Mamina-Sibiryaka [Futurological Aspect of the Christmastide Narrative by D. N. Mamin-Sibiriyak]. *Filologicheskii klass [Philological Class]*, 2023, no. 1, pp. 21–43. (in Russ.)

Информация об авторе

Елена Ивановна Зейферт, доктор филологических наук
Scopus Author ID 57211083103
RSCI Author ID 537677
SPIN 1330-5190

Information about the Author

Elena I. Seifert, Doctor of Sciences (Philology)
Scopus Author ID 57211083103
RSCI Author ID 537677
SPIN 1330-5190

*Статья поступила в редакцию 15.10.2023;
одобрена после рецензирования 01.11.2023; принята к публикации 22.11.2023
The article was submitted on 15.10.2023;
approved after reviewing on 01.11.2023; accepted for publication on 22.11.2023*

Научная статья

УДК 82-94

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-112-123

Как рождалась поэтическая историософия зрелого Бунина. Работы Гастона Масперо на страницах «Зодиакального света» и не только

Кирилл Владиславович Анисимов

Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева
Красноярск, Россия

kianisimov2009@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6543-397X>

Аннотация

Атрибутируются цитаты Бунина из книги Г. Масперо «Древняя история народов Востока», сделанные отечественным писателем неотъемлемым слагаемым историософии и поэтики его «путевых поэм» «Храм Солнца». На материале очерка «Зодиакальный свет» рассмотрены основные изменения текста, воздействующие на преобразование фактографических сведений французского египтолога в историософию русского прозаика и поэта. Установлено значение «египетских» мотивов, однажды использованных в травелоге и затем многократно отразившихся в художественной структуре «русских» рассказов Бунина. Наряду с демонстрацией динамики самого текста травелога сделан ряд выводов, относящихся к особенностям бунинской интертекстуальности. Последняя, как показано в статье, заключается в подчинении «чужого слова» эстетическим целям автора.

Ключевые слова

Г. К. Масперо, И. А. Бунин, травелог, «Храм Солнца», текстология, комментарий, интертекстуальность.

Для цитирования

Анисимов К. В. Как рождалась поэтическая историософия зрелого Бунина. Работы Гастона Масперо на страницах «Зодиакального света» и не только // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 9: Филология. С. 112–123. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-112-123

How the Historiosophy of Bunin's Mature Works Was Shaped. Researches by Gaston Maspero in *Zodiacal Light* and Some Others Oeuvres

Kirill V. Anisimov

Viktor Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical University
Krasnoyarsk, Russian Federation

kianisimov2009@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6543-397X>

Abstract

Purpose. Regarding Bunin's texts' principal dynamism and the writer's resistance to the very idea of almost each of his works' completeness, the author of the article attributes quotations from Maspero's *Ancient History of the Peoples of Orient* revealing their alterations from early redactions of Bunin's *The Temple of the Sun* to later ones. It is demonstrated how dramatic was the impact of these citations once used in order to form Bunin's view on Egypt on "non-Egyptian" prosaic works of the 1910s.

© Анисимов К. В., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 9: Филология. С. 112–123

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 9: Philology, pp. 112–123

Results. The first result reached in the course of the analysis is the accurate attribution of obscure fragments as in fact borrowed from Maspero. Secondly, it was shown how Bunin treats his precursor's text – creating his own associations, reducing and tightening initial passages. Thirdly, the paper demonstrates how descriptions and notions derived from the book of French historian have been transformed in their very nature: diverse facts and notions have become an integral poetic imagination inspired by scenes of decline of the Ancient World. And finally, the article investigates some traces of Bunin's "Egyptian text" in his mature prose works – exemplifying short stories *The Chalise of Life* and *The Dust* as most representative ones.

Conclusion. The author concludes that Bunin's intertextual poetics was specific in many respects. As it became clear in examples provided in the article, the text borrowed from another writer and "alienated" with inverted commas in fact, in its essence, was completely subordinated by Bunin to his general artistic strategy losing even slight tint of Bakhtinian "someone else's word".

Keywords

G. C. Maspero, I. A. Bunin, travelogue *The Temple of the Sun*, textology, commentary, intertextuality

For citation

Anisimov K. V. How the Historiosophy of Bunin's Mature Works Was Shaped. Researches by Gaston Maspero in *Zodiacal Light* and Some Other Oeuvres. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 9: Philology, pp. 112–123. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-112-123

Введение

Ключевая проблема бунинской поэтики – принципиальный отказ автора от самой идеи законченности текста, постоянное стремление переделать (подчас кардинально, до неузнаваемости) имеющийся на момент очередного редактирования «последний» вариант уже изданного сочинения. Вследствие этого в творчестве писателя наблюдается острый конфликт, с одной стороны, между произведением как завершенной целостностью и, с другой стороны, его текстовой «фактурой», сначала исходной, появившейся в окружении определенных историко-культурных обстоятельств, а затем, спустя годы, внедряемой в новый контекст при внесении очередных правок. Нестабильность текста деформирует эстетическую природу и смысл произведения. Подробно об этой тенденции говорится в недавних работах Е. Р. Пономарева, посвященных как наследию «последнего классика» в целом [Пономарев, 2019], так и – конкретно – знаменитому циклу «путевых поэм» «Храм Солнца» / «Тень Птицы», даже заглавие которых в истории изданий вариативно [Пономарев, 2021].

Отдельная тема – пронизанность бунинского текста «чужим словом», динамизация нарратива со стороны интертекста. Последний, что хорошо заметно по привлеченному нами материалу, не распадается на автономные единицы в «чуждом» ему словесном окружении, играя роль информационных добавок к сообщаемым сведениям (как часто бывает в травелогах), но одновременно и не растворяется в обрамляющем тексте до состояния едва различимой аллюзии. Автор «Храма Солнца» поступает иначе: цитаты им всегда отмечены кавычками, источник – умолчан. Так «чуждое слово» инкорпорируется в «свое», подчиняясь какой-то общей функции, «установке», притом что легкий «кивок» на инородность заимствованного фрагмента автор делает. Особую значимость подобные операции со скрытым от читателя источником приобретают в разделах, посвященных историософской проблематике, каковая у Бунина всегда одна и та же, – упадок и гибель цивилизаций.

Дальнейшая эволюция «путевых поэм» обнаружит уже известную нам закономерность: в поздних редакциях видим примерно лишь две трети исходных цитат, да и сам очерк «Зодиакальный свет» в том виде, в каком он предстал перед читателем в первопубликации 1908 г. и в Марксовом собрании сочинений 1915 г., не сохранится – в собрании издательства «Петрополис» 1936 г. начальный текст даст жизнь двум очеркам – «Дельте» и «Свету Зодиака».

Однако достигнутый Буниным еще в конце 1900-х гг. результат – преобразование исторического нарратива в поэтическую историософию – останется, хотя следы самой работы по перекодировке одного в другое будут скрыты. Ближайшей задачей в этом смысле видится обращение именно к начальным редакциям очерка, центральная тема которого и вместе с тем одна из главных в составе всего цикла – Древний Египет. Другая задача – показать влияние

опробованных в травелоге частных решений на более позднюю прозу Бунина, сюжетно уже никак с Египтом не связанную. Именно так исследователю откроется *историософия* автора, главное отличие которой от *историографической* конкретики – в общеприменимости, универсальности.

Источники

Письмо Бунина брату Юлию от 24 апреля 1895 г., на которое указал в своей статье М. С. Щавлинский [2021], свидетельствует о том, что труды французского египтолога Гастона Масперо (1846–1916), чье имя названо в этом послании, были одним из истоков бунинского интереса к Востоку¹. Получается, что в «ориентальном» слагаемом творчества движение от «раннего» к «зрелому» периоду проходило не в последнюю очередь под воздействием книг французского историка.

Знаковый статус государства фараонов, а также посвященных ему книг был в глазах Бунина очень высок. На страну пирамид русский писатель смотрит как на символ всех погибших культур, корень главных цивилизаций и религий Средиземноморья и Ближнего Востока, включая и христианский мир. «Он (Египет. – К. А.) был наставником всего древнего мира: это на основах его культуры, его религии выросли Ассирия, Финикия, Иудея, Греция – и христианство» (Бунин, 1915, т. 4, с. 151)². Неудивительно, что «Зодиакальный свет» и освещающий прибытие в Александрию очерк «Море богов» Бунин создает одними из первых – сразу после задавшего всю тему и несколько дистанцированного от остального цикла рассказа «Тень Птицы», который посвящен Стамбулу, расположенному на границе Европы и Азии и потому экстерриториальному относительно Ближнего Востока [Летопись..., т. 1, с. 712]. В ходе исследования очерка «Зодиакальный свет», третьего раздела путевых поэм «Храм Солнца», датированного 1907-м годом, а впервые опубликованного в 1908-м, нам удалось обнаружить и атрибутировать обширные цитаты из работы Масперо «Древняя история народов Востока», первый том которой вышел в Париже в 1875 г. и был переведен и издан в России 20 лет спустя (Масперо, 1895)³.

Текстология здесь естественным образом обуславливает поэтику. С. Н. Бройтманом и Д. М. Магомедовой подмечена связь сюжетной прозы художника конца 1900-х гг. с его восточным травелогом: первая создается словно «на фоне» второго, а элегический мотив запустения оказывается в равной степени как национально укорененным, так и соотношенным с ритмами мировой истории [Бройтман, Магомедова, 2001, с. 554]. В частности, Египет показан в этой перспективе как территория вечного, онтологического конфликта водной, животворящей природной силы с наступающими песками, натиск которых постоянно уменьшает энергию жизни. В терминах египетской мифологии, многообразно включенной писателем в ранний текст его очерка, бог

...Ра удалился от людей, забывших его ради жрецов и фараонов, на небо. Озирис, его ипостась, был растерзан своим братом – Сетом, богом зла и пустыни. Гору, сыну Озириса, пришлось стать, в образе Сфинкса, на бесконечную борьбу с Сетом. Но победителем остался все же Сет... (т. 4, с. 149)⁴.

Как часто бывает у Бунина, ранняя редакция более прозрачна для наблюдения за внутренней «механикой» производства смысла. Так, в первопубликации намеченная тема продолже-

¹ По свидетельству жены, Бунин вспоминал Масперо и непосредственно в ходе путешествия 1907 г. [Двинятина, Морозов, 2022, с. 88]. Очередное обращение к французскому автору последует в августе 1917 г. [Летопись..., т. 2, с. 866]. О востребованности работ Масперо в кругу русских литераторов, увлекавшихся Египтом, см.: [Панова, 2006, кн. 2, с. 382 (указатель)].

² Далее ссылки на собрание сочинений 1915 г. приводятся с указанием в скобках тома и страницы.

³ Далее ссылки приводятся по этому изданию с указанием страницы в скобках.

⁴ Поэтическими «эпиграфами» к конфликту выступают стихотворения «Египет» (1905 или 1907) и «Александр в Египте» (1907), которые в издании «Храма Солнца» 1917 г. предпосланы (вместе с рядом иных, очевидно концептуально «нагруженных» стихотворений) основному тексту «путевых поэм». См.: (Бунин, 1917, с. 9–21).

на комментарием, представляющим собой сетование о потерянном рае, но уже в Марксовом собрании это пояснение удалено. Ср.:

**И. А. Бунин. «Зодиакальный свет»,
1908**

– Да (здесь и далее подчеркнуто нами. – К. А.), солнце безжалостно на пути к Мемфису! – думал я, закрывая глаза и прислоняюсь к стене вагона, – и этим объясняется многое, многое... может быть, и потеря эдема на победном пути вверх по Нилу. Пламенный бог родит лишь пески, если рядом с ним не царит его «вторая жизнь» – бог-море (Бунин, 1908, с. 18).

**И. А. Бунин. «Зодиакальный свет»,
1915**

Солнце безжалостно на пути к Мемфису. Пламенный бог родит лишь пески, если рядом с ним не царит его «вторая жизнь» – бог-море (т. 4, с. 150).

«Вверх по Нилу» то есть в сторону пустыни. Одна из главных линий, соединяющих «египетскую» мифопоэтику с модернистскими воззрениями на исторический процесс, – жара, песок, пыль, иссушение. В литературоведении специального внимания удостоился психологический аспект лейтмотива: недавно Б. Лённквист [2013] анализировала коллизию водного и обжигающе-солнечного начал на примере знаменитого рассказа «Солнечный удар», весьма вероятно, обязанного этими мотивами всё тому же опыту Бунина-путешественника. А венцом раскрытия темы, как несложно догадаться, станет в начале 1910-х гг. повесть «Суходол». Не будем, однако, забегать вперед и сначала покажем, как в 1907 г. писатель работает со своим переводным французским источником, насколько энергично интересующие нас мотивы начинают насыщать сочинения художника, находящегося «на меже» между ранним и зрелым творчеством.

**Результаты исследования
«Зодиакальный свет» Бунина
и «Древняя история народов Востока» Масперо**

Начнем с эпизодических, а иногда и малоконцептуальных переключек. К числу последних относится, скажем, следующая:

**И. А. Бунин. «Зодиакальный свет»,
1915**

Ах, как пышно-прекрасны были земные воплощения бога Нила, эти мощные траурные быки – черные, с белым ястребом на спине, с белым треугольником на лбу, с блестящими черно-лиловыми глазами! (т. 4, с. 155)

**Г. К. Масперо «Древняя история
народов Востока»**

Апис долженствовал быть черного цвета, с белым треугольным пятном на лбу, иметь на спине изображение коршуна или орла с распростертыми крыльями... (с. 29)

Здесь работа предшественника очевидно использована как фактографическая опора. Однако встречаются и более сложные случаи «вплетения» известий Масперо в текст «Зодиакального света». Так, чуть выше первого примера русский писатель дает весьма темные сведения о ступенчатой пирамиде – скорее всего, усыпальнице фараона Джосера. Говорится об этом так:

...А в сухо-туманной пустыне рисуются фиолетовые конусы самых старых пирамид, – пирамид Да-шура и Саккара, – и среди них – ступенчатая пирамида Аписов: Ко-Комех – «пирамида черного быка». Внутри она уже разрушается, а снаружи полузасыпана песками (т. 4, с. 155).

С помощью книги Масперо эту информацию можно прояснить. В рассказе о царях из первых трех династий французский ученый поминает фараона Уэнефеса, который «воздвиг пирамиды Ко-коме, близ теперешнего городка Саккары» (с. 43). Пока здесь ничего не говорится о «черном быке», однако далее исследователь указывает на известную особенность наших знаний о древнейших правителях Египта: в темной глубине времен их исторические имена заслонены названиями божественных зверей. Ссылаясь на эллинистического историка Манефона, Масперо отмечает, что приход второй династии ознаменовался провозглашением «богами» нескольких

священных животных: Аписа Мемфисского, Мневиса Гелиополисского и козла Мендесского; имя его, означающее «самец самцов» или «бык быков», представляет, вероятно, намек на господствовавшие в его время символические идеи, блистательным выражением которых явилось вышеупомянутое обоготворение священных животных (с. 44).

И хотя Джосер, строитель своей ступенчатой пирамиды, был фараоном не второй, а третьей династии, этим аргументом с учетом специфики бунинской обработки первоисточников необходимо пренебречь, ибо в данном случае существенно важнее, что у Масперо пирамида «Ко-Коме», «Апис Мемфисский» и «бык быков» соседствуют на одной странице, что (при допущении, впрочем, влияния и со стороны какого-то иного, неизвестного нам источника) дает русскому автору возможность создать образ «Ко-Комех», «пирамиды Аписов». Следующие заимствования, во-первых, надежнее атрибутируются, а во-вторых, наделены гораздо большим программным смыслом.

Рассуждая о постепенном упадке древнеегипетского народа, Бунин задействует такой неожиданный оборот: «Жизнь его текла во тьме и рабстве, стала подобна “палке, изъеденной червями” <...> А был ли на земле народ более славный?» (т. 4, с. 151). Здесь перед нами прямая цитата.

Рассказывая в кн. 2, гл. 6 своего труда о временах фараона Рамсеса III, Масперо воспроизводит хранящийся в Британском музее Папирус Анастасия, в котором содержится горько-ироническое описание судьбы офицера египетской армии:

Почему думаешь ты, что пехотный офицер счастливее сcribe (писца. – *К. А.*)? <...> Хочешь, я опишу тебе участь пехотного офицера и всю силу его несчастий! Его уведут еще ребенком, чтобы запретить в казармах; – у него рана на животе, рана на глазу, шрам на обеих бровях; голова рассечена и покрыта гноем (с. 271).

«Это описание ран, бывших следствием трения каски и кирасы», – поясняет в примечании Масперо и продолжает цитировать свой источник, переходя к дальним походам: «Возвращается ли он, наконец, в Египет, – он похож на палку, изъеденную червями» (с. 272).

По Бунину, главный симптом упадка – покорение высокой цивилизации кочевниками. Вспомним восклицание повествователя в «Суходоле»: «Но податливы, слабы, “жидки на расправу”, были они, потомки степных кочевников!» (т. 5, с. 190). Для Масперо огромной по своему значению темой выступает завоевание Египта гиксосами в XVIII–XVI вв. до н. э. «Цари-пастухи» – вот устойчивая формула, рождающаяся под пером французского ученого для описания новых хозяев Египта. Она означает, что на смену божественному фараону, правителю оседлого населения, земледельцев, воинов и строителей пришел варвар, кочевник.

Как будто туча саранчи налетела на Египет. Города и храмы были разрушены, разграблены, сожжены. Часть мужского населения была перебита; другая часть вместе с женщинами и детьми была взята в рабство. Мемфис был взят, вся Дельта покорена; варвары выбрали царем одного из своих начальников по имени Салати... (с. 160–161).

Словосочетание «цари-пастухи» начинает повторяться после того, как Масперо увязал гиксосов с ближневосточными племенами, подобными современным «бедуинам пусты-

ни» (с. 162). «Всё прежнее великолепиие двора фараонов окружило теперь царей-пастухов...» (с. 163); «...Новая цивилизация наполовину египетская, наполовину семитическая, развилась во время второй династии царей-пастухов...» (с. 163). Отсюда это понятие переходит и в «Зодиакальный свет»: «Черны были и палатки таинственных азиатских кочевников, "царей пастухов", несметной ратью охватившие некогда Египет на целых пятьсот лет» (т. 4, с. 157)⁵.

Вернувшись, однако, в конце своего очерка к теме вечной красоты солнечного божества, Бунин решает непосредственно воспроизвести несколько образцов поэзии Древнего Египта. Берет он их, как нетрудно уже понять, – у Масперо.

**И. А. Бунин. «Зодиакальный свет»,
1915**

Свет утреннего солнца ослепительно блещет над розово-голубым морем пара, в котором тонут и острова, и вся долина Нила. «Привет тебе, Амон-Ра-Гормахис, сам себя производящий! Привет тебе священный ястреб со сверкающими крыльями, многоцветный феникс! Привет тебе, дитя, ежедневно рождающееся, старец, проплывающий в вечность!» (т. 4, с. 159).

«Ты идешь, лучезарный Амон-Ра-Гармахис! Твои гребцы гребут! Ты достигаешь зенита, по высшему приказу твоей матери Ну! Сердце твоих перевозчиков довольно, владыка небес! Боги и люди, испуская крики радости, падают ниц у престола Солнца! Ты – Священный Ястреб со сверкающими крыльями! Многоцветный феникс! Великий лев, существующий сам по себе и открывающий путь барки! Муж, все оплодотворяющий! Бык – ночью, начальник – днем! Царь неба, властитель земли! Тайна, образ которой неведом!» (т. 4, с. 162).

Финальная подборка цитат из сочинения французского египтолога задействована при описании Буниным-путешественником Большого сфинкса. Сперва, вернувшись к самому началу «Древней истории народов Востока», русский писатель уточняет местоположение скульптуры.

**Г. К. Масперо. «Древняя история
народов Востока»**

Приди, Ра, сам себя создающий! <...> О, благодетельный Ра-Гармахис <...> Священный ястреб со сверкающими крыльями; многоцветный феникс. <...> Дитя, ежедневно рождающееся! Старец, заключенный в пределах времени! Старец, пробегающий вечность! (с. 281–282; 283).

«Ты просыпаешься, благодетельный Амон-Ра-Гармахис! Ты просыпаешься, справедливый Амон-Ра, владыка обоих горизонтов! О благодетельный, лучезарный, пламенеющий! Твои гребцы Ахиму-Урду гребут! <...> ...Ты достигаешь высшей точки своего благодетельного пути, управляя своей баркой, в которой совершаешь ежедневно переезд по высшему приказанию твоей матери Нуит! <...>».

«О благодетельный Ра-Гармахис! Ты, муж, оплодотворяешь всех. Бык – ночью, начальник – днем...» (с. 280; 283).

⁵ В первопубликации 1908 г. Бунин вновь более конкретен: вполне поэтически именованные «цари пастухи» здесь также названы своим принятым в науке именем. «Черны были и палатки таинственных азиатских кочевников, “царей пастухов”, гиксов, несметной ратью...» и т. д. (Бунин, 1908, с. 27). Изгнание «науки» и подмена ее «поэзией» – вообще, по-видимому, одно из основных направлений бунинской правки. Ср. в первопубликации: «Пустой огромный саркофаг стоит и в Великой Пирамиде. Кто тот, что покоился в ней? Наука сказала – Хуфу» (Бунин, 1908, с. 28). И в Марковом собрании: «Пустой огромный саркофаг стоит и в Великой Пирамиде. Кто тот, что покоился в ней? Хуфу?» (т. 4, с. 158). Наука констатирует, поэзия вопрошает.

**И. А. Бунин. «Зодиакальный свет»,
1915**

«Гор живой, царь Египта Хуфу, нашел храм Изиды, покровительницы пирамиды, рядом с храмом Сфинкса, к северо-западу от храма Озириса, господина гробницы, и построил себе пирамиду рядом с храмом этой богини... Место Сфинкса – к югу от храма Изиды, покровительницы пирамиды, и к северу от храма Озириса» (т. 4, с. 162).

Г. К. Масперо. «Древняя история народов Востока»

«Гор, живой (тот, который сокрушает своих врагов?), царь Египта Хуфу, животворящий, нашел храм Изиды, покровительницы пирамиды, рядом с храмом Сфинкса, к северо-западу от храма Озириса, господина гробницы, он построил себе пирамиду рядом с храмом этой богини, а также и пирамиду своей царственной дочери, Гонтсен, близ этого храма» (с. 63).

Фрагмент о ней оканчивается снова гимническим восклицанием, у Масперо адресованным, как и прежние, солнечному богу Ра:

**И. А. Бунин. «Зодиакальный свет»,
1915**

«Честь тебе, старец, многоликий владыка, испускающий лучи, разгоняющие мрак!» (т. 4, с. 163)

Г. К. Масперо. «Древняя история народов Востока»

«Честь тебе, старец, объявляющийся в свой час, многоликий владыко Уреус, испускающий лучи, которые рассеивают мрак!» (с. 281)

Примечательно, что в первопубликации этот фрагмент представлял собой стяжение двух пассажей из Масперо, разделенных у французского автора примерно полустраницей: поначалу бунинская цитата была подробнее, но и произвольнее:

**И. А. Бунин. «Зодиакальный свет»,
1908**

«Честь тебе, старец, многоликий владыка Уреус, испускающий лучи, разгоняющие мрак! Ты утоляешь страданье Озириса. Ты даешь дыханье всем, пребывающим в долине мертвых!» (Бунин, 1908, с. 35)

Г. К. Масперо. «Древняя история народов Востока»

«Честь тебе, старец, объявляющийся в свой час, многоликий владыка Уреус, испускающий лучи, которые рассеивают мрак!». <...> Потому что тобою сделан бич, который наносит смертельные удары, и ты утоляешь страдание Озириса; ты даешь дыхание всем находящимся в долине мертвых» (с. 281–282).

Первое, что можно сказать о приведенных совпадениях: разворачивая перед читателем свой собственный текст, Бунин в целом стремится синхронизировать эпизоды, соотносящиеся с работой Масперо, как будто книга-источник последовательно читалась русским автором одновременно с написанием очерка. Схождений, построенных «крест-накрест», когда, скажем, концу бунинского текста соответствует начало книги египтолога (или же наоборот), относительно немного. Второе: создатель «путевых поэм» довольно свободно, а иногда, как это мы видели на примере пирамид Ко-Комех, на основе ассоциаций обращается с привлеченными данными или цитатами из гимнов, которые вдобавок могут стягиваться в какое-то

свое, новое высказывание – поэтическое стремление к достижению единого смысла преобладает над потенциальными экспериментами с «чужим словом».

Второе обстоятельство подводит нас к кардинальному отличию литературной *историософии* Бунина от на нынешний взгляд довольно ранней, т. е. сложно расстающейся с повествовательной традицией, но при этом всё же вполне академичной *историографии* французского исследователя.

То, что могло привлечь Бунина в труде Масперо, сформулировано последним буквально на первой странице «Древней истории...». Речь идет о противопоставлении Нила остальному, преимущественно безжизненно-песчаному ландшафту страны. Обширно цитируя Геродота, ученый пишет: «Нужно видеть Египет в период наибольшего спадания вод, за месяц до начала лета, чтобы представить себе, во что обратился бы этот оазис, если бы он случайно лишился своей реки-кормилицы» (с. 1). В это время

Берега его (Нила. – К. А.), то плоские, то крутые, состоят из массы черной грязи, выжженной солнцем, за ними – ничего, кроме песков и бесплодия, так как хамсин (ветер, несущий песок и продолжающийся 40 дней) только что перестал дуть. Кое-где сквозь пыльную, ослепляющую, раскаленную атмосферу виднеются стволы и ветви деревьев; листья же покрыты таким слоем пыли, что издали их нельзя отличить от песков окружающей пустыни. Только путем усиленной и трудной поливки в садах паши удастся поддерживать нечто, напоминающее зеленую растительность. Наконец, появляется первый предвестник окончания этого ужасного времени года – с севера начинает дуть сильный ветер, продолжающий потом с яростью бушевать изо дня в день. Благодаря ему вся листва Нижнего Египта освобождается от пыли и снова зеленеет (с. 2).

Едва ли Масперо стремился придать своему исходному тезису – в духе художественной словесности – какое-то дополнительное значение, однако, случайно или нет, бунинский первообраз Египта почти неотличим от того, что предложил французский автор, причем все последующие характеристики, сообщенные русским писателем этому начальному мотиву, становятся его расширительным толкованием.

Впервые на египетскую землю Бунин с В. Н. Муромцевой вступили именно «за месяц до начала лета» – 20 апреля (3 мая) [Двинятина, Морозов, 2022, с. 70]. Впечатления о прибытии в Александрию отразились в конце предшествующего «Зодиакальному свету» очерка «Море богов» – и здесь же, как бы в предчувствии более подробного знакомства с Египтом, встречаем первую цитату из Масперо:

**И. А. Бунин. «Море богов»,
1915**

«Ты – путь, соединяющий небо с землей», – сказали Нилу гимны. Не таковы ли и все пути в чужие земли? (т. 4, с. 144)

**Г. К. Масперо. «Древняя история
народов Востока»**

«Привет тебе, о Нил, проявляющий себя на этой земле! <...> Ты повсеместно поишь землю, ты путь, соединяющий небо с землей!» (с. 10)

Бунинский Египет – в точном соответствии с зачином книги историка – предстает царством жары и песка. «Зодиакальный свет» открывается фразой повествователя: «Выехав за таможню, я невольно склонил голову: солнце стояло как раз над головою. Обгоняя нас и поднимая горячую пыль, покатила коляска с нарядными левантинцами...» (т. 4, с. 146). Каир в художественном пространстве очерка показан исполненным живительной влаги оазисом, который «обступают» «мертвые моря песков» (т. 4, с. 157). В самом же городе, напротив, «к вечеру улицы полить»; «нежно и свежо пахнет цветами, тепло и пряно – влажной пылью и нагретыми за день мостовыми» (т. 4, с. 153). Финал отдельного «каирского сюжета», однако, безрадостен: «Зодиакальный свет» оканчивается победой бога Сета – картиной неминуемого торжества пустыни. «А Каир встретил меня закрытыми ставнями, сохнувшими от зноя деревьями, белыми пустыми улицами. Небо было тускло, дул жгучий пыльный ветер... То был вестник Сета, бога первобытного пламени» (т. 4, с. 165).

Горячий ветер в этих образных структурах весьма важен: с ним ассоциировано вторжение иноплеменников, причем в узел ассоциаций здесь увязаны и гиксосы начала второго тысячелетия до н. э., и персы Камбиза, покорившего Египет в 525 г. до н. э., и черный цвет, «окрасивший» согласно «смещенной» логике синестезии всех участников этого развернутого уподобления, включая и сам ветер («черны были и палатки <...> “царей пастухов”»); «Камбиз <...> “семусином” – черно-пламенным ураганом прошел <...> по Египту» (т. 4, с. 157)), который, с одной стороны, заставляет вспомнить «хамсин» из книги Масперо, а с другой – своей «чернотой» предвосхищает последний пассаж очерка, где о победе Сета сказано цитатой из пока неизвестного нам источника: «И дышал он над страной могил от первородных чад ее, с таинственного и грозного юга, – оттуда, “где бог в своем лучезарном течении покрывает кожу людей мрачным блеском сажи, и иссушая, курчавит их волосы”» (т. 4, с. 165).

Концентрически, центростремительно все доступные восприятию Бунина признаки пустынного ландшафта (песок, пыль, ветер, жара, чернота), включая и личный опыт прибытия в Египет в самое суровое для этих мест время года, соединены в одну точку, в которой торжество Сета, покорение цивилизации чуждой враждебной силой. Излишне говорить, насколько эта *поэтическая* картина не совпадала с концепцией французского историка. По Бунину выходило так, что упадок Египта был неизменным, безальтернативно-окончательным спуском, постепенно ускоряющимся к точке перелома, за которой только безысходная гибель.

У Масперо всё иначе: читатель его труда знакомится с целой чередой «упадков» и новых возвышений древней страны. За катастрофой вторжения гиксосов следует история их изгнания, после описания печальных последствий «ига» читатель знакомится с блистательной эпохой Рамсеса II, новое крушение империи сменяется восстановлением при Рамсесе III. При всем том, что Масперо, как и Бунин, придерживается распространенного в XIX в. представления об исторических «возрастах», созданная в его огромной книге общая картина постепенного «запустения» по большей части историографична и в этом смысле не «литературна».

«Египетские» образы в прозе Бунина 1910-х годов

Превращение истории в метафору – особенность художественного мышления. С этой точки зрения отдельной задачей видится поиск аналогичных мотивике «Зодиакального света» мотивных решений в том разделе бунинского творчества, который в жанровом отношении далеко отстоит от «путевых поэм».

Отметим сразу, что отыскать в ранней прозе писателя знакомые нам мотивы иссушения почти невозможно. Но вот к более поздним рассказам 1913 г. «Чаша жизни» и «Пыль» стоит присмотреться внимательнее. Несомненно, что на закрепление в бунинской поэтике «ориентального» языка «пустынных» образов повлияло второе восточное путешествие, предпринятое в конце 1910 – 1911 г. по маршруту, часть которого снова проходила по территории Египта, где писатель с супругой провели более месяца [Летопись..., т. 2, с. 77–87].

Так, центр всех событий в «Чаше жизни», улица, названная *Песчаной*, приобретает благодаря своему имени особый смысл именно в очерченном здесь контексте. На ней стоят дома двух главных героев – о. Кира и Селихова. Вдоль нее «...вскачь неслись с вокзала и на вокзал извозчики. Они тучей поднимали рыжую пыль, которая покрывала все крыши, все стены и окна на Песчаной улице» (т. 6, с. 172). Такие описания имеют в бунинской поэтике свою ретроспективу, правила которой превращают вымышленный писателем Стрелецк (объединенным прототипом для него выступили Елец и Ефремов) в уменьшенную версию Каира, стоящего на границе бесконечной пустыни. Последняя, кстати, отразилась в зарисовке дома селиховского визави о. Кира:

Дом его, длинный и невысокий, по кирпичу беленый мелом, был далеко виден по широкой улице. Нигде не росло ни единого деревца – разве какая-нибудь кривая яблонька на мещанском пустыре. Но за железной крышей протоиерейского дома пыльно и бледно зеленели верхушки молодых тополей (т. 6, с. 173–174).

Даже русская зима, невозможная в Египте, ничего в Стрелецке не меняет: окрашенная в светло-серые тона пустыня сохраняется и в холоде. «Зимой на Песчаной улице было много снега, было серо и пустынно... <...> Летом было очень жарко. От пыли небо и солнце тускло серебрились» (т. 6, с. 174).

На страницах «Чаши жизни», впрочем, отсутствуют специальные, выдержанные в ориенталистском ключе, ремарки повествователя: свой ближневосточный опыт автор старался не обнаруживать. Иное дело – рассказ «Пыль», завершающий отдел прозы Марксова собрания сочинений и в этом отношении расположенный на момент 1915 г. в знаковой позиции рубежа творчества.

Здесь известные нам образы сразу даны в ретроспективе травелога, а имя героя отсылает к повести «Суходол»: «Пыльное солнце пекло ухабистую площадь. Несколько запыленных извозчиков стояло вдали. Серый от пыли вагон трамвая долго поджидал кого-то. И Хрущев вспомнил Восток, Турцию...» (т. 6, с. 277). Покрытые пылью деревья такие же, как в «Чаше жизни», а кроме того, – в Египте, каким его увидел еще Геродот, а затем воспроизвел Масперо: «Высокие запыленные тополя шумели от знойного ветра возле большого белого вокзала» (т. 6, с. 277). К травелогу отсылает и фабула – хождение героя по городу, известному с юности, но ставшему вдруг незнакомым, попытка открыть его для себя заново и провал изначального плана найти нужный дом.

Не касаясь острого политического подтекста рассказа ⁶, отметим лишь особенности художественного языка, в котором обращает на себя внимание приспособление давно опробованных травелоговых формул, глубоко укорененных в природоописательном дискурсе, обращенном к Ближнему Востоку. Весьма аллегорична сцена поездки на трамвае, окончившейся там, где «рыжие рельсы упирались в песок... Тишина и жаркий ослепительный свет» (т. 6, с. 279). Ср. в «Зодиакальном свете»: «Всё блестит, как атлас, отделяясь на западе от шелковистой лазури. Всюду гробовая тишина и бездна пламенного света» (т. 4, с. 162).

Затем дезавуируется и идея пешего похода: «И вдруг вся эта затея – шататься в жару, ломать ноги по песку и камням <...> – показалась Хрущеву глупой и бесцельной» (т. 6, с. 279). Наконец по адресу безымянного городка звучит строгий приговор – причем словами, которыми повествователь мог бы вынести его Гелиополю, а не очередному уездному Ефремову или Ельцу: «...И мысли его опять возвратились к молодости, к началу его бездомной жизни, к этому большому мертвому городу, вечно заносимому пылью, подобно оазисам среднеазиатских пустынь, подобно египетским каналам, засыпаемым песками...» (т. 6, с. 280). Вспомним здесь «белые пустыные улицы» Каира, а также улицу Песчаную, на которой «зимой» «было много снега, было серо и пустынно», т. е. она тоже была «пустой» и варьировала белый цвет.

Заключение

Безотносительно к реальным географическим ландшафтам Бунин использует в своей словесной живописи регулярные повторы, объединяющие не только две главные линии творчества – лирическую и нарративную, но также собственный авторский текст и его источник-донор, передающий свои фрагменты сначала травелогу, где они даются еще в кавычках (с отсылкой, впрочем, в никуда), а затем сочинениям, связь которых с «путевыми поэмами» можно восстановить, только проследив историю самих этих формул. Интертекст утрачивает свою даже относительную суверенность и делается слагаемым единой поэтической палитры.

⁶ См.: [Мальцев, 1994, с. 163].

Список литературы

- Бройтман С. Н., Магомедова Д. М.** Иван Бунин // Русская литература рубежа веков (1890 – начало 1920-х годов). М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. Кн. 1. С. 540–585.
- Двинятина Т. М., Морозов С. Н.** Палестинское путешествие И. А. Бунина 1907 года: хроника и контекст // Литературный факт. 2022. № 2 (24). С. 64–94.
- Летопись жизни и творчества И. А. Бунина / Сост. С. Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1 (1870–1909). 944 с.; 2017. Т. 2 (1910–1919). 1184 с.
- Лённквист Б.** Паронимия как текстопорождающий принцип – *пыл / пыль* у Ивана Бунина. Анализ рассказа «Солнечный удар» // Лённквист Б. Кленовая Ветвь: статьи разных лет о русской литературе. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. С. 100–107.
- Мальцев Ю. В.** Иван Бунин, 1870–1953. Франкфурт-на-Майне; Москва: Посев, 1994. 432 с.
- Панова Л. Г.** Русский Египет. Александрийская поэтика Михаила Кузмина: В 2 кн. М.: Водолей Publishers; Прогресс-Плеяда, 2006. Кн. 2. 408 с.
- Пономарев Е. Р.** Преодолевший модернизм. Творчество И. А. Бунина эмигрантского периода. М.: Литфакт, 2019. 340 с.
- Пономарев Е. Р.** «Храм Солнца» или «Тень Птицы»? Поэтика «путевых поэм» И. А. Бунина // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2021. № 69. С. 298–320.
- Щавлинский М. С.** «Храм Солнца» И. А. Бунина – неоконченный проект освоения Востока // И. А. Бунин и его время: контексты судьбы – история творчества / Отв. ред.-сост. Т. М. Двинятина, С. Н. Морозов; ред. А. В. Бакунцев, Е. Р. Пономарев. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 934–952.

Список источников

- Бунин И. А.** Полн. собр. соч.: В 6 т. Пг.: Изд-во Т-ва А. Ф. Маркс, 1915.
- Бунин И. А.** Храм Солнца. Пг.: Книгоизд-во «Жизнь и знание», 1917. 174 с.
- Бунин И. А.** Зодиакальный свет // Слово. Лит.-худож. сборники / Под ред. Н. А. Крашенинникова. М.: б.и., 1908. Кн. 1. С. 13–39.
- Масперо Г.** Древняя история народов Востока. М.: Тип. М. Г. Волчанинова и бывш. Д. И. Иноземцева, 1895. 715 с.

References

- Broitman S. N., Magomedova D. M.** Ivan Bunin. In: Russkaya literatura rubezha vekov (1890 – nachalo 1920-kh godov) [Russian Literature of the Turn of the Century (1890 – early 1920s)]. Moscow, Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences; “Heritage” Publ., 2001, vol. 1, pp. 540–585. (in Russ.)
- Dvinyatina T. M., Morozov S. N.** Palestinskoe puteshestvie I. A. Bunina 1907 goda: khronika i kontekst [I. A. Bunin’s 1907 Trip to Palestine: Chronology, Context]. *Literaturnyi fakt* [Literary Fact], 2022, no. 2 (24), pp. 64–94. (in Russ.)
- Lönnqvist B.** Paronimiya kak tekstoporozhdayushchii printsip – *pyl/pyl'* u Ivana Bunina. Analiz rasskaza “Solnechnyi udar” [Paronym as a Text-Shaping Factor – *pyl/pyl'* in Ivan Bunin’s Works. The Analysis of “The Sun Stroke”]. In: Lönnqvist B. Klenovaya Vetv': stat'i raznykh let o russkoi literature [Maple Branch: Articles of Different Years on Russian Literature]. Saint-Petersburg, European Univ. in Saint-Petersburg Press, 2013, pp.100–107. (in Russ.)
- Maltsev Yu. V.** Ivan Bunin, 1870–1953. Frankfurt am Main, Moscow, Posev Publ., 1994, 432 p. (in Russ.)

- Morozov S. N.** (comp.). *Letopis' zhizni i tvorchestva I. A. Bunina* [The Chronicle of Life and Works by I. A. Bunin]. Moscow, Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences Press., 2011, vol. 1, 944 p.; 2017, vol. 2, 1184 p. (in Russ.)
- Panova L. G.** *Russkii Egipet. Aleksandriiskaya poetika Mikhaila Kuzmina* [The Russian Egypt. Alexandrian Poetics of Mikhail Kuzmin]. In 2 vols. Moscow, Vodolei Publishers; Progress-Pleyada Publ., 2006, vol. 2, 408 p. (in Russ.)
- Ponomarev E. R.** *Preodolevshii modernizm. Tvorchestvo I. A. Bunina emigrantskogo perioda* [Overcoming the Modernism. Ivan Bunin's Works of Emigre Period] Moscow, Litfakt Publ., 2019, 340 p. (in Russ.)
- Ponomarev E. R.** "Khram Solntsa" ili "Ten' Ptitsy"? Poetika "putevykh poem" I. A. Bunina ["The Temple of the Sun" or "The Shadow of a Bird"? The Poetics of "Travel Poems" by I. A. Bunin]. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Filologiya* [Tomsk State University Herald. Philology], 2021, no. 69, pp. 298–320. (in Russ.)
- Shchavlin'skiy M. S.** "Khram Solntsa" I. A. Bunina – neokonchennyi proekt osvoeniya Vostoka [I. A. Bunin's "The Temple of the Sun" – The Unfinished Project of Mastering the East]. In: Dvinyatina T. M., Morozov S. N., Bakuntsev A. V., Ponomarev E. R. (eds.). *I. A. Bunin i ego vremya: konteksty sud'by – istoriya tvorchestva* [I. A. Bunin and His Time: Context of Life – History of Work]. Moscow, Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences Press., 2021, pp. 934–952. (in Russ.)

List of Sources

- Bunin I. A.** Complete Works. In 6 vols. Petrograd, A. F. Marks Publ., 1915. (in Russ.)
- Bunin I. A.** *Khram Solntsa* [The Temple of the Sun]. Petrograd, Life & Knowledge Publ., 1917, 174 p. (in Russ.)
- Bunin I. A.** *Zodiakal'nyi svet* [Zodiacal Light]. In: Krasheninnikov N. A. (ed.). *Slovo. Lit.-khudozh. sborniki* [The Word. Literary-Artistic Miscellanies]. Moscow, 1908, vol. 1, pp. 13–39. (in Russ.)
- Maspero G.** *Drevnyaya istoriya narodov Vostoka* [Ancient History of the Peoples of Orient]. Moscow, M. G. Volchaninov & D. I. Inozemtsev Publ., 1895, 715 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Кирилл Владиславович Анисимов, доктор филологических наук, доцент
Scopus Author ID 57191621249
SPIN 7759-9334

Information about the Author

Kirill V. Anisimov, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor
Scopus Author ID 57191621249
SPIN 7759-9334

*Статья поступила в редколлегию 30.12.2023;
одобрена после рецензирования 22.02.24; принята к публикации 24.02.2024
The article was submitted on 30.12.2023;
approved after reviewing on 22.02.2024; accepted for publication on 24.02.2024*

Научная статья

УДК 82-1

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-124-131

Железная дорога как культурный феномен и как поэтический текст

Юрий Васильевич Шатин

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

shatin08@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2725-2836>

Аннотация

Рассматриваются два аспекта железной дороги: как культурный феномен и как тематический мотив поэтического текста. Появление железной дороги не только стало важным техническим достижением, но и сформировало ранее неизвестный культурный код с отличительными чертами. Возникает новый тип дискурсивной реальности, приводящей к оригинальному принципу текстообразования. Параллельно культурному коду возникает другой – художественный, отличающийся уникальностью и эксклюзивностью. Примером художественного кода, связанного с железной дорогой, является стихотворение М. Цветаевой «Рельсы» (1923). В стихотворении мы можем наблюдать борьбу двух моделей – генеративной, вписанной в парадигму культуры, и интерпретационной, активно противостоящей первой парадигме и благодаря синтагме определяющей замкнутость поэтического текста.

Ключевые слова

железная дорога, Цветаева, код, генеративная модель, интерпретационная модель

Для цитирования

Шатин Ю. В. Железная дорога как культурный феномен и как поэтический текст // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 9: Филология. С. 124–131. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-124-131

The Railway as a Cultural Phenomenon and a Poetic Text

Yurii V. Shatin

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

shatin08@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2725-2836>

Abstract

Purpose. The article examines two aspects of the railway: as a cultural phenomenon and as an example of thematic motif in poetic text.

© Шатин Ю. В., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 9: Филология. С. 124–131
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 9: Philology, pp. 124–131

Results. The appearance of the railway was not only an important technical achievement, but also formed a previously unknown cultural code with distinctive features. Firstly, with a paradoxical sense of stability of the path and at the same time, promising disaster in case of deviation, incommensurable rides on horseback. Secondly, with the feeling of simultaneous presence into opposite spaces – at the unchanging point of the carriage and in the constantly changing panorama outside the window. Thirdly, a qualitatively new sense of rhythm, accelerated and hinting as the possibility of change. As a result, a new type of discursive reality arises, leading to an original type of text formation. So, in parallel with the cultural code, another arises – an artistic one, characterized by uniqueness and exclusivity. An example of an artistic code related to the theme of the railway is M. Tsvetaeva's poem *Rails* (1923). Based on the tradition of traveling by rail as symbolic movement towards non-existence, Tsvetaeva actualizes the mortal motif in her own way, built on conflict of hard (iron) and soft (canvas), as well as on introducing a musical motif into the text (the linearity of musical lines) along with the original sound recording, creating the effect of a patronymic attraction.

Conclusion. Thus, in the poem *Rails* we observed the struggle of two models – generative inscribed in the paradigm of culture, and inter-iterative, actively opposing the paradigm and, thanks to syntagma, determining the self-closure of the poetic text.

Keywords

railway, Tsvetaeva, code, generative model, inter-iterative model

For citation

Shatin Yu. V. The Railway as a Cultural Phenomenon and Poetic Text. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 9: Philology, pp. 124–131. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-124-131

Введение

Лягте, рельсы! Встаньте, бездны!

Покоряйся нам, земля!

И катися, путь железный,

От Невы и до Кремля... –

такими стихами в оде «Железная дорога» (1842) Степан Шевырëв приветствовал начало строительства железной дороги, которая должна была связать две столицы. Парадоксальным образом именно литератор, близкий к кругу славянофилов, первым начал восславлять достижение технического прогресса. Парадоксы и далее буквально окутывали создание первой железной дороги как культурного феномена. Достаточно сказать, что большая часть отпущенных средств была расхищена тогдашним министром путей сообщения графом Клейнмихелем и его ближайшим окружением, а также подрядчиками, но, несмотря на это, Николаевская дорога, открытая в 1851 г., оказалась на тот момент лучшей в мире.

Точно таким же парадоксом железная дорога отразилась в сознании современников. Новое средство передвижения изменило семиотические и психологические координаты, выработанные столетиями при традиционных средствах езды. С одной стороны, колея железной дороги воспринималась как символ стабильного устойчивого движения, не допускающего какого-нибудь отклонения, с другой – в случае нарушения такой стабильности катастрофа становилась неизбежной и приводила к жертвам, несоизмеримым при езде на лошадях. Достаточно вспомнить крушение царского поезда Александра Третьего в Борках 29 октября 1888 г., в результате которого погиб 21 человек и было ранено 68 (двое из них вскоре скончались). Такое путешествие, напоминающее движение по лезвию бритвы, неизбежно порождает амбивалентное отношение к самому средству. Н. И. Мартишина справедливо замечает: «...появление среди дорог железной дороги породило в российской культуре, с одной стороны, перенос на неё символики дороги и, с другой стороны, формирование новой смысловой системы – представление о железной дороге как символическом воплощении технического прогресса, подминающего и уничтожающего органическое бытие» [2022, с. 13].

Не менее значимым оказывался еще один семиотический и психологический компонент. Пассажир поезда постоянно ощущал себя находящимся в двух пространственных сферах одновременно – неизменной точке присутствия в вагоне и постоянно меняющейся панораме движущегося поезда. Известен пример о двух пассажирах, которые встретились дважды в пути за одним столиком вагона-ресторана: первый раз в Новосибирске, второй – в Иркутске.

Таким образом, появление железной дороги проблематизировало два асимметрических параметра: абсолютного порядка, который при определенных обстоятельствах одновременно оборачивался хаосом, и одновременного пребывания субъекта в двух противоположных пространствах – неподвижно закрытом и динамически открытом.

Третьим немаловажным следствием становится изменение ментального взгляда на мир, который приобретает динамичность и убыстренность. Начиная с XIX в. «введение в сюжет произведений докинематографической эпохи мотивов железной дороги приводит к эффекту динамизации дискурса, проблематизирует оппозицию старинного уклада жизни и технического прогресса, которая становится ключевой» [Муратова, Жиличева, 2022, с. 56–57]. Сформированный культурный код железной дороги взывает к новому типу дискурсивной реальности, которая, в свою очередь, приводит к новому типу *текстообразования*.

И здесь самое время обратить внимание на неизбежность разграничения культурного и художественного кодов, ибо первый характеризуется своей универсальностью в рамках парадигмы, второй, по сути, уникален и эксклюзивен. Благодаря универсальности первого кода сама культура может быть представлена в виде матезиса, сходного с таблицей Менделеева: наряду с клетками, содержащими реальные элементы, она включает значимые пустоты, которые свидетельствуют, что, если бы этот элемент существовал, его свойства были бы такими-то, а не иными. Потенциальное оказывается более значимым по отношению к реальному.

В свою очередь, художественный код благодаря своей уникальности до конца не вписывается в существующий матезис и стремится противостоять ему. Скрытый конфликт культурного и художественного кодов существовал с момента возникновения литературы, но, как установил М. Фуко, «именно в начале XIX века – в то время, когда язык как бы погружался в свою объективную толщу и позволял знанию пронизывать себя насквозь, – он одновременно восстанавливал самого себя в другой области и в другой самостоятельной форме – едва доступной, сосредоточенной на загадке своего происхождения, всецело соотнесенной с чистым актом письма. Литература бросает вызов своей родной сестре – филологии: она приводит язык от грамматики к чистой речевой способности, где и сталкивается с диким и властным бытием слов <...> литература всё более и более отличает себя от дискурсии мысли и замыкается в своей глубокой самозамкнутости» [Фуко, 1977, с. 390].

Подобное соотношение культурного и художественного кодов определяет статус художественных текстов как особого сегмента культуры. «Текст является такой дискурсивной формой, которая образует “верхнюю” границу лингвистического анализа и “нижнюю” границу культуры. Риторика текста в известной мере обеспечивает синтез этих подходов, замыкаемых на автотелическую (риторическую) функцию речи, передающей информацию о собственной структуре. Этим объясняется, в частности, то обстоятельство, что во всех вариантах современной риторики, в отличие от лингвистики текста, предлагается его интерпретативная, а не генеративная модель» [Мейзерский, 1991, с. 109]. К сказанному В. М. Мейзерским следует добавить, что такая интерпретативная модель должна представлять, на наш взгляд, ансамбль кодов, включающих наряду с преодолением лингвистического кода коды интертекстуальности, метатекстуальности и архитектекстуальности. При подобном подходе текст одновременно раскрывает собственную уникальность, эвристические связи с другими текстами, признаки определенного жанра, а также и информацию о самом себе как художественном образовании.

Результаты исследования

В рамках настоящей статьи обратимся к прецедентному тексту – стихотворению М. Цветаевой «Рельсы» (1923) [Цветаева, 1994]. Воплотив в нем мотив железной дороги, Цветаева не могла не учесть сложившийся к тому времени культурный код, которым характеризовался предшествующий период русской поэзии. Если в первых «железнодорожных» стихотворе-

ниях господствовал пафос восторга и оптимизма, например у Фета, то с конца 1850-х гг. эта традиция была резко сломлена прежде всего в «Железной дороге» (1858) Некрасова. Задав традиционный мотив быстрого движения («Быстро лечу я по рельсам чугунным, / Думаю думу свою»), поэт по контрасту вводит противоположный мотив – смерти («Прямо дороженька, насыпи узкие, / Столбики, рельсы, мосты, / А по бокам-то всё косточки русские...»).

Спустя два десятилетия происходит дальнейшая конкретизация – благодаря «Анне Карениной» мотив гибели железнодорожника трансформируется в самоубийство главной героини. Эстафету Толстого подхватывает Блок, у которого железная дорога тесно коррелирует с самоубийством. Сначала через детское восприятие в стихотворении «Из газет» (1903): «Мамочке не больно, розовые детки, / Мамочка сама на рельсы легла / Доброму человеку, толстой соседке, / спасибо, спасибо. Мама не могла... / Мамочке хорошо. Мама умерла»), а затем в более известном «На железной дороге» (1910), где смерть дается на фоне абсолютного равнодушия пассажиров в мчащемся поезде («Вставали сонные за стёклами / И обводили ровным взглядом / Платформу, сад с кустами блёклыми, / Её, жандарма с нею рядом. / Лишь раз гусар, рукой небрежною / Облокотясь на бархат алый, / Скользнул по ней улыбкой нежною, / Скользнул, и поезд в даль умчал»).

Таким образом, обратившись к теме железной дороги, Цветаева могла опираться на сформированную традицию. Основной корпус стихотворений на указанный мотив («Крик станций», «Сон вагонов», «Поезд жизни», «Побег», «В сиром воздухе загробном» и др.) приходится на 1922–1923 гг., и это не случайно, если учесть, что с этого времени начинается период эмигрантских странствий поэта, в новом контексте актуализовавший основной для лирики Цветаевой моральный мотив.

Литературоведами неоднократно отмечалась определенная переключка стихотворений о железной дороге друг с другом. «Отказавшись от циклического единства, Цветаева, тем не менее, связывает лирические тексты посредством композиционных приёмов, метрико-ритмического строения, лексико-стилистических переключек, интертекстуальных, исторических и литературных отсылок, биографического контекста, авторских вставных конструкций и стихотворных заголовков» [Шатовкина, 2019, с. 125–126]. Полностью соглашаясь с предложенным исследователем списком, следует заметить, что смысл каждого из указанных текстов им не исчерпывается. Прежде всего, художественный эффект достигается особым соединением элементов, «химией слоев», обусловивших неповторимость каждого из стихотворений, в том числе и стихотворения «Рельсы».

Начнем с заглавий, роль которых в поэтике Цветаевой весьма значима. Согласно С. Синьорини, «основное ядро поэтических циклов Цветаевой, а также отдельных стихотворений, обычно содержится в заглавии. Слово-заглавие составляет как бы тему, а текст – тему, раскрывающую и расширяющую значение слова-заглавия. Слово, выполняющие функцию “заглавия темы”, всегда повторяется в цикле или в роли субъекта, или в роли главного семантического элемента, определяющего выбор всего словесного материала» [Signorini, 1993, p. 251].

Задав в заглавии основную тему стихотворения, Цветаева совершает превращение его в ряд рематических развертываний. «Железнодорожные полотна» раскладываются на три ремы, каждая из которых становится сюжетообразующим мотивом: дорога – железо – полотно. Сюжетность мотива дороги задается в первую очередь семантическим ореолом метра, обеспечивающим высокую корреляцию мотива с пятистопным хореем, имеющим устойчивую традицию в русской поэзии («Что ты часто ходишь на дорогу / В старомодном ветхом шушуне», «Выходила на берег Катюша», «По военной дороге / Шёл в борьбе и тревоге / Боевой восемнадцатый год», «Гул затих, я вышел не подмостки» и др.).

Вместе с мотивом дороги сквозную оппозицию образуют железо vs полотно как твердое и мягкое. С одной стороны, железа «режущая синь», «ножницами режущий гудок», с другой – «нежась наподобие простынь» или «час, когда отчаянем, как свахой / простыни разо-

стланы». Результатом столкновения одновременной мягкости и твердости железнодорожного полотна становится финал сюжета – «красное, напрасное пятно», подразумевающий мотив крови и намекающий на самоубийство, выраженное энтимемой – «Молодые женщины порою / Льстятся на такое полотно». В написанном несколькими месяцами раньше стихотворении «Побег» уже был актуализован этот мотив – «верстовая снасть столба», где, по выражению А. Г. Степанова, «Цветаева присягает на самоубийство, ей так и не удается освободиться от навязывания смерти, которую она предвидит. Мистическим образом проясняется “технология” конца» [Степанов, 2012, с. 191].

Наряду с многочисленными гипертекстуальными ссылками на предшествующие стихи система интертекстуальных связей буквально пронизывает лирический сюжет текста, проводя его сквозь цепь семантических метаморфоз. Центральная сема – железнодорожные полотна – подвергается серии превращений, каждое из которых способствует приращению определенной доли поэтического смысла. Завязкой такого превращения становится аллюзия на текст пушкинских «Бесов». Неслучайность такой отсылки вполне очевидна, ибо «в цветаевском преломлении они (пушкинские бесы. – Ю. Ш.) обретают самостоятельность и умолкают, сознательность их действия происходит благодаря изменению глагольного числа (гонят / гонит) и пунктуальности знака ?/!» [Шатовкина, 2019, с. 116]. Продолжая рассуждения, А. А. Шатовкина резонно замечает, что как раз благодаря пушкинскому интертексту создается эффект перерастания реального пространства (и, добавим, вместе с ним лирического события) в сферу творческого воображения.

Парадоксальность игры смыслами в стихотворении «Рельсы» заключается в том, что, как бы продолжая тему пушкинского беса: «Там верстою небывалой / Он торчал передо мной», – Цветаева переводит ее в новый регистр. «Насыпи застывшие столбы» оказываются женою Лота, превращенной в соляной столб. Путь жены Лота мог оказаться спасением от ужасов Содомы, но цена такого спасения заключалась в полном отказе от прошлого: убегая, не оглядываясь назад. В отличие от героини Ветхого Завета лирическая героиня Цветаевой оказывается одновременно гонимой бесовскими силами и отягченной обязательством глядеть на прошлое («Это уезжают – покидают, / Это остывают – отстают / Это остаются»). Подобно Фриде из «Мастера и Маргариты», обреченной каждый раз получать в подарок платок, которым она задушила младенца, героиня, как и сама Цветаева, покидая Содом страны, «название которой состоит из одних согласных», оказывается неспособной порвать связывающую с прошлым нить. Вместе с прошлым она теряет голос, судьба ее становится трагически предопределенной, схожей с судьбой обезголосевшей поэтессы с острова Лесбос («Плач безропотности! Плач болотной / Цапли, знающей ужу»).

Итак, цепь метаморфоз, сопровождающих движение лирического сюжета, формирует синтагматику стихотворного высказывания, обуславливает особенности его композиции, где первый катрен становится зачином, последний содержит развязку, а само развитие действия заключается в четыре строфы, замкнутые между ними.

Интертекстуальность глубинной структуры стихотворения «Рельсы», как и большинства других произведений, становится у Цветаевой полем игры, где наряду с опознаваемыми знаками чужого текста и чужого слова возникает жесткий механизм, как бы выворачивающий существующую традицию наизнанку. Наиболее заметными компонентами такого переворачивания становятся ритм и звукопись. При традиционности пятистопного хорея, относящего к мотиву дороги, Цветаева создает оригинальный ритмический рисунок. Как указал в своем труде М. Л. Гаспаров, «в “Рельсах” начинают использоваться “полузапрещенные” ранее вариации с пропуском на II стопе, дающие непривычный для этого размера альтернирующий ритм» [Гаспаров, 1984, с. 231]. Продолжая наблюдения за ритмом, необходимо заметить, что альтернирующий эффект усиливается в тех случаях, когда пропуску ударения на II стопе сопутствует пропуск либо на I, либо на III стопах. «Железнодорожные полотна», «И обезголовившая Сафо» – в первом случае; «Высящаяся... поверх любви», «Высящаяся... женою Лота» – во втором. При этом энергичное начало при условии одновременного пропуска мно-

гократно усиливается резко выраженным *enjambement*, делающим ритм Цветаевой непохожим на чей-либо из ее современников.

Не менее важной составляющей чертой цветаевской поэтики и этого стихотворения становится звукопись. Поэт прекрасно понимает, что поэзия, безразличная к звуку, поэзией не является – правило, не знающее исключений. Такое понимание зарождается уже в первых сборниках Цветаевой, но кульминации достигает как раз в указанный период – начала 1920-х гг. Важно отметить при этом, что звукопись Цветаевой практически лишена той орнаментальной функции, которую можно наблюдать в поэзии символистов, в частности у К. Бальмонта.

Исследователями давно замечено, что звукопись Цветаевой всецело подчиняется принципу паронимической аттракции, при которой она едва ли не первой в русской поэзии ее реализует. «В отношении паронимической аттракции вовлекаются языковые единицы в пределах одной строки, соединения строк, строфы, целого текста. Отношения звукового сходства и звукового контраста семантизированы и являются сигналами глубинной семантической связи» [Ревзина, 1998, с. 34]. В «Рельсах», в частности, звуковая метафора семантизирует уже рассмотренную оппозицию твердого (железа) vs мягкого (полотна). С одной стороны, полотно посредством аллитерации *пл* превращается в плач Сафо, последней швеи, плач безропотности, плач болотной цапли, с другой – благодаря *рж* – рельсовая режущая синь, ножицами режущий гудок. И, наконец, столкновение двух звуковых кодов в последнем катрене: «Растекись напрасною зарёю / Красное напрасное пятно! / ...Молодые женщины порою / Льстятся на такое полотно».

Далекая от семиологических изысканий, Цветаева интуитивно ощущала роль и значимость индексальных и иконических знаков в плане наполнения их вторичными семантическими координатами. В одной из своих работ, посвященных использованию иконических знаков, А. Г. Степанов сделал любопытное наблюдение, предположив, что литера «н» в «Рельсах» является графическим аналогом железной дороги и содержит внутри себя скрытый смысл. «Эта самая “железнодорожная” из кириллических букв способна миметически передать идею женского самоубийства на рельсах. В переводе графической и звуковой формы на “железнодорожный” код “н” анаграммирует имя героини Толстого» [Степанов, 2006, с. 34].

Заключение

Таким образом, на примере стихотворения «Рельсы» мы можем видеть, как в художественном тексте со-противопоставляются две модели – генеративная и интерпретационная. Если метафорически воспользоваться понятием взаимодополнительности, принятом в современной физике, следует утверждать, что художественный текст оказывается одновременно вписанным в современную создателю парадигму культуры, которая сама является совокупностью текстов, но, с другой – этот же художественный текст активно противостоит парадигме, обуславливая тем самым свою неповторимость и самозамкнутость. Весьма возможно, что следствия этого парадокса в полной мере еще предстоит усвоить культурологической и литературной теории.

Список литературы

- Гаспаров М. Л. Очерки истории русского стиха. М.: Наука, 1984. 322 с.
- Мартишина Н. И. Мифологизация объектов железной дороги в культуре // Вестник Сиб. гос. ун-та путей сообщения. Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (15). С. 10–16.
- Мейзерский В. М. Философия и неориторика. Киев: Лыбидь, 1991. 183 с.
- Муратова Н. А., Жиличева Г. А. Семиотика поезда в русской литературе: интермедийный и метапоэтический аспекты // Вестник Кемеров. гос. ун-та. 2022. Т. 24, № 1. С. 50–59.

- Степанов А. Г.** О «железнодорожных» стихах М. Цветаевой: поэтика тематических подхватов // Лики Марины Цветаевой: XIII Междунар. науч.-тем. конф.: Сб. докл. М., 2006. С. 31–42
- Степанов А. Г.** Железная дорога в судьбе и поэзии Марины Цветаевой // Филология и университет: сб. Радова. Наука и современеи университет 1. Ниш, 2012. С. 188–192.
- Ревзина О. Г.** Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблема описания поэтического идиолекта: Дис. в форме науч. докл. ... д-ра филол. наук. М., 1998. 82 с.
- Цветаева М. И.** Рельсы // Марина Цветаева. Собр. соч.: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 2. С. 208–209.
- Фуко М.** Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977. 487 с.
- Шатовкина А. А.** Пространственно-временная специфика книги М. И. Цветаевой «После России»: образы железной дороги // Вестник Волж. гос ун-та им. В. Н. Татищева. 2019. Т. 2, № 2. С. 112–127.
- Signorini S.** Мастерство Марины Цветаевой (на примере поэтического цикла «Разлука») // *Europa Orientalis*. 1993, No. 2 (12). P. 249–263.

References

- Foucault M.** *Slova i veschi: Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and Things: Archeology of Humanities Knowledge]. Moscow, Progress Publ., 1977, 487 p. (in Russ.)
- Gasparov M. L.** *Ocherki istorii russkogo stikha* [Essays on the History of Russian Verse]. Moscow, Nauka, 1984, 320 p. (in Russ.)
- Martishina N. I.** Mifologizatsiya ob"ektov zheleznoi dorogi v kul'ture [Mythologization of Railway Objects in Culture]. *Siberian University of Means of Communication Herald. Humanities Studies*, 2022, no. 4 (15), pp. 10–16. (in Russ.)
- Meizersky V. M.** *Filosofiya i neoritorika* [Philosophy and Neo-Rhetoric]. Kiev, Lybed Publ., 1991, 183 p. (in Russ.)
- Muratova N. A., Zhilicheva G. A.** Semiotika poezda v russkoi literature: intermedial'nyi i meta-poeticheskii aspekty [Semiotics of the Rail in Russian Literature: Intermedial and Meta Poetic Aspects]. *Kemerovo University Herald*, 2022, vol. 24, no. 1, pp. 50–59 (in Russ.)
- Revzina O. G.** Sistemno-funktsional'nyi podhod v lingvisticheskoi poetike i problema opisaniya poeticheskogo dialekta [System Functional Approach in Linguistic Poetics and The Problem of Describing a Poetic Idiolect]. Dr. Philol. Sci. Dis. in a Scientific Report Form. Moscow, 1998, 82 p. (in Russ.)
- Shatovkina A. A.** Prostranstvenno-vremennaya spetsifika knigi M. I. Tsvetaevoi "Posle Rossii": obrazy zheleznoi gorogi [The Spatial and Temporal Specifics of M. Tsvetaeva's Book "After Russia"]. *Volzhsky University named after V. N. Tatischev Herald*, 2019, vol. 2, no. 2, pp. 112–127. (in Russ.)
- Singorini S.** Masterstvo Mariny Tsvetaevoi (na primere poeticheskogo tsikla "Razluka") [The Skill of Marina Tsvetaeva (on The Example of The Poetic Cycle "Parting")]. *Europa Orientalis*, 1993, no. 2 (12), pp. 249–263. (in Russ.)
- Stepanov A. G.** O "zheleznodorozhnykh" stikhakh M. Tsvetaevoi: poetika tematicheskikh podkhatov [About M. Tsvetaeva's "Railing" Poems: The Poetics of Thematic Pickup]. In: *Liki Mariny Tsvetaevoi* [Faces of Marina Tsvetaeva]. XIII International Scientific Thematic Conference. Materials. Moscow, 2006, pp. 31–42. (in Russ.)
- Stepanov A. G.** Zheleznaya doroga v sud'be i poezii Mariny Tsvetaevoi [The Railing in the Fait and Poetry of Marina Tsvetajeva]. In: *Philology and university: coll. Radova. Science and the modern university 1. Nish*, 2012, pp. 188–192. (in Russ.)
- Tsvetaeva M. I.** Rel'sy [Rails]. In: *Marina Tsvetaeva. Collected Works*. In 7 vol. Moscow, Ellis Luck Publ., 1994, vol. 2. pp. 208–209. (in Russ.)

Информация об авторе

Юрий Васильевич Шатин, доктор филологических наук, профессор
Scopus Author ID 57206658737
SPIN 2042-4331

Information about the Author

Yurii V. Shatin, Doctor of Sciences (Philology), Professor
Scopus Author ID 57206658737
SPIN 2042-4331

*Статья поступила в редколлегию 23.01.2024;
одобрена после рецензирования 08.02.2024; принята к публикации 09.02.2024
The article was submitted on 23.01.2024;
approved after reviewing on 08.02.2024; accepted for publication on 09.02.2024*

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-132-143

«Возвышенный взгляд на ужас»^{*}: функция орнаментальной поэтики в повести В. Зазубрина «Щепка»

Елена Николаевна Проскурина

Институт филологии

Сибирского отделения Российской академии наук

Новосибирск, Россия

proskurina_elena@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2809-6780>

Аннотация

Представлен анализ повести В. Зазубрина «Щепка» (1923) в ракурсе орнаментальной прозы на фоне размывающейся чистоты литературных жанров. Об ориентации на высокий жанр свидетельствует прописная буква местоимения в подзаголовке произведения: «Повесть о Ней и о Ней», т. е. о Революции и вновь о Ней. Контрастирует с этой интенцией апокалиптическая образность произведения, представляющая революционную эпоху в красках страшного мира. Поэтический слой текста формируется лирическим голосом героя и усиливается орнаментальным богатством ассоциаций. Острота его внутреннего поединка, основанная на притяжении к революции и отталкивании от нее, наращивает эмоциональное напряжение всего произведения. На уровне интертекстуального диалога ощутимо влияние на поэтику «Щепки» поэмы Блока «Двенадцать».

Ключевые слова

проза 1920-х гг., В. Зазубрин, «Щепка», литературные жанры, орнаментальная проза, интертекст

Для цитирования

Проскурина Е. Н. «Возвышенный взгляд на ужас»: функция орнаментальной поэтики в повести В. Зазубрина «Щепка» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 9: Филология. С. 132–143. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-132-143

“A Sublime Look at Horror”: The Function of Ornamental Poetics in V. Zazubrin’s Story *Sliver*

Elena N. Proskurina

Institute of Philology

of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Novosibirsk, Russian Federation

proskurina_elena@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2809-6780>

Abstract

Purpose. The article presents an analysis of V. Zazubrin’s story *Sliver* (1923) from the perspective of ornamental prose on the background of the crumbling purity of literary genres.

^{*} В названии использована фраза из статьи И. Вишневецкого [2016].

© Проскурина Е. Н., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 9: Филология. С. 132–143

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 9: Philology, pp. 132–143

Results. The focus on the high genre is evidenced by the capital letter of the pronoun in the subtitle of the work: “A Tale of Her and of Her”, i. e. about the Revolution and Her again. In contrast to this intention, the apocalyptic imagery of the work presents the revolutionary era in the corridors of a terrifying world. The poetic layer of the text is shaped by the lyrical voice of the protagonist, enhanced by the ornamental richness of the associations. The poignancy of his inner bout, based on the attraction for revolution and repulsion from it, heightens the emotional tension of the entire work.

Conclusion. At the level of intertextual dialogue the influence of Blok's poem *The Twelve* on the poetics of Sliver is palpable. This is evidenced by the characteristic details of the plot: the atmosphere of the night, the street, the wind, the Chekist rampage, which correlates with the rampage of the elements, as well as the mosaicism of images and the intermittent rhythm of the narrative. Accompanying stylistic elements in the story are the poetics of contrasts, the technique of counterpoint, the density of tropes, the hyperbolization of images, which reproduce the dissonant “music” of the red terror.

Keywords

1920s prose, V. Zazubrin's story *Sliver*, literary genres, ornamental prose, intertext

For citation

Proskurina E. N. “A Sublime Look at Horror”: The Function of Ornamental Poetics in V. Zazubrin's Story *Sliver*. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 9: Philology, pp. 132–143. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-132-143

Введение

Переходные эпохи истории – благоприятное время для экспериментирования в разных сферах культуры. Это время, когда «рушатся скрепы традиционных представлений и мысль не может оставаться в положенных границах дисциплин... жестко определенных форм выражения» [Бальбуров, 2009, с. 19]. Общеизвестен тот факт, что художественные поиски литературы 1920-х гг. формировались как классической традицией, так и открытиями Серебряного века, накладывающимися на революционную реальность. На пересечении этих тенденций оформлялся во многом экспериментальный, эклектичный стиль ранней советской прозы, шли поиски новых жанровых форм. Разрушение сформировавшейся жанровой системы как тенденция современной литературы было замечено еще на заре ушедшего столетия, став предметом теоретического осмысления в работах представителей формальной школы: Ю. Тынянова, В. Шкловского, Б. Эйхенбаума (см., например: [Тынянов, 1977; Шкловский, 1983]). Размышления о жанре в отечественном литературоведении шли на всем протяжении XX в., продолжают и в современности. Так, в книге «Теория жанра» один из видных исследователей этой проблемы Н. Л. Лейдерман пишет: «В постнормативные эпохи каждый художник не столько следует за канонами <...>, сколько отталкивается от канона и каждый раз... ищет свою, неповторимо-единственную жанровую форму, в которой... скажет своё новое слово о человеке и мире» [2010, с. 175–176].

Для литературы постреволюционных лет наиболее востребованным оказался жанр героической эпопеи, по-новому воспроизведенный в ряде прозаических произведений, отмеченных борьбой двух миров с высоким градусом эмоционального напряжения, кипения человеческих страстей. В их ряду «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова, «Падение Даира» А. Малышкина, «Железный поток» А. Серафимовича, «Ватага» В. Шишкова, «Ветер» Б. Лавреница и др. На жанровую гетерогенность этих произведений обратила внимание Н. В. Драгомирецкая: «Это эпопеи, но они же и лирические поэмы в прозе, эпопеи, пронизанные лиризмом и романтикой. Эпическое содержание эпопей-поэм не может развернуться в полную меру, лирическое начало в них выступает в известном отношении как средство восполнить недостаток предметной конкретности, широкого и вольного изображения характеров» [1965, с. 129]¹. Развивая мысль исследователя, Н. Л. Лейдерман выделяет следующие параметры поэм в прозе: архитектурные сцепления контрастных по эмоциональной окрашенности

¹ Впервые формула *поэма в прозе*, еще не как определение, а как некое не вполне оформившееся понятие, появилась в статье А. Воронского в связи с произведениями Б. Пильняка: «В отличие от... большинства молодых писателей, занимательной, интересной фабулы у Пильняка нет, да и вообще фабулы нет. Не рассказы, не повести, не романы, а поэмы в прозе. Мозаика, механическое сцепление глав» [Воронский, 1987, с. 249].

эпизодов, экспрессивная перенасыщенность словесной фактуры, «густота тропов, яркость красок, неистовость гипербол – то, что в принципе характерно для поэтической речи» [Лейдерман, 2008, с. 245]. Показательно, что в качестве главных характеристик поэмы в прозе исследователи выдвигают в основном особенности стилистической поэтики, значимость интонации как основной прием в оформлении произведения в единое целое, а не традиционные для жанра поэмы структурные элементы сюжета: «Здесь дивятся взрывам массовых эмоций, упиваются разгулом стихии, восторгаются вспышкам яркой личности, ужасаются “гремучей смесью” высокого и низкого в человеке...» [Там же, с. 266]. Можно заметить, что в приведенных характеристиках отражены те признаки, которые свойственны поэтике орнаментальной прозы, составившей одно из ведущих направлений литературного процесса первых десятилетий XX в.

Результаты исследования

Особое место в этом «жанрово-стилевом потоке» принадлежит повести В. Зазубрина «Щепка» (1923). В ней обращение к орнаментальному стилю с характерным для него богатством ассоциаций связано с попыткой поэтического отражения авторского субъективного вчувствования в революционную эпоху через близкого ему героя, для которого внешние события становятся «частью души». В таком построении сюжета видно существенное отличие данного произведения от приведенного выше литературного ряда повестей о революции и Гражданской войне, где в центре сюжета – образ народа как единого целого: «По дорогам, по балкам, по косогорам тьмы тем шли, шли, шли...»; «Это было становье орд, идущих завоевывать прекрасные века» (Малышкин). В «Щепке» сюжет организован вокруг драматической истории главного персонажа, встроенной в картину распавшегося мира, в результате чего возникает та самая «гремучая смесь» высокого и низкого в человеке» [Лейдерман, 2008, с. 266], влияющая на жанровую природу произведения, ее гибридность.

О связи «Щепки» с «высоким» жанром свидетельствует подзаголовок «Повесть о Ней и о Ней», т. е. о Революции и вновь о Ней. Усиливает эту «высокую» ноту прописная буква в дважды повторенном местоимении, возводящая революцию к целому гнезду архетипических символов, в ряду которых прообразы Вечной Женственности, Мировой Души, но в первую очередь Богородицы. Такой круг всплывающих аналогий, кажущихся на первый взгляд неожиданными и неочевидными, вскрывает суть авторской позиции. Можно сказать, что она высвечена уже на уровне названия произведения. Однако в сюжетном плане дело оказывается гораздо сложнее. Текст повести показал своеобразие зазубринского видения революции, представленного не в ее «стерильном», «плакатном» образе, а с самых темных задворков, из кровавых подвалов Чека. На наш взгляд, художественным образцом для писателя стала поэма Блока «Двенадцать», где революция также изображена с ее «теневого, отталкивающей стороны» [Дудкин, 1990, с. 119]. На неслучайность такого соответствия настраивает тот факт, что поэма Блока присутствовала в творческом сознании Зазубрина в период работы над его главными произведениями, создававшимися в 1921–1923 гг. В частности, в финале романа «Два мира» (1921) автор от лица своего героя Барановского цитирует блоковские строки «Мы на горе всем буржуйам / Мировой пожар раздуем, / Мировой пожар в крови» (Зазубрин, 1988, с. 304). Мотив «мирового пожара» отразился как на взвихренной поэтике романа (подробно см.: [Проскурина, 2020, с. 14–41]), так и на апокалиптической поэтике повести, взрывная энергия которой выразила крайности и противоречия переломного времени. Близкими для обоих авторов оказались и их творческие задания. Так, для Блока стилистическая гибридность поэмы была воплощением «музыки революции». Для Зазубрина цель «Щепки» состояла в создании «вещи революционной, полезной революции» [ЛНС, 1972, с. 358]. Контрастная цветовая символика, рубленый ритм повести, динамизм, фантазмагоричность сюжета также напоминают поэтический мир «Двенадцати». При этом Зазубрину удалось создать глубоко оригинальное произведение, что во многом связано с выбранной темой, к которой

он поначалу отнесся лишь как к «нетронутой», богатой «россыпями материала» (Зазубрин, 1990, с. 373)². Но творческое в нее погружение вскрыло для писателя жестокую беспощадность нарождающегося в первородных муках нового мира, что отразилось как на поэтике образа революции, так и на изображении главного героя – предгубчека Срубова.

Если Блоку в поэме удалось воспроизвести «музыку революции», то Зазубрину в «Щепке» оказалось по силам воссоздать словесно-интонационную «музыку» красного террора, потребовавшую соответствующих способов выразительности, – экспрессивную, диссонансную, агрессивную, звучащую в самом пронзительном регистре, воспроизводящем остроту убийственного противостояния двух миров. Ситуация поединка реализована через основной художественный прием повести, прием контрапункта, выполняющего важную архитектурную функцию. Распространяясь извне вовнутрь, в сознание главного героя, он сцепляет разрозненные, мозаичные фрагменты текста, создавая в нем общую «максимально напряженную эмоциональную атмосферу». При этом революционные потрясения передаются в форме сокровенного, интимного переживания Срубова, с одной стороны, готового служить революции даже самыми кровавыми методами, с другой – испытывающего ужас перед ними и внутреннее отторжение их.

Внешние события имеют в «Щепке» двойное значение: отображения реальных исторических явлений и того наружного фона, на котором происходит душевная борьба героя. В начальных главах он выписан по «плакатной» модели «железного рыцаря революции»: «Твердо, с поднятой головой стоит Срубов в громе землетрясения, жадно вглядываясь в даль. В голове только одна мысль – о Ней» (с. 48); «Когда он, входя в белый подъезд, топает тяжелыми стальными ногами, белый каменный трехэтажный дом дрожит» (с. 52–53) и др. Гиперболизация образа Срубова соответствует основным типологическим чертам революционной героики, варьируя мотив богатырства главного персонажа в ряде поэм в прозе (например, Никита Вершинин из повести Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69», Степан Зыков из «Ватаги» Вяч. Шишкова, Командарм из «Падения Даира» А. Малышкина и мн. др.). Однако к концу повести измученный внутренней борьбой герой предстает уже жалким душевнобольным человеком.

Прием контрапункта распространяется и на фоновый образный ряд произведения, демонстрируя аномальный характер постреволюционной повседневности «Щепки». В повести практически отсутствуют нейтральные описания. Раскачивающаяся между «верхом» и «низом» стилистика настроена на векторную устремленность вниз. В качестве одной из эмблем разрушенного уклада жизни изображен в повести дом купца Пшеницына, на вывеске которого ранее, золотом по черному, было написано: «Вино. Гастрономия. Бакалея», теперь же пятнами краснеет новая надпись: «Губернская Чрезвычайная Комиссия». Там, где ранее в подвалах купца «хранились головы сыру, головы сахара, колбасы, вино, консервы» (с. 52), теперь сквозь тусклый свет виднеются «головы арестованных», «колбасы рук и ног». Эмблематична и фамилия купца, в которой закодирован достаток, благополучие, «срубленные» разорением и смертью.

Окказиональный ряд натуралистических метафор, созданных по принципу столкновения живого и мертвого: «стальные ноги грузовиков», «каменная пустобрюхая глыба потолка», «бледная лихорадка» луны, «хруст снежных костей», «огненные волдыри ламп», «спины сгорбившихся сугробов», «фыркающая одышка мотора» и др. – вызывает отчетливый эффект адского пространства, в которое всё глубже погружается сдвинувшийся с основ мир. Рельефности художественной картине светопреставления добавляют наделенные экспрессивной энергией мотивы дрожащей земли, извергающегося вулкана, огненной лавы, красной кровавой реки, рождающиеся в воспаленном сознании Срубова под воздействием жутких расстрельных сценариев, организатором которых он оказывается в силу своей должности:

² Далее ссылки на повесть «Щепка» даются по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

В темном конце подвала трупы друг на друга лезли к потолку. Кровь от них в светлый конец ручейками. Уставший Срубов видел целую красную реку. В дурманящем тумане всё покраснело. <...> Красная кровь вспыхнула сверкающей огненной лавой. И не пол тряся в лихорадке – земля колебалась. Извергалась, грохотал вулкан (с. 47–48).

Главный герой «Щепки» принадлежит к категории персонажей романтического типа, героев-мечтателей. Именно романтическим мировосприятием, томлением по прекрасному формируется представление Срубова о революции, олицетворенной в его сознании в образе единственно желанной возлюбленной, которой он готов рыцарски-самоотверженно служить. Но из того же истока проистекает болезненность его внутренних *pro et contra* в отношении к революции – «любовнице жестокой» и одновременно «прекрасной». В облике двух аур – красоты и безобразия – предстает она в видениях героя, прошивающих весь текст, формируя его лирический слой. Причем, несмотря на все сомнения, размышления Срубова о революции передаются в неизменной стилистике воспеания, внося поэтическое начало в прозаический текст повести.

Контраст идеального образа революции и реальных способов его воплощения достигается в произведении разными поэтическими приемами. Элементы орнаментальной прозы, синтезирующие абстракцию с бытом, миф с действительностью, встраиваются в стилевой поток произведения и как фрагменты видений героя, что усиливает поэтическую модальность «Щепки». Один из таких примеров – образное олицетворение классового поединка с использованием характерной цветовой символики ³:

Срубов видел диво – Белый и Красный ткали серую паутину будней.

Его, Срубова, будней. <...> Белый плел паутину ночами, по темным задворкам, по глухим переулкам, прятался от Красного, думал, что Красный не видит, не знает.

Красный вил паутинную сетку параллельно сетке Белого – нить в нить, узел в узел, петлю в петлю... вил днем и ночью, не прерывал работу ни на минуту. Прятался от Белого, был уверен, что Белый не видит, не знает. <...> Вообще же служба в Чека красно-серое, серо-красное. Красный и Белый, Белый и Красный. И бесконечная путаница паутины... (с. 77).

В этой картине революционного противоборства любопытно преобразование белого и красного цветов в серый, символизирующий как серые будни чекистской повседневности, так и утрату героем чистоты души. Мотивы сети, узлов, паутины создают метафорический образ запутанной судьбы не только Срубова, но и самой революции.

На поэтическом уровне эпизод вызывает отчетливые аллюзии на символическую картину «смертельной схватки» в «Падении Даира», одном из ярких образцов орнаментальной прозы: «И как призраки – в серых ветрах дня Красный и Черный всадники сшиблись в вышине грудями огненноглазых, бешено вздыбленных коней» (Малышкин). Различие, однако, в том, что сходными поэтическими приемами два автора реализуют противоположные творческие задания: Малышкин создает экспрессивную панораму революционного противоборства как яркое событие, тогда как Зазубрин – повторяемую изо дня в день жуткую чекистскую повседневность, что лишает ее свойства событийности. Единственное исключение – сцена оправдания приговоренных к расстрелу участников восстания против советской власти, вызвавшая как в Срубове, так и в его команде расстрельщиков, живую, неподдельную радость. Событийный характер этой сцены отмечен определением «невиданное»:

И в ту же ночь невиданное увидел белый трехэтажный каменный дом с красным флагом... Вышли за ворота с хохотом, с громкими криками сотрудники Губчека. Предгубчека мальчишкой забежал вперед, схватил горсть снега, смыл и Ваньке Мудыне в рожу. Ванька захлебнулся смехом, взвизгнул. <...> и чекисты, как школьники, выскочившие на большую перемену на улицу, с визгом принялись лупить снегом... (с. 72).

Антитеза идеального и реального, верха и низа – тот главный «нерв», за счет которого возникает энергичное «натяжение» всего текста «Щепки», достигая к финалу степени «перенатяжения» и разрешаясь в итоге распадом сознания героя. Однако движение к этому траги-

³ О цветовой символике «Щепки» см.: [Хасанов, 2017].

ческому пуанту носит нелинейный характер, усложняя как линию сюжета, так и стратегию судьбы Срубова. Ретардация сюжетного развития возникает через эпизоды, относящиеся к разным стадиям и формам внутреннего поединка героя. Пластичность его натуры не раз помогает ему абстрагироваться от адской реальности, встроить ее в границы привычных образов и понятий, что выражено в тексте способом отстранения. Так, во время жуткой расправы с приговоренными Срубов прибегает к подсказанному комендантом аллегорическому образу автоматического завода:

– Машина, товарищ Срубов. Завод механический.

Срубов кивнул головой и вспомнил снопоогненный зал двора. Вертится зал, перекидывает людей из подвала в подвал. А во всем доме огни, машины стучат. Сотни людей заняты круглые сутки. И тут ррр-ах-рр-ррр-ах. <...> Смазочная мазь летит кровяными сгустками мозга. (Бурят или буравят ведь не только землю, когда хотят рыть артезианский колодец или найти нефть. Иногда ведь приходится проходить целые толщи камня, жилы руд, чтобы добуриться или добуравиться до чистой земли, необходимо пройти стальными сверлами костяные пласты черепов, кашеобразные трясины мозгов, отвести в сточные трубы и ямы гейзеры крови.) <...> Воздух отяжелел от свинца. Трудно дышать. Завод (с. 44).

Символичен образ «чистой земли» в этом видении, протягивающий нить ассоциаций к Новой Земле – центральному образу «Откровения Иоанна Богослова», чем акцентируется апокалиптическая реальность «Щепки» в ее преобразующей модальности. В этом контексте метафора завода выполняет оправдательную функцию по отношению к действиям героев-расстрельщиков, в числе которых и сам Срубов, придавая государственную значимость возглавляемому им учреждению и возвеличивая его в собственных глазах как «ассенизатора революции», наделенного высокой миссией очищения становящегося нового мира от остатков старой жизни: «он с людьми дела не имел, только с отбросами. <...> Его обязанность вылавливать в кроваво-мутной реке революции самую дрянь, сор, отбросы, предупреждать загрязнение, отравление Ее чистых подпочвенных родников» (с. 58). Символичен также образ самого здания Чека, белого трехэтажного каменного дома с часовыми, с красным флагом и красной вывеской. Показательна чистота белого и красного цветов в этом фрагменте, отсутствие серого цвета будней. Таким образом, само здание, вернее, его надземная часть, не зная горя «ни тех, кто работает в нем, ни тех, кого приводят в него, ни тех, кто приходит к нему» (с. 82), стоит непоколебимо, словно «столп и утверждение» новой истины: «...неумолим, тверд, жесток, строго справедлив, как часовой механизм и его стрелки» (с. 82). Эта цепочка «высоких» проекций, возникающая в сознании Срубова, объясняет отсутствие в его душе сочувствия к расстреливаемым – как белогвардейцам, так и городским обывателям. Все они предстают эмблемой ветхости отжившего свой срок мира: жалкими, дрожащими, стонущими, ползающими, смердящими – отходами, предназначенными к утилизации. Срубому претит не само их уничтожение: «Для Нее и в Ее интересах Срубов готов на всё. Для Нее и убийство – радость. И если нужно будет, то он, не колеблясь, сам станет лепить пули в затылки приговоренных» (с. 45), – а обстановка и способ ликвидации: грязный подвал, срывание одежды, голые тела, брызжащая кровь. Высокая цель никак не уживается в сознании героя с низкой будничностью ее осуществления.

Бесконечная душевная борьба Срубова в попытках самооправдания – род своеобразной психологической казни, которой он подвергается в своих многочисленных видениях и снах, что влияет на символику революции, ощущаемую им как некое постоянное Присутствие: «Запах крови, парного мяса будил в Срубове звериное, земляное. <...> Но Та, которую любил Срубов... была здесь же» (с. 47). В этом качестве проводника по адскому миру материализованный образ революции вызывает ассоциации с образом Беатриче из «Божественной комедии» Данте. В процессе развертывания сюжета он обрастает всё большими семантическими коннотациями. Помимо отблесков Вечной Женственности символистов, плененной Мировой Души гностиков, в нем мерцает и поруганная святость Достоевского. Но в первую очередь виденческие проекции революции ассоциируются с апокрифическим образом Богородицы (см. апокриф «Хождение Богородицы по мукам»), предстающей в народном сознании не только в иконном своем облике, но и в образе простой женщины, «старухой седатой».

Например, в одном из сибирских сказаний «на ней сарафан черной, рубаха белая без [з]бору» [Ромодановская, 1996, с. 149]. Ее образ в восприятии Срубова таков:

...для воспитанных на римских тогах и православных рясах Она, конечно, бесплотная, бесплодная богиня с мертвыми античными или библейскими чертами лица в античной или библейской хламиде. <...> Но для меня Она – баба беременная, русская, широкозадая, в рваной, заплатах, грязной, вшивой холщовой рубахе. И я люблю Ее такую, как Она есть, подлинную, живую, не выдуманную. <...> Она думает великую думу матери о зачатом, но еще не рожденном ребенке. И вот Она трясет свою рубашку, соскребает с нее и с тела вшей, червей и других паразитов – много их присосалось – в подвалы, в подвалы. И вот мы должны, и вот я должен, должен, должен их давить, давить, давить (с. 51–52).

Характерно обилие повторов в этой внутренней речи героя, показывающих нарастание напряжения между внешней и сокровенной частью его Я, попытку преодоления своего «внутреннего человека». Величие русской «нищей» революции, ее обновляющая функция особенно отчетливо предстает в сознании героя по контрасту с карнавальным образом Великой французской революции:

Ведь одни из них – поумереннее и полиберальнее – хотели сделать Ей аборт, другие – пореакционнее и порешительнее – кесарево сечение. И самые активные, самые черные пытались убить Ее и ребенка. И разве не сделали так во Франции, где Ее, бабу, великую, здоровую, плодovitую, обесплодили, вырядили в бархат, в бриллианты, в золото, обратили в ничтожную, безвольную содержанку⁴ (с. 50).

В итоге даже на грани безумия у Срубова находятся аргументы для оправдания жестокости красного террора, разрушившего его собственную жизнь:

Перед ним встала Она – любовница великая и жадная. Ей отдал лучшие годы жизни. Больше – жизнь целиком. Всё взяла – душу, кровь, силы. И ничего, обобранного, отшвырнула. <...> Сколько позади Ее на пройденном пути валяется таких, выпитых, обессиленных, никому не нужных. Видит Срубов ясно Ее, жестокою и светлую. Проклятия, горечь разочарования комком жгучим в лицо Ей хочет бросить. Но руки опускаются. Бессилен язык. Видит Срубов, что Она сама – нищая, в крови и лохмотьях. Она бедна, потому и жестокая (с. 87–88).

Эпизод построен на контрастных характеристиках, в основе которых присущий поэчному жанру поединок света и тьмы, происходящий в душе героя, но приводящий его в итоге не к разочарованию и проклятию, а к пониманию и оправданию кровожадности революции, в чем ощутима его готовность принять на себя роль жертвы.

На формальном уровне двойственность позиции в отношении к революции в лирических откровениях Срубова выражена использованием формы третьего лица: *Она*, – что становится маркером внутреннего дистанцирования от объекта рефлексии, в отличие от формы *Ты*, обозначающей обращение к объекту, характерное как для светской поэзии (ср. «Я помню чудное мгновенье: / Передо мной явилась ты...» у Пушкина (1977, с. 238); «Ты ли, подруга желанная, / Входишь ко мне на крыльцо?» у Блока (1980, с. 128) и др.), так и для молитвенных и литургических текстов, в том числе богородичных: «К Тебе, Пречистой Божией Матери...» (Молитва Богородице Петра Студийского); «Ты, Мати Божия, сохрани и соблюди мя под кровом Твоим» (Молитва Александра Свирского) и др. Во всех этих случаях «обращенная речь как бы вызывает, призывает того, к кому она обращена... чтобы тот, кому она посвящена, услышал нас» [Седакова, 2021, с. 107]. В центре события оказывается не поющий / говорящий, не его чувства и мысли, как это происходит в повести Зазубрина, а «тот, к кому эти чувства и мысли обращены» (курсив автора. – *Е. П.*) [Там же]. Иначе говоря, ощущение постоянного присутствия революции-«возлюбленной» конфликтует в сознании Срубова с попытками отдаления от нее. Неслучайно все его внутренние монологи, включая и аллегорические картины расстрелов, и цветовые видения классового поединка, построены в форме самоубеждения.

⁴ В этом описании узнаются детали образа Мадонны в творениях западных мастеров (деревянная скульптура «Золотая Мадонна из Эссена», покрытая листами сусального золота; статуя Миланской Мадонны, выполненная из позолоченной бронзы; картина «Мадонна в церкви» Яна ван Эйка, на которой Богоматерь изображена в богато украшенной драгоценностями короне, и др.), представленные в трагестированном виде.

В резонансное поле архетипических проекций революции вписывается блоковский образ Христа-Нищего, «в цепях и розах», диалогизирующий с образом «нищей» Революции-Богородицы, «в крови и лохмотьях» (с. 88). Поверженный лик Спасителя в стихотворении вступает в межтекстовую перекличку с трагической судьбой Срубова:

Пока такой же нищий не будешь,
Не ляжешь, истоптан, в глухой овраг,
Обо всем не забудешь и всего не разлюбишь,
И не поблекнешь, как мертвый знак
(Блок, 1980, с. 370).

Особенно отчетлива эта интертекстуальность в развенчанном образе героя, где он предстает уже не «рыцарем революции», а изможденным душевнобольным человеком: «худой, желтый, под глазами синие круги. Кожаный костюм надет прямо на кости. Тела, мускулов нет. Дыхание прерывистое, хриплое» (с. 87). В таком ракурсе судьба Срубова вырисовывает собственный страстный сюжет.

На уровне горизонтальных проекций образ «нищей» революции символизирует нищету народных толп, оказавшихся вершителями грандиозного события, что выдвигает лирическое пространство героя за его пределы, расширяя сюжетные рамки повести до эпических масштабов. Всё более разворачивающиеся вертикальные проекции образа революции придают ей вселенское измерение, что вписывает «Щепку» в культурный контекст эпохи с характерным восприятием революции как космического, мистериального явления. В финальной части «Щепки» прорисовывается образ мировой гармонии, словно прорастая изнутри апокалиптической картины мира, сформированной смятенным сознанием героя:

Оркестр поравнялся с пролеткой Срубова. Загремел. Срубов схватился руками за голову. Для него не стук ног, не бой барабанов, не рев труб – земля затряслась, загрохотал, низвергаясь, вулкан, ослепила огненная кровавая лава, посыпался на голову, на мозг черный горячий пепел. И вот, сгибаясь под тяжестью жгучей черной массы, наваливающейся на спину, на плечи, на голову, закрывая руками мозг от черных ожогов, Срубов всё же видит, что вытекающая из огнедышащего кратера узкая кроваво-мутная у истоков река к середине делается всё шире, светлей, чище и в устье разливается сверкающим простором, разливается в безбрежный солнечный океан (с. 90).

В этой символической картине мирового преображения знаковым элементом становится образ оркестра, отсылающий к «мировому оркестру» Блока, заряженному вселенским «духом музыки». В проекции революционного времени он проявлен дисгармоничностью звучания, грохотом и громом перевернутого мира, космическая упорядоченность которого брезжит лишь в дальней перспективе. Одной из ярких иллюстраций «духа музыки», отражающего тембристику красного террора, служит пасхальный эпизод «Щепки», предшествующий сумасшествию и аресту героя. На фоне иллюминированных церквей, праздничного пасхального звона, христосования разворачивается руководимая Срубовым облава:

...ночь, день, улицы, улицы, цепочки, цепи патрулей, ветер в ушах, запах бензина, дрожь сиденья автомобиля, хлопанье дверцы, слабость в ногах, шум, тяжесть в голове, резь в глазах, квартиры, комнаты, углы, кровати, люди – бодрствующие, со следами бессонницы на серых лицах, заспанные, удивленные, спящие, испуганные, чекисты, красноармейцы, винтовки, гранаты, револьверы, табак, махорка и серо-красное, красно-серое, и Белый, Красный, и Красный, Белый... (с. 81).

Звуковая палитра эпизода представляет собой агрессивный шумовой фон, аккомпанирующий атмосфере чекистского разгула. Мотивы ночи, улицы, ветра, мозаичность образов, прерывистость ритма повествования демонстрируют намеренный авторский диалог с поэмой Блока «Двенадцать».

Характерной особенностью сюжета значительной части поэм в прозе 1920-х гг. является финальное поражение героя-революционера в его столкновении с бушующей толпой. Среди них «Партизаны» Вс. Иванова, «Ноев ковчег» и «Пережной» Л. Сейфуллиной и др. Близка этому ряду и зазубринская «Щепка», хотя в ней поражение героя представлено в варианте проигранного поединка с самим собой, вылившегося в противостояние тому миру, частью которого он являлся. Несмотря на открытость финала, судьба Срубова остается неутешительной.

тельной: либо героя постигла участь его жертв, либо его последний путь стал дорогой в сумасшедший дом. Но и в том, и в другом случае это своего рода бег от реальности – черта, присущая герою романтической поэмы. Показательна в этом контексте сцена побега Срубова из Чека, где он предстает в роли подсудимого. Эпизод перенасыщен деталями, сигнализирующими о внутреннем отказе героя от своего давящего черной тяжестью кровавого прошлого:

Срубоб собирает последние силы, стряхивает с плеч черную тяжесть... соскочил с пролетки, упал на мостовой, машет руками, хочет плыть, хочет кричать и только хрипит:

– Я... я... я...

А на спине, на плечах, на голове, на мозгу черный пепел жгучей черной горой давит, жжет, жжет, давит (с. 90–91).

Невозможность для героя высказать свою последнюю мысль, передать ее через слово свидетельствует о недоовожденности его духовного высвобождения, что выражено также использованием романтических мотивов пловца и плавания в варианте несостоявшегося отплытия. Не случайно в этой характеристике Срубова возникает метафора «черного пепла»: она становится отсылкой к еще одному персонажу «Щепки» – Яну Пепелу, «железному человеку», придерживающемуся максимы «революция – никаких философов». Его портрет представлен с акцентированной выраженностью черного цвета: «Пепел в черной кожаной тужурке, в черных кожаных брюках, в черном широком обруче ремня, в черных высоких начищенных сапогах» (с. 58–59). Таким образом, мотив «черного пепла» становится реализацией метафоры, отождествляющей Срубова с Яном Пепелом на уровне его подсознательного самовосприятия. К тому же из отрицания собственного прошлого не вытекает отказ героя от революции в ее идеалистическом ореоле. Во всяком случае, об этом нет в финале ни слова. Но здесь в полные права вступает авторское слово, будто подхватывающее внутреннюю интенцию героя, компенсируя его бессловесность собственным лирическим голосом:

А Ее с битого стекла заговоров, со стрихнина саботажа рвало кровью, и пухло ее брюхо (по-библейски – чрево) от материнства, от голода. И, израненная, окровавленная своей и вражьей кровью... оборванная, в серо-красных лохмотьях, во вшивой грубой рубахе, крепко стояла Она босыми ногами на великой равнине, смотрела на мир зоркими гневными глазами (с. 90).

Такое завершение повести сродни явлению *deus ex machina*, характерному для многих революционных поэм в прозе, где ситуация противостояния враждующих сил разрешается авторским риторическим пассажем о приходе Красной армии и установлении революционного порядка (см.: [Лейдерман, 2008, с. 263]).

Интонационно финал «Щепки» звучит своеобразным гимном революции, исполняемым автором в унисон с внутренним голосом героя. Близость автора к герою ощутима на всем протяжении сюжета: не случайно Заzubрин наделил Срубова своими портретными чертами (высокий рост, борода, непослушная грива волос), а также собственным горячим темпераментом. Но неприкрыто его лирический голос появляется только в финале. Однако этот фрагмент служит свидетельством о «прямом подобии душевных переживаний автора и героя», что, как пишет Ю. Манн, является «конструктивным принципом романтической поэмы» [Манн, 1995, с. 152]. В итоге, несмотря на собственные сомнения и противоречия, Заzubрин утверждает святость революции, возвеличивая ее связь с образом Богородицы. Здесь вновь высвечивается параллель с поэмой Блока, где в заключительных строках возникает образ Христа. «Если взглянуть в столбы метели на этом пути, то увидишь “Исуса Христа”», – писал в своем дневнике Блок (1963, с. 330). Автор «Щепки» увидел на том же пути благословляющий образ Богоматери. Таким образом, революционный пафос заzubринской повести, как и пафос блоковской поэмы, безусловно, усилен гимнической интонацией финала. В итоге окончание «Щепки», корреспондируя с ее подзаголовком, формирует семантическую ось всей художественной структуры произведения, активизируя его настроенность на «высокий» жанр.

Заключение

Проведенный анализ поэтики «Щепки» дает основание к предположению, что в первоначальном замысле Зазубрин ориентировался на жанр поэмы, однако в процессе работы, всё глубже погружаясь в чекистские материалы, осознал невыполнимость этого намерения. В итоге обращение к орнаментальному стилю как особому типу художественного мышления дало ему возможность предельно рельефно выразить собственное противоречивое отношение к революции. Несмотря на поставленную самому себе задачу создать «вещь революционную», из-под пера писателя вышло произведение, воспроизводящее переломную эпоху в красках страшного мира, в котором высокие проекции образа революции, пронзающие сознание героя, создают эффект голоса, звучащего из ада. Такая корректировка творческой задачи потребовала от автора соответствующих приемов реализации сюжета, расширения границ эстетики, куда вошли те элементы поэтики, которые в литературе XIX в. находились за гранью эстетического, «музыкального». Зазубрин оказался одним из тех авторов, которого отличает художественное бесстрашие перед натуралистическими образами и деталями, жесткими отталкивающими метафорами, не только колоритно воссоздающими панораму взвихренного мира, но и поэтически воспроизводящими «фонограмму» красного террора.

Список литературы

- Бальбуров Э. А.** Философская проза Николая Бердяева (проблемы поэтики) // Нарративные традиции славянских литератур. Повествовательные формы Средневековья и Нового времени. Новосибирск: НГУ, 2009. С. 15–29.
- Вишневецкий И.** Между поэзией и прозой // НЛЮ. 2016. № 139. С. 297–308.
- Воронский А.** Искусство видеть мир (Портреты. Статьи). М.: Сов. писатель, 1987. 702 с.
- Драгомирецкая Н. В.** Стилиевые искания в ранней советской прозе // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. М.: Наука, 1965. Кн. 3. С. 125–173.
- Дудкин В. В.** Символика поэмы А. Блока «Двенадцать» (на материале зарубежных исследований) // Проблемы исторической поэтики. 1990. Т. 1. С. 115–127.
- Лейдерман Н. Л.** Кровавый карнавал. «Поэмы в прозе» 1920-х годов: поэтика и семантика // Вопросы литературы. 2008. Сентябрь – октябрь. С. 241–267.
- Лейдерман Н. Л.** Теория жанра. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2010. 904 с.
- ЛНС – Литературное наследие Сибири: В 8 т. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1972. Т. 2. 444 с.
- Мани Ю.** Динамика русского романтизма. М.: Аспект Пресс, 1995. 384 с.
- Проскурина Е. Н.** Поэтика Владимира Зазубрина. Жанровые, сюжетные проекции. М.: Новый Хронограф, 2020. 208 с.
- Ромодановская Е. К.** Рассказы сибирских крестьян о видениях (К вопросу о специфике жанра видений) // ТОДРЛ. 1996. Т. 49. С. 141–156.
- Седакова О.** Мариинны слезы. К поэтике литургических песнопений. М.: Практика, 2021. 168 с.
- Тынянов Ю. Н.** Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 574 с.
- Хасанов О. А.** Символика цвета в повести В. Я. Зазубрина «Щепка» // Вестник Краснояр. гос. пед. ун-та. 2017. № 1 (39). С. 227–231.
- Шкловский В. Б.** Избранное: В 2 т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 1. URL: <http://philologos.narod.ru/shklovsky/prosetales.html> (дата обращения 27.01.2023).

Список источников

- Блок А. А.** Собр. соч.: В 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1963. Т. 7. 548 с.
- Блок А. А.** Собр. соч.: В 6 т. Л.: Худож. лит., 1980. Т. 1. 512 с.

- Зазубрин В.** Два мира. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1988. 335 с.
- Зазубрин В.** Общежитие. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1990. 414 с.
- Малышкин А.** Падение Даира. URL: http://az.lib.ru/m/malyshkin_a_g/text_0010.shtml (дата обращения 09.03.2023).
- Пушкин А. С.** Полн. собр. соч.: В 10 т. Л.: Наука, 1977. Т. 2. 399 с.

References

- Balbuurov E. A.** Filosofskaya proza Nikolaya Berdyaeva (problemy poetiki) [Philosophical Prose of Nikolai Berdyaev (Problems of Poetics)]. In: *Narrativnyye traditsii slavyanskikh literatur. Povestvovatel'nyye formy Srednevekov'ya i Novogo vremeni* [Narrative Traditions of Slavic Literatures. Narrative forms of the Middle Ages and the New Age]. Novosibirsk, Novosibirsk State Uni. Press, 2009, pp. 15–29. (in Russ.)
- Dragomiretskaya N. V.** Stilevye iskaniya v rannei sovetskoj proze [Stylistic searches in early Soviet prose]. In: *Teoriya literatury. Osnovnye problemy v istoricheskom osveshchenii. Stilevye iskaniya v rannei sovetskoj proze* [The Theory of Literature. Main Problems in Historical Perspective]. Moscow, Nauka, 1965, book 3, pp. 125–173. (in Russ.)
- Dudkin V. V.** Simvolika poemy A. Bloka “Dvenadsat” (na materiale zarubezhnykh issledovanii) [The symbolism of A. Blok’s Poem *The Twelve* (on the Material of Foreign Studies)]. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [Problems of Historical Poetics], 1990, vol. 1, pp. 115–127. (in Russ.)
- Khasanov O. A.** Simvolika tsveta v povesti V. Ya. Zazubrina “Shchepka” [Symbolism of color in V. Ya. Zazubrin’s story *Sliver*]. *Herald of Krasnoyarsk Pedagogic University*, 2017, no. 1 (39), pp. 227–231. (in Russ.)
- Leiderman N. L.** Teoriya zhanra [Theory of genre]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical Uni. Press, 2010, 904 p. (in Russ.)
- Leiderman N. L.** Krovavyi karnaval. “Poemy v proze” 1920-kh godov: poetika i semantika [Bloody Carnival. “Poems in Prose” of the 1920s: Poetics and Semantics]. *Voprosy literatury*, 2008, September – October, pp. 241–267. (in Russ.)
- Literaturnoe nasledstvo Sibiri [Literary Heritage of Siberia]: In 8 vol. Novosibirsk, West Siberian Book Publ., 1972, vol. 2, 444 p. (in Russ.)
- Mann Yu.** Dinamika russkogo romantizma [The Dynamics of Russian Romanticism]. Moscow, Aspect Press, 1995, 384 p. (in Russ.)
- Proskurina E. N.** Poetika Vladimira Zazubrina. Zhanrovye, syuzhetnye proektsii [Vladimir Zazubrin’s poetics. Genre, plot projections]. Moscow, Novyi Khronograf Publ., 2020, 208 p. (in Russ.)
- Romodanovskaya E. K.** Rasskazy sibirskikh krest'yan o videniyakh (K voprosu o spetsifike zhanra videnii) [Tales of Siberian Peasants About Visions (On the Specificity of the Vision Genre)]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], 1996, vol. 49, pp. 141–156. (in Russ.)
- Sedakova O.** Mariiny slezy. K poetike liturgicheskikh pesnopenii [Maria’s Tears. To the Poetics of Liturgical Canticles]. Moscow, Praktika Publ., 2021, 168 p. (in Russ.)
- Shklovsky V. B.** Izbrannoe [Selected Works]. In 2 vols. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1983, vol. 1. (in Russ.) URL: <http://philologos.narod.ru/shklovsky/prosetales.html> (accessed 27.01.2023).
- Тунянов Ю. Н.** Poetika. Istoriya literatury. Kino [Poetics. History of Literature. Cinema]. Moscow, Nauka, 1977, 574 p. (in Russ.)
- Vishnevetsky I.** Mezhdru poeziei i prozoi [Between Poetry and Prose]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2016, no. 139, pp. 297–308. (in Russ.)
- Voronsky A.** Iskusstvo videt' mir (Portrety. Stat'i) [The Art of Seeing the World (Portraits. Articles)]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1987, 702 p. (in Russ.)

List of Sources

- Blok A. A.** Sobranie sochinenii [Collected Works]. In 8 vols. Moscow; Leningrad, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1963, vol. 7, 548 p. (in Russ.)
- Blok A. A.** Sobranie sochinenii [Collected Works]. In 6 vols. Leningrad, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1980, vol. 1, 512 p. (in Russ.)
- Mal'yshkin A.** Padenie Daira [The Fall of Dair]. (in Russ.) URL: http://az.lib.ru/m/malyshkin_a_g/text_0010.shtml (accessed 09.03.2023).
- Pushkin A. S.** Polnoe sobranie sochinenii [The Complete Works]. In 10 vols. Leningrad, Nauka, 1977, vol. 2, 399 p. (in Russ.)
- Zazubrin V.** Dva mira [Two worlds]. Novosibirsk, Novosibirsk Book Publ., 1988, 335 p. (in Russ.)
- Zazubrin V.** Obshchezhitie [Dormitory]. Novosibirsk, Novosibirsk Book Publ., 1990, 414 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Елена Николаевна Проскурина, доктор филологических наук
Scopus Author ID 57196727886
SPIN 9824-3238

Information about the Author

Elena N. Proskurina, Doctor of Sciences (Philology)
Scopus Author ID 57196727886
SPIN 9824-3238

*Статья поступила в редакцию 20.11.2023;
одобрена после рецензирования 01.12.2023; принята к публикации 29.12.2023
The article was submitted on 20.11.2023;
approved after reviewing on 01.12.2023; accepted for publication on 29.12.2023*

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-144-149

Пространственные характеристики повседневности в «Повести о сестре» М. А. Осоргина

Назира Мамитовна Сухих

Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

kurbanovanazira@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-8918-1459>

Аннотация

Рассматриваются пространственные характеристики повседневности в «Повести о сестре» М. А. Осоргина. Выделены и проанализированы несколько ключевых локусов в повести: родительский дом, квартира Лизы после замужества, дом Евгения Карловича и Кати. Отмечена интерпретация чулана как традиционного места для наказания детей, отличная от трактовок, имеющих в русской литературе. Уютное пространство Лизиной квартиры противопоставляется холодному дому Евгения Карловича и Кати так же, как счастливая жизнь младшей сестры и неудачное замужество старшей. Сделан вывод о характерных особенностях изображения повседневного пространства в повести: минимальная детализация, отсутствие ярких цветовых решений, акцент на звуковой составляющей.

Ключевые слова

повседневность, повседневное пространство, М. А. Осоргин, «Повесть о сестре», художественная деталь

Для цитирования

Сухих Н. М. Пространственные характеристики повседневности в «Повести о сестре» М. А. Осоргина // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 9: Филология. С. 144–149. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-144-149

Spatial Characteristics of Everyday Life in *The Tale of a Sister* by M. A. Osorgin

Nazira M. Sukhikh

Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation

kurbanovanazira@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-8918-1459>

Abstract

Purpose. The article deals with the spatial characteristics of everyday life in *The Tale of a Sister* by M. A. Osorgin.

Results. The analysis of the space of everyday life in the story identified several key locations: the parents' house, Liza's apartment after her marriage, Evgeny Karlovitch's and Katya's house. The closet is an important place for little Kostya. That is where the secret of the strong friendship between the protagonist and his elder sister was born. The author's emphasis on the sound component is noticeable along with the absence of bright colors in the depiction of the everyday space. The ordinariness in the story most often flows silently, and unusual events are described by sound characteristics.

Conclusion. The image of everyday space in *The Tale of a Sister* has characteristic techniques used by the author. These are minimal detailing, lack of bright colors, and an emphasis on sounds, in particular. The minimal detailing might be the specific artistic style of M. A. Osorgin's story. Despite the limited amount of descriptive details,

© Сухих Н. М., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 9: Филология. С. 144–149

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 9: Philology, pp. 144–149

the author creates a convex and tangible picture of the everyday life at that time, which fits organically into the structure of the story and reflects the peculiarities of the characters' lives.

Keywords

everyday life, everyday space, M. A. Osorgin, The Tale of a Sister, artistic detail

For citation

Sukhikh N. M. Spatial Characteristics of Everyday Life in *The Tale of a Sister* by M. A. Osorgin. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 9: Philology, pp. 144–149. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-9-144-149

Введение

Возрастающий интерес к проблеме повседневности в литературоведении подтверждают многочисленные современные исследования. Литературоведы выделяют свойства повседневности [Струкова, 2017; Новоселова, 2017], исследуют процессы оповседневнивания [Новоселова, 2017; Кучеренко, 2013; Пустовойтова, 2011; Кувшинов, 2019] и эстетизацию повседневности [Телегина, 2016; Пустовойтова, 2011], обращают внимание на хронотоп повседневности [Кучеренко, 2013; Пустовойтова, 2011; Телегина, 2016; Кувшинов, 2019]. Несмотря на растущий интерес к явлению, в литературоведении, как и в других дисциплинах гуманитарного направления, отсутствует единое определение этого феномена. В результате анализа существующих в настоящее время в гуманитаристике интерпретаций повседневности мы понимаем под *повседневностью будничный мир персонажа, состоящий из совокупности пространственно-временных характеристик (пространство – домашнее, рабочее, уличное; время – утреннее, дневное, вечернее, ночное) и ежедневных, повторяющихся практик (умывание, принятие и приготовление пищи, наведение порядка и т. п.)*.

Повседневность как часть образа покинутой эмигрантами России присутствует во многих произведениях писателей русского зарубежья. Исключением не стало и наследие М. А. Осоргина, в творчестве которого отмечается особое отношение к вещному миру [Жлюдина, 2012, с. 5]. Тем не менее проблему повседневности в осоргиноведении можно расценивать как научную лагуну, поскольку работ, посвященных специальному анализу этого феномена в творчестве писателя, до настоящего времени не появилось. Существуют исследования, в которых ученые обращаются к отдельным аспектам повседневности. Например, М. С. Анисимова анализирует образ дома в романе «Времена» [Анисимова, 2007, с. 12]. Томские литературоведы [Жлюдина, 2012; Сваровская и др., 2011] рассматривают образ дома и топоним Москвы (улицы, дома) как один из основных пространственных образов в романе «Сивцев Вражек».

Объектом нашего исследования стало произведение М. А. Осоргина «Повесть о сестре» (1931), написанное им за границей. Писатель вспоминает о своем детстве уже взрослым мужчиной. На автобиографичность «Повести о сестре» указывает ее сходство с воспоминаниями автора, озаглавленными «Сестра» (1928). В последних М. А. Осоргин зафиксировал всё, что в его памяти связано со старшей сестрой Ольгой. При сопоставлении «Сестры» и «Повести о сестре» становится очевидным, что большинство событий художественного произведения совпадают с тем, что действительно происходило в жизни автора и его сестры Ольги. Исследователи творчества писателя признают «Повесть о сестре» автобиографическим произведением [Марченко, 1994, с. 56; Сваровская и др., 2011, с. 5].

Результаты исследования

Повседневность в повести раскрывается в описании будничного мира маленького Кости в первой части произведения, а также обыденной жизни повзрослевшего главного героя и его сестер в последующих частях. Пространственные характеристики повседневности сосредоточены в следующих локусах: родительский дом, квартира Лизы после замужества, дом Евгения Карловича и Кати, а также съемные комнаты, в которых протекала студенческая жизнь Кости.

Вещный мир как репрезентативная часть будничного мира представлен посредством характерных деталей. Например, испорченный кран в ванной замужней Кати отражает ее плохие отношения с мужем. А часы в виде домика, которые ей подарила мама, являются напоминанием о лучших детских годах, проведенных в родном доме. После водных процедур женщина надевает «старый капотик, которому давно бы пора отойти на покой; но с ним она в тесной дружбе» (Осоргин, 1999, с. 339)¹. Определение «старый» в отношении капотика – это признак, указывающий на тесноту взаимной связи вещи и человека, на «зараженность» вещи человеческим началом [Топоров, 1995, с. 61–62]. Для Кати лишиться его сродни потере хорошего друга: «перестать ощущать эту теплоту вещи – большая утрата и для человека <...>» (с. 33).

Повседневным практикам в повести уделяется мало внимания: автор описывает детскую повседневность Кости (с. 311), повседневность его замужних сестер и студенческую повседневность, но все эти описания носят общий характер – отсутствует детальное описание приготовления пищи, уборки, стирки и т. п. Такую ситуацию можно объяснить историческими и социальными особенностями изображенной эпохи, когда хозяйственные заботы лежали на плечах прислуги. Единственное уточнение присутствует в описании будничной жизни Лизы, которая сама готовила кофе и помогала кухарке перед обедом (с. 327).

Значительный акцент в произведении сделан на пространственных характеристиках, связанных с повседневностью.

В первой части повести в контексте описания родительского дома главных героев выделяется пространство чулана. Костя совершил провинность, и в наказание за это мама отправила его в чулан. «А чтобы не было мне, маленькому, страшно, со мной посадили Катюшу, мою старшую сестру <...>» (с. 308). В русской литературе выделяют два основных варианта образа чулана. Чулан как отражение иррациональной стороны человеческой психики, в котором сконцентрирована темная сущность дома, присутствует в некоторых произведениях Ф. М. Достоевского [Нагина, 2022, с. 281]. Для Л. Н. Толстого чулан сродни не подвалу, как у Ф. М. Достоевского, а сундуку или шкафу, хранящему тайны души [Там же].

Чулан в «Повести о сестре» описывается как «отличный, теплый, просторный». В нем стоит большой сундук, «а на сундуке положено одеяло, чтобы сидеть было мягче» (с. 308). Мотив наказания – заключения в чулане появляется и в повести Л. Н. Толстого «Отрочество», однако Николенька в этот сюжетный момент был старше, чем Костя, а его проступок был серьезнее. Если Николенька в чулане предается вначале фантазиям, а потом раздумьям, которые даже приводят его к мысли о смерти, то Костя расстроен тем, что подобное наказание унижает человеческое достоинство.

В «Повести о сестре» чулан выполняет ключевую роль во взаимоотношениях Кости и Кати. «Думаю, что именно тогда и родились между нами близость и взаимное понимание, позже спаявшие нас крепкими узами нерушимой дружбы» (с. 309). Чулан у М. А. Осоргина – это особое пространство, пребывание в нем становится своего рода инициацией, после прохождения которой зарождается таинство крепкой дружбы главного героя и его старшей сестры.

Кроме чулана, автор описывает столовую в родном доме Кости, в которой «по вечерам уютнее всего» (с. 312). В изображении помещения используется минимальная детализация. «Там большая всякая керосиновая лампа над столом, покрытым темной ковровой скатертью» (с. 312). Несмотря на отсутствие подробностей в создании образа столовой, упоминание лампы делает его более выпуклым и «живым». Согласно наблюдениям Г. Башляра, керосиновая лампа более человечна, чем электрическая лампочка, поскольку ей нужно уделять внимание, чистить фитиль, подбирать хорошее масло. «Электрическая лампочка никогда не сможет стать источником грез, подобно той живой лампе, которая давала свет благодаря маслу» [Башляр, 2004, с. 264].

¹ Далее ссылки на это издание приводятся в круглых скобках с указанием страниц.

Для повседневного пространства в повести характерно отсутствие ярких красок, больше внимания уделено звуку, а не цвету. В обычные дни, не нарушаемые какими-то событиями, в доме стоит тишина: «совсем тихо и в доме», «в комнате тихо, и время проходит мимо нас, такая маятником» (с. 298, 312). Приход Кати из гимназии для Кости сродни празднику, потому что «с нею возвращалось в дом оживление, мама улыбалась, нянька шлепала туфлями. Саватьевна гремела посудой» (с. 311). Помолвка старшей сестры – событие, выходящее из ряда обыденных, – сопровождается громкими повседневными звуками: «мама звенит ключами, няня стучит ящиками шкапов и комодов» (с. 315). Эпизод, когда у Кати начались роды (не повседневное событие), тоже не проходит в тишине: «но и ночью было слышно, как хлопает кухонная дверь» (с. 323). Таким образом, обыденность в повести чаще всего протекает в тишине, а необычные события описываются при помощи звуковой характеристики. Интересно, что для передачи этих звуков автор использует только «самое действенное, самое взволнованное слово в нашем языке» [Галь, 1987, с. 16] – глаголы: «шлепала», «гремела», «звенит», «стучит», «хлопает». Благодаря такому описанию звуков картина оживает, становится более осязаемой.

После того как сестры Кости вышли замуж, он попеременно гостил то у Лизы, то у Кати. Интересно противопоставление их жилищ. Квартира Лизы описывается как удобная, полная уюта, салфеточек, недорогих картин и покойного быта (с. 326). Дом Евгения Карловича и Кати холодный и захламленный: «В доме ее мужа было много ненужных комнат и стояла лишняя мебель, не делавшая уюта» (с. 329). Лишнюю мебель в этом доме можно истолковать как символ бессмысленности и распада [Топоров, 1995, с. 60]. В данном случае речь идет о распаде супружеских отношений, поскольку брак Кати и Евгения Карловича к тому времени уже давно перестал быть настоящим союзом.

Еще одной характерной деталью в пространстве повседневности, отличающей счастливую жизнь Лизы от неудачного замужества Кати, является упоминание о комнатных растениях. У старшей сестры Кости «совсем не было комнатных растений», в то время как «у Лизы был заполнен ими каждый освещенный уголок» (с. 329). В поэтических произведениях зачастую используется образ пламени в растениях [Башляр, 2004, с. 254–261], который иногда перерастает в пламя жизни. Пользуясь таким красочным сравнением, обнаруживаем, что квартира Лизы полна жизненного пламени благодаря ее комнатным растениям, а в доме Кати отсутствует хоть какая-нибудь искра жизни.

Заключение

Анализ пространственных образов в «Повести о сестре» М. А. Осоргина позволил обнаружить несколько характерных особенностей в авторском изображении повседневности. М. А. Осоргин редко использует цвета, но выделяет звуковую составляющую повседневного пространства, используя тишину как маркер будничности и насыщение звуком как признак значительности события.

Еще один характерный прием писателя в создании повседневных образов – минимальная детализация. Использование этого приема может быть объяснено ретроспективным развертыванием повествования: о своем детстве и юности герой вспоминает, будучи уже взрослым человеком. Поэтому ключевые моменты в повседневности, необходимые для полноты картины, отмечаются пунктирно. На наш взгляд, именно в минимальной детализации заключается специфика художественного стиля повести М. А. Осоргина. Но, несмотря на ограниченное количество описательных деталей, автор создает выпуклую и осязаемую картину повседневности конца XIX – начала XX в., которая органично вписывается в сюжетную структуру повести и отражает особенности жизни героев.

Список литературы

Анисимова М. С. Мифологема «дом» и ее художественное воплощение в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции (на примере романов И. С. Шмелева «Лето

- Господне» и М. А. Осоргина «Времена»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2007. 17 с.
- Башляр Г.** Избранное: Поэтика пространства. М.: РОССПЭН, 2004. 376 с.
- Галь Н. Я.** Слово живое и мертвое: Из опыта переводчика и редактора. М.: Книга, 1987. 272 с.
- Жлюдина А. В.** Семантика художественного пространства в романах М. А. Осоргина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012. 25 с.
- Кувшинов Ф. В.** Репрезентация повседневности в русской прозе 1920–1930-х гг.: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2019. 32 с.
- Кучеренко О. В.** Проблема повседневности в малой прозе Т. Гарди: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2013. 16 с.
- Марченко Т. В.** Творчество М. А. Осоргина: 1922–1942. Из истории литературы русского зарубежья: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1994. 211 с.
- Нагина К. А.** Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский: «чуланные истории» // Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителя-филолога: Материалы Междунар. науч.-практ. онлайн-конф. Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2022. С. 278–286.
- Новоселова Е. А.** Поэтика повседневности в художественной прозе Ю. В. Трифонова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2017. 22 с.
- Пустовойтова О. В.** Феномен повседневности в прозе И. А. Бунина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2011. 19 с.
- Сваровская А. С., Хатямова М. А., Жлюдина А. В.** Поэтика прозы М. А. Осоргина. Томск: Изд-во Томск. политех. ун-та, 2011. 100 с.
- Струкова Т. Г.** Проблема обыденности в дискурсе о литературе // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Философия. 2017. № 1. С. 72–83.
- Телегина О. В.** Эстетизация повседневности в романах Элизабет Гаскелл: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2016. 25 с.
- Топоров В. Н.** Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс – Культура, 1995. 624 с.

Список источников

Осоргин М. А. Собр. соч. М.: Московский рабочий; Интелвак, 1999. Т. 1. 542 с.

References

- Anisimova M. S.** Mifologema “dom” i ee khudozhestvennoe voploshchenie v avtobiograficheskoi proze pervoi volny russkoi emigratsii (na primere romanov I. S. Shmeleva “Leto Gospodne” i M. A. Osorgina “Vremena”) [Mythologeme “home” and its artistic embodiment in the autobiographical prose of the first wave of Russian emigration (on the example of the novels *Summer of the Lord* by I. S. Shmelev and *Times* by M. A. Osorgin)]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Nizhny Novgorod, 2007, 17 p. (in Russ.)
- Bachelard G.** Izbrannoe: Poetika prostranstva [Selected: Poetics of Space]. Moscow, Russian Political Encyclopedia, 2004, 276 p. (in Russ.)
- Gal N. Ya.** Slovo zhivoe i mertvoe: Iz opyta perevodchika i redaktora [The Word Alive and Dead: From the Experience of a Translator and Editor]. Moscow, Kniga Publ., 1987, 272 p. (in Russ.)
- Kucherenko O. V.** Problema povsednevnosti v maloi proze T. Gardi [The Problem of Everyday Life in T. Gardie’s Small Prose]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Voronezh, 2013, 16 p. (in Russ.)
- Kuvshinov F. V.** Rerezentatsiya povsednevnosti v russkoi proze 1920–1930-kh gg. [The Representation of Everyday Life in Russian Prose of the 1920s and 1930s.] Abstract of Dr. Philol. Sci. Diss. St. Petersburg, 2019, 32 p. (in Russ.)

- Marchenko T. V.** Tvorchestvo M. A. Osorgina: 1922–1942. Iz istorii literatury russkogo zarubezh'ya [Creativity of M. A. Osorgin: 1922–1942. From the History of Literature of the Russian Abroad]. Diss. of Cand. Philol. Sci. Moscow, 1994, 211 p. (in Russ.)
- Nagina K. A.** L. N. Tolstoy i F. M. Dostoevsky: “chulannye istorii” [L. N. Tolstoy and F. M. Dostoevsky: “closet stories”]. In: *Sovremennaya yazykovaya situatsiya i sovershenstvovanie podgotovki uchitelya-filologa* [Modern linguistic situation and improvement of teacher-philologist training]. Materials of the International Scientific and Practical Online Conference. Voronezh, Voronezh State Pedagogical Uni. Press, 2022, pp. 278–286. (in Russ.)
- Novoselova E. A.** Poetika povsednevnosti v khudozhestvennoi proze Yu. V. Trifonova [Poetics of Everyday Life in Yu. V. Trifonov's Prose]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Ekaterinburg, 2017, 22 p. (in Russ.)
- Pustovoitova O. V.** Fenomen povsednevnosti v proze I. A. Bunina [The Phenomenon of Everyday Life in Ivan Bunin's Prose]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Magnitogorsk, 2011, 19 p. (in Russ.)
- Strukova T. G.** Problema obydenosti v diskurse o literature [The Problem of Everyday Life in Literature Discourse]. *Herald of Voronezh State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 1, pp. 72–83. (in Russ.)
- Svarovskaya A. S., Khatyamova M. A., Zhlyudina A. V.** Poetika prozy M. A. Osorgina [Poetics of the prose of M. A. Osorgin]. Tomsk, Tomsk Polytech. Uni. Press, 2011, 100 p. (in Russ.)
- Telegina O. V.** Estetizatsiya povsednevnosti v romanakh Elizabet Gaskell [The Aestheticization of Everyday Life in the Novels of Elizabeth Gaskell]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Nizhniy Novgorod, 2016, 25 p. (in Russ.)
- Toporov V. N.** Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe [Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in the Field of Mythopoetic: Selected Works]. Moscow, Progress – Kul'tura Publ., 1995, 624 p. (in Russ.)
- Zhlyudina A. V.** Semantika khudozhestvennogo prostranstva v romanakh M. A. Osorgina [Semantics of artistic space in the novels of M. A. Osorgin]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Tomsk, 2012, 25 p. (in Russ.)

List of Sources

- Osorgin M. A.** Sobranie sochinenii [Collected Works]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ.; Intelvak Publ., 1999, vol. 1, 542 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Назира Мамитовна Сухих, аспирант
SPIN 3052-1948

Information about the Author

Nazira M. Sukhikh, PhD Student
SPIN 3052-1948

Статья поступила в редакцию 16.07.2023;
одобрена после рецензирования 18.10.2023; принята к публикации 23.10.2023
The article was submitted on 16.07.2023;
approved after reviewing on 18.10.2023; accepted for publication on 23.10.2023

К столетию Виктора Георгиевича Одинокова (1924–2016)

10 июня 2024 г. отмечается столетие со дня рождения Виктора Георгиевича Одинокова – выдающегося ученого-филолога. Виктор Георгиевич известен своими трудами в области типологических исследований, поэтики русской литературы, духовной культуры и в других сферах литературоведения. На протяжении более полувека Виктор Георгиевич работал на гуманитарном факультете (с 2016 г. – Гуманитарный институт) Новосибирского государственного университета. Виктор Георгиевич пришел на только что созданный гума-

нитарный факультет НГУ в 1962 г. Уже тогда ученый обратился к проблемам литературной типологии: в продолжение десятилетия с середины 1960-х гг. выходят его значительные труды: «Русский роман XIX в. Проблемы поэтики и типологии» (1967), «Пушкин и Тургенев (Проблемы поэтики и типологии русского романа)» (1968), «Типология русского романа» (1970), «Художественная системность русского классического романа. Проблемы и суждения» (1976).

Защитив докторскую диссертацию по теме «Проблемы поэтики и типологии русского романа XIX в.» (1971), Виктор Георгиевич возглавил в 1975 г. новую кафедру на отделении языкознания гуманитарного факультета – кафедру литературы. Виктор Георгиевич являлся бесменным лектором курса «История русской литературы XIX в.», читал курсы по введению в литературоведение и теории литературы. В разное время им были подготовлены и прочитаны специальные курсы: «Проблемы поэтики и типологии русского романа», «Поэтика романов Л. Н. Толстого», «Поэтика драматургии А. П. Чехова», «Проблемы изучения русской литературы XIX в.» (магистратура). Блестящие лекции Виктора Георгиевича, полные мягкого юмора, помнят многие поколения студентов. Взгляд на классическую русскую литературу как на процесс постоянного взаимодействия притяжений и отталкиваний литературных явлений позволял усвоить положение о литературе как динамическом целом.

Виктор Георгиевич не оставлял изучения творчества Л. Н. Толстого, ставшего одним из излюбленных авторов ученого: книги «Л. Н. Толстой – художник (Проблемы поэтики романов)» (1966) и «Поэтика романов Л. Н. Толстого» (1978) заняли достойное место в отечественном толстоведении. Предложенный в последней книге принцип художественного ансамбля обогатил методологию типологических исследований русской литературы.

Нельзя не назвать капитальных трудов ученого «Типология образов в художественной системе Ф. М. Достоевского» (1981), «И даль свободного романа...» (монография посвящена романизации творческого мышления А. С. Пушкина) (1983), «Поэтика русских писателей и литературный прогресс» (1987) и «Художественно-литературный опыт в поэтике русских писателей» (1990).

Научное внимание Виктора Георгиевича было обращено и к проблемам литературного регионализма как на материале произведений писателей-сибиряков – то, что в рамках современной традиции можно назвать сибирским текстом русской литературы, – так и в историко-литературном аспекте: сюда относятся функционирование литературной критики в сибирской

периодике и сборниках конца XIX в. и вопросы культурной самоидентификации сибирских литераторов и общественных деятелей-областников (Н. М. Ядринцев, Г. М. Потанин и др.). Исследователь вошел в состав редколлегии серии «Литературное наследство Сибири» в 7 т. (1969–1986), осуществил научное редактирование сборника статей «Вопросы русской и советской литературы Сибири» (1971), стал одним из организаторов и авторов двухтомного издания «Очерки русской литературы Сибири» (1982). Вышедшая позже статья Виктора Георгиевича «Литературный регионализм и культурная целостность» (2002) важна как обобщение системности связей общерусской и областной литературы. Теоретические занятия проблемами литературного регионализма В. Г. Одинокоев сочетал с участием в редколлегии журнала «Сибирские огни».

В 1992 г. В. Г. Одинокоев был избран членом-корреспондентом Российской академии образования. В это же десятилетие Виктор Георгиевич посвящает свои научные труды новому научному объекту – русской духовной культуре. Результатом этой стороны научной деятельности Виктора Георгиевича стали учебные и учебно-методические пособия: «Литературный процесс и духовная культура в России: Ф. Достоевский, Л. Толстой, И. Тургенев» (1995), «Литературный процесс и духовная культура в России: А. Пушкин, М. Лермонтов, Н. Гоголь» (1996), «Литературный процесс и духовная культура в России» (1998), «Литература и духовная культура: Материалы к курсу лекций по русской литературе XIX в.» (2002), «Русские писатели XIX века и духовная культура» (2003). Виктор Георгиевич являлся редактором (наряду с проф. Р. Грюбелем) сборника научных трудов «Русская литература и религия» (1997), составленного в рамках совместного проекта Новосибирского и Ольденбургского университетов (Германия). С 2002 по 2014 г. В. Г. Одинокоев являлся ответственным секретарем научного журнала «Вестник НГУ. Серия: История, филология», а также членом редакционного совета указанного издания (2002–2016).

В 2000-е гг. выходят работы ученого «Пьесы А. П. Чехова “Чайка”, “Дядя Ваня”, “Три сестры”, “Вишнёвый сад”: поэтика и эволюция жанра» (2006), «Ранняя драматургия А. П. Чехова: проблематика и поэтика» (2008), «Поэтический мир Н. В. Гоголя в пространстве русской культуры XIX века» (2010), учебно-методические пособия «Русская литература XIX в.» (2009) и «Романтизм как направление и метод в русской литературе XIX в.» (2013) (две последние работы осуществлены в соавторстве с Д. В. Одинокоевой). В 2010-е гг. исследователь работал над книгой «Драматургия Н. В. Гоголя».

Виктор Георгиевич ушел на девяносто третьем году жизни, оставив после себя много учеников – кандидатов и докторов наук, продолжающих обращаться к методу и трудам выдающегося ученого. Светлая и благодарная память о Викторе Георгиевиче Одинокоеве объединяет и его учеников, и преподавателей Гуманитарного института НГУ, и всех, кто знал этого выдающегося ученого и замечательного человека.

При написании заметки использована фотография, размещенная на сайте Новосибирского государственного университета.
URL: <https://www.nsu.ru/n/humanities-institute/60-years/philology/odinokov-vg/fotografii-iz-lichnogo-arkhiva-v-g-odinokova/>

Информация для авторов

Вестник Новосибирского государственного университета Серия: История, филология Выпуск «Филология»

Редакционная политика выпуска «Филология» направлена на отбор наиболее значимых публикаций, подготовленных по актуальной научной тематике.

К печати в разделе «Языкознание» принимаются работы, в которых на репрезентативном языковом материале, собранном лично автором, решаются актуальные проблемы современной лингвистики, преимущественно русистики, отличающиеся новизной и теоретической обоснованностью.

К публикации в разделе «Литературоведение» принимаются исследования по поэтике русской литературы (сюжет, мотив, жанр, образ человека в литературе, поэтика образа, символа и пр.) с использованием современных научных методов.

Сроки выхода журнала: март (№ 2) и ноябрь (№ 9) каждого календарного года.

Общие требования к оформлению статьи

Авторы присылают в редколлегию выверенную ими рукопись статьи. Объем статьи доктора наук не должен превышать 1 а. л. = 40 тыс. знаков (с пробелами и учетом всех сносок и всех метаданных), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм составляет 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Объем статьи кандидата наук – не более 0,7 а. л., аспирантов и соискателей – не более 0,5 а. л. Объем сообщений, рецензий и других подобных материалов – до 12 тыс. знаков.

Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором выпуска.

Материалы подаются в электронном виде в формате текстового редактора Word (расширение .doc, .docx или .rtf), шрифт Times New Roman, кегль 12, интервал 1. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы (внизу справа).

Обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf).

Подробно с требованиями к оформлению текстов можно ознакомиться на официальном сайте издания: <https://nguhist.elpub.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>.

Все файлы необходимо загружать на официальный сайт журнала (<https://nguhist.elpub.ru/jour/index>), зарегистрировавшись в качестве автора, в соответствии с приведенной на сайте инструкцией. Там же можно ознакомиться с последними опубликованными номерами журнала.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Адрес редакционной коллегии
выпуска «Филология»

Новосибирский государственный университет,
ауд. 1260 нового учебного корпуса
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: philology@vestnik.nsu.ru

Журнал распространяется по подписке,
подписной индекс 11227 в каталоге «Пресса России»